

CHRISTIAN
JACOB

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ФАРАОНА

Кристиан Жак

Annotation

Кристиан Жак — один из пяти самых читаемых писателей Франции! Автор пятнадцати мировых бестселлеров!

Древний Египет. Злоумышленники похитили из Большой пирамиды древний папирус — священный договор между людьми и богами. Теперь страну ожидают страшные несчастья: земля оскудеет, сады засохнут, на поля нападут бедуины, и пошатнется трон Рамсеса Великого.

Боги разгневались, а фараон не в силах предотвратить беду, ведь отчаянные поиски священного папируса пока ни к чему не привели.

Во дворце сплетена паутина интриг, и запутавшиеся в ней уже не могут понять, кто враг, а кто друг. Фараону грозит отречение от трона, а власть над всей страной попадет в руки негодяев.

Только визирь Пазаир и его супруга, прекрасная Нефret, остаются верны Рамсесу Великому. Им предстоит совершить невозможное — пройти через множество испытаний, разоблачить заговорщиков и спасти страну от грядущего хаоса.

Настало время решающей битвы со злом!

Великий Египет, загадочные пирамиды, ложь и коварство, тайные заклятия, мистические совпадения и изощренные преступления — все это в книге «Возвращение фараона»!

Кристиан Жак

Возвращение фараона

*Возрадуйся, вся земля!
Справедливость вернулась.
Вы, праведники, идите и смотрите:
Справедливость восторжествовала над злом.
Порочные пали ниц,
Алчные — наказаны.*

Папирус Салиер I, (Британский музей 1018), лист VIII. 7

Предательство приносило неплохие доходы. Ярти, обрюзгший человек с одутловатым красным лицом, выпил третий кубок белого вина, радуясь сделанному выбору. Работая секретарем судьи Пазаира, ставшего визирём Рамсеса Великого, он трудился чересчур много, а получал мало. С переходом на службу к Бел-Трану, злейшему врагу визиря, жизнь Ярти заметно улучшилась. За каждое сведение о привычках Пазаира ему полагалось вознаграждение. С помощью Бел-Трана и одного из агентов, лжесвидетельствующего против его жены, Ярти надеялся добиться развода и получить опеку над дочерью, которая готовилась стать танцовщицей.

Мучаясь от головной боли, Ярти поднялся до рассвета, когда Мемфис, экономический центр Египта, был еще погружен в темноту.

Вдруг раздался какой-то шепот. Ярти поставил кубок. С тех пор как он стал предавать Пазаира, он пил все больше и больше, но не из-за угрызений совести, а потому, что мог наконец-то покупать дорогие вина и пиво высшего качества. Неутолимая жажда постоянно жгла горло.

Ярти приоткрыл деревянный ставень и выглянул на улицу. Никого.

Ворча себе под нос, Ярти задумался о радостях, которые готовил ему грядущий день. Благодаря Бел-Трану, он оставлял предместье и переезжал в один из лучших кварталов рядом с центром города. Уже сегодня вечером он будет жить в пятикомнатном доме с маленьким садом, а завтра — займёт должность налогового инспектора в казначействе, которым руководил Бел-Тран.

Одна беда: несмотря на качество сведений, переданных Бел-Трану, Пазаир не был еще устранен, будто сами боги охраняли его. Но везению когда-то же должен прийти конец.

На улице кто-то хихикнул. Ярти с беспокойством прильнул к двери, выходившей в переулок. И тут его осенило — это же мальчишки! Их излюбленное занятие — размалевывать стены домов кусочками охры.

В ярости Ярти распахнул настежь дверь, и первое, что он увидел, была оскаленная, вся в пне, пасть гиены. Огромная самка с глазами, напитыми кровью, издала звук, похожий на загробный смех, и вцепилась ему в горло.

Обычно гиены не приближаются к людным местам, пожирая падаль в пустыне. Но почему-то изменив своим привычкам, с десяток хищников пробрались в пригород Мемфиса. Бывший секретарь суда Ярти, пьяница, которого ненавидели все соседи, стал их жертвой. Вооружившись палками, жители квартала обратили гиен в бегство. Но каждый истолковал событие как предзнаменование плохого будущего для Рамсеса, чью силу до сих пор никто не ставил под сомнение. У ворот Мемфиса, в арсеналах, доках, казармах, в кварталах Сикоморы, Крокодиловой стены и училища лекарей, на базарах и в лавках ремесленников из уст в уста передавалось одно и то же: «Год гиен!»

Страна может ослабеть, может быть неурожай винограда, почва оскудеет, сады засохнут, не будет хватать фруктов, овощей, одежды, целебных мазей. Или на плантации в дельте Нила нападут бедуины, и тогда качнется трон под фараоном. Год гиен — конец гармонии, брешь, в которую ворвутся силы зла!

Шепотом говорилось, что Рамсес Великий не в силах помешать грядущему несчастью. Конечно, через девять месяцев наступит праздник обновления, который вновь даст царю

необходимую силу, чтобы противостоять врагу и победить его. Но не придут ли эти торжества слишком поздно? Новый визирь Пазаир слишком молод и неопытен. Вступление в должность в год гиен может привести к краху. Если царь больше не сможет защитить свой народ, то все погибнут в алчной пасти тьмы.

* * *

Шел конец января. Холодный ветер обдувал некрополь Саккары, над которым высились гигантская лестница в небо — ступенчатая пирамида фараона Джосера. У могилы мудреца Беранира молча стояли Пазаир и Нефret и читали иероглифы, вырезанные на белом камне.

О, живущие на земле, пришедшие к месту этому, воздайте почести моему ка, скажите для меня слова, сопровождающие приношение даров, совершите жертвенное возлияние, и за это воздастся вам.

Мудреца Беранира, духовного наставника Пазаира и Нефret, хладнокровно убили. У кого хватило жестокости вонзить ему в затылок перламутровую иглу, чтобы помешать стать великим жрецом Карнака, при этом обвинив в убийстве Пазаира, его ученика? Расследование шло очень медленно, но двое молодых людей поклялись раскрыть истину, несмотря ни на какие опасности.

К ним подошел необычайно худой человек с густыми черными бровями, которые сходились у переносицы, тонкими губами и очень длинными руками и ногами. Это был бальзамировщик Джуи.

— Хотите посмотреть на место вашего погребения? — спросил он у Пазаира.

— Ведите.

Визирь Пазаир, стройный шатен с открытым широким лбом и зеленовато-карими глазами, получил от Рамсеса Великого задание спасти Египет от заговора, угрожавшего трону. Молодой Пазаир, чье имя означало « тот, кто видит далеко », начинал свою карьеру мелким провинциальным судьей. Оказавшись в Мемфисе, он отказался умалчивать о преступлениях чиновников и узнал о страшной трагедии, о которой ему поведал сам царь.

Заговорщики, убив стражей у сфинкса в Гизе, вошли в коридор, начинавшийся между лап гигантской статуи, и попали внутрь Великой пирамиды — священного центра страны. Они вскрыли саркофаг Хеопса и похитили Завещание богов, которое узаконивало власть фараона. Если фараон не сможет показать его великим жрецам, суду и народу во время праздника обновления, назначенного на двадцатое июля, первый день нового года, он будет вынужден отказаться от власти и передать управление страной обычному смертному.

Молодой судья показал себя непреклонным, бескомпромиссным даже с риском для карьеры и жизни человеком, и Рамсес доверился ему. Теперь назначенный визирем, верховным судьей, хранителем печати фараона, главой секретных служб, первым сановником Египта, Пазаир должен был сделать все, чтобы спасти страну от бедствия.

Идя вдоль гробниц, он любовался своей супругой Нефret, красота которой очаровывала его с каждым днем все больше и больше. Летняя синева глаз, светло-русые волосы, открытое лицо с мягкими чертами — Нефret являлась воплощением счастья и радости жизни. Без нее он бы не выстоял под ударами судьбы.

После длинной череды испытаний Нефret стала главным лекарем царства. Она очень любила целительство. Девушка унаследовала от мудреца Беранира, целителя и мага, дар

определять природу болезней и искоренять их причину. Она носила на шее оберег из бирюзы, подаренный учителем.

Ни Пазаир, ни Нефret не стремились занимать столь высокие должности. Они с удовольствием уединились бы в какой-нибудь дальней деревне и проживали счастливые дни под солнцем Верхнего Египта. Но боги распорядились иначе. Будучи единственными хранителями секретов фараона, они должны были неустанно бороться с многочисленными врагами и заговорщиками.

— Здесь. — Джui указал на свободное место рядом с гробницей одного из прежних визирей. — Каменотесы завтра же начнут работы.

Пазаир кивнул. Ранг требовал от него приготовить себе вечное жилище, где он будет пребывать вместе со своей супругой.

Бальзамировщик удалился медленной усталой походкой.

— Возможно, мы никогда не будем здесь погребены, — произнес Пазаир глухим голосом. — Враги Рамсеса ясно заявили о своем стремлении отказаться от традиционных ритуалов. Они хотят уничтожить целый мир, а не одного человека.

Супруги вышли к парадному двору перед ступенчатой пирамидой. Здесь, в самый разгар праздника обновления, Рамсес должен показать Завещание богов, которое у него похитили. Пазаир был убежден, что убийство его наставника связано с заговором. Если удастся вычислить убийцу, он сможет выйти на похитителей и таким образом выбраться из расставленных сетей. Лишившись незаменимой помощи своего друга и духовного брата Сути, приговоренного к году заключения в крепости за супружескую неверность, Пазаир размышлял о том, как его вызволить. Но даже он, хозяин правосудия, не мог покровительствовать другу. В противном случае ему бы грозила отставка.

Древний некрополь Саккары помнил о несравненном величии эпохи пирамид. Здесь соединились Север и Юг страны, образовав великое царство, которое унаследовал Рамсес. Пазаир нежно обнял Нефret. Они с восхищением любовались строгой архитектурой древней пирамиды, которая была видна из любой части некрополя.

Сзади послышались шаги. Визирь и его супруга обернулись. К ним приближался человек среднего роста, коренастый, пухлый, черноволосый, с круглым лицом. Он шел быстро и, казалось, нервничал.

Не веря своим глазам, Пазаир и Нефret переглянулись. Это был их злейший враг, вдохновитель заговора — Бел-Тран.

Глава Государственной казны — Двойного Белого дома, — обладающий феноменальной способностью к расчетам, ряный труженик, Бел-Тран начал карьеру с самых низов: он изготавливал папирус, затем был старшим казначеем зерновых складов. Он притворялся, что поддерживает Пазаира лишь для того, чтобы держать под контролем его поступки. Но когда молодой судья вопреки всем ожиданиям стал визирем, Бел-Тран сбросил маску преданного друга. Пазаир помнил его искаженное от ненависти лицо и слова: «Боги, храмы, вечные жилища, ритуалы... Все это смешно и старо. У вас нет ни малейшего представления о новом мире, в который мы входим. Ваша вселенная превратилась в труху, я подточил ее основы!»

Пазаир не считал нужным арестовывать Бел-Трана. Сначала следовало распутать паутину, которую тот сплел, уничтожить сеть заговорщиков, найти Завещание богов. Просто он хвастался или в самом деле отравил страну?

— Мы друг друга не поняли, — вкрадчиво сказал Бел-Тран. — Я сожалею о жестокости

моих слов. Простите мою вспыльчивость, дорогой Пазаир. Я испытываю к вам глубокое уважение и восхищаюсь вами. Если разобраться, я уверен, что в главном мы согласны друг с другом. Египту нужен хороший визирь, такой, как вы.

— Что скрывается за этими льстивыми речами?

— Зачем грызться, наш союз мог бы оградить всех от многих неприятностей. Рамсес и его царство обречены, и вы это знаете. Давайте вместе двигаться к новому правлению.

Одинокий ястреб кружил в зимнем лазурном небе над церемониальным двором пирамиды Джосера.

— Ваши извинения лицемерны, — вмешалась Нефret. — Не стоит надеяться на наше согласие.

Глаза Бел-Трана гневно сверкнули.

— Это ваш последний шанс, Пазаир! Либо вы подчинитесь, либо я вас уничтожу.

— Подите прочь! Свет этого места не для вас.

Главный казначей в ярости удалился. Взявшись за руки, Пазаир и Нефret молча смотрели ему вслед.

Вся знать египетского царства собралась в зале правосудия. В глубине зала, на возвышении, находилось место Пазаира. На ступенях — сорок обтянутых кожей досок с письменами, символизировавших исполнение Закона. Десяток писцов, в париках и коротких передниках, положив правую руку на левое плечо, охраняли ценные реликвии.

В первом ряду, на позолоченном деревянном троне восседала царица-мать Тuya — изящная шестидесятилетняя высокомерная женщина с острым взглядом, в роскошном парике из натуральных волос, в белом льняном платье с вырезом, отделанным золотом.

Рядом с царицей — Нефret, излечившая ее от тяжелой болезни глаз. Супруга Пазаира была облачена в одеяния, соответствовавшие ее положению: шкуру пантеры поверх льняного платья, струящийся парик, сердоликовое ожерелье, лазуритовые браслеты на запястьях и лодыжках. В правой руке она держала свою печать, в левой — письменный прибор. Обе женщины испытывали уважение друг к другу. Царица-мать умело боролась против недругов Нефret и способствовала ее продвижению на вершину врачебной иерархии.

За Нефret расположился верховный страж царства, преданный соратник Пазаира, нубиец Кем. Кему отрезали нос, осудив за воровство, которого он не совершал. Вместо носа у него был деревянный окрашенный протез. Поступив на службу, Кем подружился с молодым судьей, влюбленным в справедливость, в которую Кем больше не верил. После многих испытаний нубиец по просьбе Пазаира встал во главе государственной службы поддержания порядка. Поэтому сейчас он не без гордости сжимал символы своей должности — жезл из слоновой кости с изображением руки и амулет, украшенный широко раскрытым глазом, выслеживающим зло, и мордой льва, напоминавшей о бдительности. Рядом с ним на поводке сидел огромный павиан по кличке Убийца. Крупная обезьяна, наделенная неимоверной силой, только что получила «повышение» за свои подвиги. Ее главная «задача» состояла в охране Пазаира, чья жизнь неоднократно оказывалась под угрозой.

На приличном расстоянии от них стоял бывший визирь Баги. Высокого роста с суровым бледным лицом, большую часть которого занимал внушительных размеров нос, бывший визирь имел репутацию несгибаемого и опасного человека. Теперь он наслаждался заслуженным отдыхом, помогая своему молодому преемнику советами.

За колонной супруга Бел-Трана Силкет расточала улыбки соседям. Одержанная желанием похудеть, она прибегла к услугам хирурга, чтобы продолжать нравиться мужу. Любительница поесть, особенно сладкого, она страдала от частых мигреней, но не решалась обратиться за помощью к Нефret с тех пор, как Бел-Тран объявил визирю войну. Силкет натерла виски мазью, приготовленной из можжевельника, сосновой смолы и ягод лавра, украсила грудь голубым фаянсовым ожерельем и надела на запястья изящные браслеты в форме распустившихся цветов лотоса.

Бел-Тран, несмотря на то, что одевался у лучшего портного Мемфиса, казалось, всегда был либо затянут в слишком узкие платья, либо облачен в чересчур широкую набедренную повязку. В этот час волнующей строгости он забыл об элегантности и с беспокойством ждал прихода визиря. Никто не знал, по какому поводу Пазаир решил всех собрать и кому собирался вынести торжественный приговор.

Как только вошел визирь, разговоры прекратились. Одежда, сшитая из суровой материи, закрывала все его тело, за исключением плеч. Подчеркивая строгость и простоту одеяния, он

надел короткий парик на стилистический манер.

Пазаир подвесил фигурку богини Маат^[1] на золотую цепочку. Это означало, что процесс начался.

— Отделим истину от лжи и защитим слабых от сильных! — произнес визирь ритуальную фразу, которая для любого судьи являлась правилом всей жизни.

Обычно сорок писцов образовывали живую стену по обе стороны коридора, по которому проводили обвиняемых, истцов и свидетелей. На сей раз перед визирем, сидевшим на стуле с низкой спинкой, были выставлены сорок досок с заветами.

— Египет подвергается страшным опасностям, — провозгласил Пазаир. — Страну пытаются наводнить темные силы. Я должен свершить правосудие, чтобы наказать выявленных преступников.

Силкет сжала руку мужа. Осмелится ли визирь нанести прямой удар всемогущему Бел-Трану, против которого нет ни одной улики?

— Пятеро заслуженных воинов из почетного караула у сфинкса в Гизе были убиты, — продолжал Пазаир. — Это страшное деяние есть результат заговора, в котором участвовали зубной врач Кадаш, химик Чечи и судовладелец Денес. За совершенные ими преступления, доказанные следствием, они приговариваются к смертной казни.

Один из писцов попросил слова и робко произнес:

— Но ведь они... мертвые.

— Разумеется, но они не были осуждены. Участь, постигшая их, не исключает необходимости предстать перед судом. Смерть не может позволить преступнику избежать правосудия.

Несмотря на удивление, присутствующие не могли не признать, что визирь соблюдал закон. Был зачитан обвинительный приговор. В нем перечислялись злодеяния троих сообщников Бел-Трана, чье имя не было упомянуто. Никто не подверг сомнению приведенные факты, ни один голос не возвысился в защиту осужденных.

— В царстве мертвых огонь великой кобры поглотит виновных, — провозгласил визирь. — Они не будут преданы земле в некрополе; они будут лишены погребальных обрядов, жертвоприношений и возлияний; их предадут мечам палачей у врат подземного царства; они вновь умрут там, погибнут от голода и жажды.

Силкет поежилась, Бел-Тран оставался по-прежнему невозмутим. Взволнованной Нефret казалось, что произнесенные слова обретают силу реальности.

— Всякий фараон, всякий глава страны, осмелившийся помиловать осужденных, утратит корону и власть! — Этими словами, предписанными древним обычаем, Пазаир заключил свою речь.

Уже час, как взошло солнце. Пазаир подошел к воротам дворца фараона. Стражи низко ему поклонились. Визирь ступил в коридор, украшенный тонкой росписью с изображениями цветов лотоса, папируса и мака, прошел сквозь колонный зал с бассейном, в котором плавали рыбы, и оказался в покоях Рамсеса Великого.

Старший распорядитель царских покоев приветствовал Пазаира:

— Повелитель ждет вас.

Как обычно по утрам, визирь должен был отчитаться в своих действиях перед повелителем двух царств — Верхнего и Нижнего Египта.

Просторная светлая комната выходила окнами на Нил и сады, пол покрывали фаянсовые плитки, расписанные цветами голубого лотоса, на золоченых подставках стояли букеты цветов. На низком столике лежали развернутый папирус и приборы для письма.

Обратив свой взор на восток, царь пребывал в задумчивости. Среднего роста, коренастый, с русыми, почти рыжими, волосами, широким лбом и орлиным носом, Рамсес Великий всем своим видом олицетворял силу и могущество. Приближенный к трону в юном возрасте величайшим из фараонов Сети I, воздвигшим храмы в Карнаке и Абидосе, он пошел по пути мира с хеттами и привел свой народ к процветанию, которому завидовали многие страны.

— Пазаир, наконец-то! Ну, как прошел суд?

— Мертвые преступники осуждены.

— А Бел-Тран?

— Взволнован, напряжен, но не подает вида. Мне хотелось бы сказать сейчас привычные слова: «Все в порядке, дела в царстве идут хорошо», но я не вправе лгать вам.

Рамсес забеспокоился:

— Твое заключение, Пазаир?

— Что касается убийства моего учителя Беранира, то у меня нет никакой определенности, но я рассчитываю проверить с помощью Кема несколько версий.

— А госпожа Силкет?

— Супруга Бел-Трана среди первых подозреваемых.

— Эта женщина была среди участников заговора.

— Я помню об этом, мой повелитель. Троє из них мертвы. Остается выявить их сообщников.

— Бел-Тран и Силкет, это же очевидно!

— Вполне вероятно, но мне не хватает улик.

— Бел-Тран не раскрыл себя?

— Раскрыл, но у него мощная поддержка.

— Что ты обнаружил?

— День и ночь я работаю с руководителями самых разных управлений. Десятки чиновников посыпают мне письменные отчеты. Я выслушиваю высокопоставленных писцов, начальников и мелких служащих. Итог более мрачный, чем я предполагал.

— Что ты имеешь в виду?

— Бел-Тран подкупил многих. Шантаж, угрозы, обещания, ложь... Он не гнушается любой низости. Бел-Тран и его сообщники хотят прибрать к рукам экономику страны и

уничтожить наши ценности унаследованные от предков.

— Каким способом?

— Этого я еще не знаю. Арест Бел-Трана может оказаться стратегической ошибкой, так как я не уверен, что срублены все головы чудовища и выявлены все расставленные им ловушки.

— В день Нового года, когда над горизонтом взойдет звезда Сотис, возвещая начало подъема вод Нила, я должен показать народу Завещание богов. Если я не смогу этого сделать, я вынужден буду отречься от престола и передать его Бел-Трану. Хватит ли тебе времени, ведь его осталось так мало, чтобы лишить его силы?

— Только бог смог бы ответить на ваш вопрос.

— Но ведь именно бог создал царскую власть, Пазаир, чтобы возводились памятники в его честь, чтобы люди были счастливы и исчезла зависть. Он дал нам ценнейшее из богатств — свет, который я храню и должен распространять вокруг себя. Люди не равны, поэтому фараоны обязаны защищать слабых. Пока египтяне возводят храмы, хранящие устои страны, земля Египта будет цвести, дороги будут надежны, ребенок будет спокойно спать на руках у матери, вдовы будут защищены, каналы ухожены, справедливость воздана. Наши жизни не имеют никакого значения, сохранять же нужно именно эту гармонию.

— Моя жизнь принадлежит вам, мой повелитель.

Рамсес улыбнулся и положил руки на плечи Пазаира:

— Мне кажется, я правильно выбрал себе визиря, хотя его миссия крайне тяжела. Ты стал моим единственным другом. Знаешь, что написал один из моих предшественников? «Не делай различия между человеком благородного происхождения и простолюдином. Приближай к себе человека за дела его»^[2].

— Разве не сказано в тексте о том, что фараон, сумевший правильно выбрать себе окружение, способен сохранить собственное величие и величие Египта?

— Ты хорошо знаешь слова мудрецов! Но я не обогатил тебя, визирь, а взвалил на тебя груз, от которого отказался бы любой разумный человек. Имей в виду, что Бел-Тран опаснее песчаной эфы. Он сумел усыпить бдительность моих близких, втерся к ним в доверие и пробрался в высшие круги власти, как червь в дерево. Бел-Тран притворится и твоим другом, чтобы задушить тебя наверняка. Отныне его ненависть будет расти, он не оставит тебя в покое и нападет там, где ты не ожидаешь, под покровом тьмы. Его оружием станут предатели и лжесвидетели. Ты принимаешь этот бой?

— Я не беру назад данного однажды слова.

— Если мы проиграем, закон Бел-Трана будет беспощаден к тебе и твоей Нефret.

— Пощада — удел трусов; мы станем сражаться до конца.

Рамсес Великий сел на золоченое деревянное кресло лицом к восходящему солнцу.

— Каков твой план? — спросил он.

— Выждать.

Царь не смог скрыть своего удивления:

— Время работает против нас!

— Бел-Тран решит, что я сдался, и начнет наступать по захваченной местности; он сплетет новые узелки сети, и я отвечу на это соответствующим образом Я дам ему понять, что пошел по ложному пути, тем временем сосредоточив усилия на второстепенном направлении.

— Опасная тактика.

— Она не была бы такой опасной, будь у меня еще один союзник.

— О ком ты говоришь?

— О моем друге Сути. Он был приговорен к году заключения в нубийской крепости за супружескую неверность. Приговор вынесен по закону.

— Ни ты, ни я не можем его нарушить.

— А если бы Сути бежал, нашим солдатам не следовало бы более позаботиться о защите границы, чем преследовать беглеца?

— Иначе говоря, они получат приказ, предписывающий не покидать стены крепости, так как предполагается атака нубийских племен. — Рамсес Великий понял ход мыслей своего визиря.

— Люди по своей природе непостоянны, мой повелитель, особенно кочевники. Ваша мудрость подсказывает вам, что готовится восстание.

— Но его не будет...

— Нубийцы откажутся от нападения, поняв, что наш гарнизон в боевой готовности.

— Визирь Пазаир, подготовь приказ, но никоим образом не способствуя бегству друга.

— На все воля провидения.

Пантера, белокурая ливийка, спряталась в хижине пастуха. Вот уже два часа ее преследовал пузатый, вымазанный в грязи человек — сборщик папируса. Большую часть дня он стоял в мутной воде, извлекая оттуда ценный материал. Он увидел ливийку, когда та купалась обнаженной, и ползком подобрался к ней.

Всегда настороженной, юной прекрасной девушки удалось убежать от него, но при этом она потеряла шаль, и ей нечем было укрыться от ночного холода.

Пантеру изгнали из Египта за любовную связь с Сути, молодым человеком, женатым на госпоже Тапени. Но девушка не желала мириться с судьбой, твердо решив не оставлять любовника. Опасаясь его неверности, она собиралась добраться до Нубии, чтобы вытащить Сути из тюрьмы и вновь оказаться с ним рядом. Пантера не представляла себе жизни без его силы и страстных ласк и никогда бы не позволила тому разделить ложе с другой женщиной.

Расстояние не пугало ее. Благодаря своему обаянию Пантера на грузовых лодках передвигалась от порта к порту. Решив немного передохнуть, она искупалась в одном из многочисленных рукавов Нила, орошающих плантации. Ливийка не пыталась избавиться от преследователя: тот слишком хорошо знал местность и тут же обнаружил бы ее укрытие. Пантеру не страшило насилие: до встречи с Сути она принадлежала банде мародеров и нередко имела дело с египетскими солдатами. Эта дикарка обожала любовь, ее неистовство и экстаз. Но сборщик папируса был отвратителен, да и временем девушка не располагала.

Проникнув в хижину, преследователь увидел спящую на полу обнаженную Пантеру. Разметавшиеся по плечам светлые волосы, роскошная грудь, низ живота, покрытый золотыми колечками густых волос, лишили сборщика папируса всякой осторожности. Как только он бросился на добычу, его нога угодила в веревочную петлю, и мужчина рухнул на землю. В один миг Пантера оседлала его и стала душить. Увидев, что глаза неудачливого насильника закатились, она разжала пальцы, разделила его и забрала одежду, чтобы продолжить ночью свой путь на юг.

* * *

Комендант крепости Чару, расположенной в самом центре Нубии, оттолкнул миску с омерзительной похлебкой.

— В темницу на месяц этого дурака, — приказал он, имея в виду повара.

Кубок пальмового вина немного утешил его. Вдали от Египта сложно было хорошо питаться, но занимаемая должность сулила продвижение по службе и неплохую пенсию. Здесь, в этой унылой, выжженной солнцем стране, где пустыня угрожала и без того редким культурным растениям и куда лишь иногда врывались яростные потоки Нила, он принимал приговоренных к срокам от одного до трех лет. Обычно он был снисходителен к ним, поручая несложную и не слишком изнурительную хозяйственную работу. Большинство из этих несчастных не совершили тяжких преступлений и использовали принудительное пребывание в крепости, чтобы поразмыслить о прошлом.

С прибытием Сути ситуация резко изменилась. Он плохо воспринимал проявление власти и отказывался подчиняться. Поэтому комендант, главной задачей которого было

наблюдать за нубийскими племенами с целью предупреждения восстания, поставил нарушителя дисциплины в передовой дозор без оружия. Выполняя роль приманки, он должен был, в воспитательных целях, испытать чувство очищающего страха. Конечно, в случае нападения гарнизон примчался бы ему на подмогу. Комендант любил отпускать своих гостей в добром здравии, заботясь о том, чтобы его послужной список оставался незапятнанным.

Помощник, отвечавший за почту, передал ему папирус из Мемфиса:

— Специальное послание.

Заметив печать визиря, комендант перерезал тесьму:

— Разведывательные службы опасаются волнений в Нубии. Нам предписано удвоить бдительность и проверить всю систему обороны. Иначе говоря, мы закрываем ворота крепости, и больше отсюда никто не выйдет. Передайте распоряжение тотчас же.

— А заключенный Сути? — спросил помощник. Комендант был в нерешительности.

— А как вы думаете?

— Гарнизон ненавидит этого парня, от него одни неприятности. Там, где мы его оставили, он будет нам полезен.

— А если что-нибудь произойдет...

— Мы отправим донесение о досадном происшествии.

* * *

Сути был прекрасно сложенным молодым человеком с продолговатым лицом, честным прямым взглядом и длинными черными волосами. Во всех его движениях чувствовались сила, притягательность и изящество. Сбежав из школы писцов в Мемфисе от опостылевшей учебы, он вел полную приключений жизнь, знал прекраснейших женщин, изобличил вероломного полководца и стал сподвижником визиря Пазаира, с которым побратался кровью. Несмотря на молодой возраст, Сути не раз оказывался на волосок от смерти. Если бы не талант Нефret, сделавшей ему успешную операцию, он скончался бы от ран, нанесенных медведем, помявшим его во время поединка в Азии^[3].

Сидя на скале, выступающей из Нила, скованный массивной цепью, юноша мог лишь подолгу смотреть вдаль, в сторону таинственного и тревожного юга, откуда иногда появлялись орды нубийских воинов, обладавших безграничной храбростью. Ему, часовому передового дозора, полагалось подавать сигналы тревоги, крича изо всех сил. Прозрачность воздуха позволяла охранникам крепости услышать его сигнал.

Но Сути не стал бы кричать. Он не доставил бы подобного удовольствия коменданту. Хотя у него не было ни малейшего желания умирать, Сути не унизился бы до этого. Юноша вспоминал о том чудесном моменте, когда он сразил полководца Ашера, преступника и предателя, избежавшего правосудия и скрывшегося с сундуком золота. Сундук Сути и Пантера бережно припрятали. С этим состоянием они могли бы вкушать все радости жизни. Но теперь он в оковах, а она вернулась в родную Ливию с запретом вступать на землю Египта. Быть может, Пантера уже забыла его, опьяненная любовью другого.

А Пазаира связывала по рукам и ногам должность визиря: он мог повлиять на положение Сути, но никогда бы не смог освободить его. Подумать только, он терпит

наказание за то, что в интересах следствия женился на пылкой красавице Тапени! Брак он надеялся без труда расторгнуть, но недооценил хитрость и алчность ткачихи. Эта стерва обвинила его в супружеской неверности, за что его приговорили к году заключения в крепости. А по возвращении в Египет Сути еще придется работать на нее, чтобы обеспечить супруге средства к существованию.

В ярости Сути стукнул кулаком по скале и дернул за цепь. Тысячу раз он надеялся, что цепь поддастся, но эта тюрьма без стен и решеток оказалась весьма прочной.

Женщины... От них его счастье и его беды... Но жалеть не о чем! А вдруг во главе повстанцев пойдет длинноногая нубийка с высокой, упругой и округлой грудью, вдруг она влюбится в него и освободит, а не перережет горло... Погибнуть вот так, после всех похождений, завоеваний и побед было бы слишком глупо.

Солнце стало клониться к горизонту. Уже давно охранник должен был принести ему пищу и питье. Вытянувшись, Сути зажерпнул ладонью воду из Нила и утолил жажду. Изловчившись, он мог бы поймать рыбу, чтобы не умереть от голода. Но чем вызвано такое изменение в распорядке?

На следующий день Сути вдруг понял, что его бросили на произвол судьбы. Раз гарнизон затаился в крепости, нет ли опасности набега нубийцев? Время от времени, после обильных праздничных возлияний кучке воинов, стосковавшихся по драке, приходила в голову безумная идея захватить Египет, и они шли в наступление. Увы, он окажется на их пути. Следовало разорвать цепь и уйти отсюда до начала атаки. Но у него не было даже твердого камня. Сути взревел от ярости и отчаяния.

Когда спустился вечер, окрасивший Нил в кровавый цвет, зоркий глаз Сути различил странное шевеление за кустарником, росшим вдоль берега. Кто-то явно следил за ним.

Бел-Тран помазал воспалившуюся, с нарывами по краям язву на левой ноге мазью из цветков акации и яичного белка и выпил несколько капель сока алоэ без всякой надежды на чудесное выздоровление. Отказываясь признать, что почки работали плохо, а печень была в ужасном состоянии, глава Двойного Белого дома не желал тратить время на лечение.

Лучшим лекарством для Бел-Трана являлась непрерывная деятельность. Постоянно движимый всеподчиняющей энергией, уверенный в себе, болтливый до изнеможения собеседника, он походил на поток, который невозможно унять. За несколько месяцев до цели, которую поставили перед собой заговорщики — захват верховной власти, — мелкие неурядицы со здоровьем не могли остановить победного марша главного казначея. Конечно, троих союзников убили, но оставалось немало других. Погибшие были посредственны, а иногда и глупы. Впрочем, ему все равно пришлось бы избавиться от них рано или поздно. В день, когда задумывался заговор, Бел-Тран разработал безупречный план. Все поверили, что он является верным слугой фараона, что его активная деятельность послужит процветанию Египта, что его работоспособность будет сродни самоотверженности великих жрецов, служивших во имя храма, а не для себя. Даже гибель вероломного Ярти почти не смущала его, так как этот источник сведений мог в скором времени иссякнуть. Гиены избавили его от тяжкого бремени.

Бел-Тран улыбнулся, вспомнив, как ему удалось из обмана сплести прочную паутину, так что никто из окружения фараона и не заметил ее. Даже если Пазаир попытается его остановить, будет уже слишком поздно.

Главный казначей помассировал отекшие пальцы ног, нанеся на них мазь из бычьего жира и измельченных листьев акации: лекарство снимало усталость и боль.

Бел-Тран беспрестанно ездил по крупным городам и столицам провинций, убеждая сообщников в неизбежности скорого переворота и в том, что он сделает их такими богатыми и могущественными, какими они не могли бы представить себя даже в самых безумных мечтах. Игра на человеческой жадности, подкрепленная весомыми аргументами, всегда приносила свои плоды.

Казначей разжевал две пастилки, освежающие дыхание. Ладан, ароматный ситник, смола и финикийский тростник, смешанные с медом, образовывали приятнейшую смесь. С удовлетворением Бел-Тран оглядел свою мемфисскую усадьбу. Просторный дом в центре сада, огороженного высокими стенами; каменные ворота, верхнюю часть которых украшали пальмовые ветви; фасад с узкими высокими колоннами в форме стеблей папируса, основным поставщиком которого он являлся; вестибюль и залы, ослеплявшие гостей своим роскошным убранством; гардеробные с десятками бельевых сундуков; туалетные комнаты из камня; десять спален, две кухни, пекарня, колодец, погреба с зерном, конюшни, огромный сад, где вокруг бассейна росли пальмы, сикоморы, гранатовые деревья, тамариски... Только богатый человек мог иметь такое жилище.

Бел-Тран гордился своим успехом. Он, мелкий служащий, нуворищ, выбился наверх. Высшая знать сначала презирала его, а потом стала бояться и подчинилась его воле и законам. Состояние и материальные блага — вот ради чего стоило жить! Храмы, божества, обычаи — всего лишь иллюзии. Именно поэтому Бел-Тран и его союзники решили вырвать Египет из его отжившего прошлого и вывести на дорогу перемен, где единственной истиной

являлось богатство. В этой области казначею не было равных: Рамсес Великий и Пазаир пропускали бы удар за ударом, прежде чем вовсе исчезнуть с лица земли.

Бел-Тран вытащил сосуд, припрятанный под одной из половых досок и закупоренный керамической пробкой. В глиняных кувшинах прекрасно сохранялось пиво. Открыв его, он опустил в сосуд трубочку, соединенную с фильтром, предохранявшим от случайных примесей, и с наслаждением отведал прохладный освежающий напиток.

Вдруг Бел-Трану захотелось увидеть свою жену. Разве ему не удалось превратить ничтожную провинциалку, неуклюжую и скорее уродливую, в столичную даму, облаченную в лучшие наряды и вызывающую зависть у соперниц? Да, пластическая операция обошлась ему дорого, но новые черты лица Силкет и исчезновение жировых складок на теле радовали его. И несмотря на перепады ее настроения и нередко случавшиеся истерики, из которых ее выводили толкователи снов, Силкет оставалась женщиной-ребенком, готовой подчиниться его малейшему жесту и взгляду.

На приемах и на официальных церемониях она всегда рядом как красивая дорогая вещь, ослепительно разодетая, но непременно молчаливая. Силкет накладывала на лицо макияж из меда, красного натрона, северной соли, предварительно натерев кожу маслом тригонеллы и алебастровой пудрой. На губах — красная охра, вокруг глаз — зеленые тени.

— Ты прелестна, дорогая.

— Не изволишь ли подать мне самый красивый парик?

Бел-Тран повернул перламутровую ручку старого сундука из ливанского кедра и вытащил оттуда парик из человеческих волос, а Силкет подняла крышку туалетного столика и достала оттуда жемчужный браслет и гребень из акации.

— Как твое самочувствие сегодня с утра? — спросила она, поправляя драгоценный головной убор.

— Мой кишечник очень слаб. Я пью пиво, приготовленное из сладких рожков, масла и меда.

— Если будет хуже, обратись к врачу. Нефret могла бы тебя вылечить.

— Я не желаю слышать о Нефret!

— Она замечательная целительница!

— Она наш враг, как и Пазаир, и погибнет вместе с ним!

— А не согласился бы ты пощадить ее, чтобы она... прислуживала мне?

— Посмотрим. Знаешь, что я тебе принес?

— Подарок?

— Вересковое масло для умашения твоей нежной кожи.

Силкет бросилась мужу на шею и расцеловала.

— Ты сегодня дома? — спросила она.

— К сожалению, нет.

— Твои сын и дочь хотели бы поговорить с тобой.

— Пусть лучше слушаются наставника, это важнее. Завтра они войдут в число самых важных лиц царства.

— Ты не боишься, что...

— Ничего, Силкет, я не боюсь. Я неприкасаем. И никто не подозревает, каким оружием я располагаю для нанесения решающего удара.

Вошел слуга:

— Какой-то человек хочет видеть хозяина.

— Его имя?

— Монтумес.

Монтумес, бывший верховный страж, которого сменил нубиец Кем, пытался избавиться от Пазаира, обвинив его в убийстве. Хоть он и не принадлежал к участникам заговора, но хорошо послужил делу будущих правителей. Бел-Тран думал, что никогда больше не увидит его. Монтумеса сослали в Ливан, в Библос, работать на корабельных верфях.

— Проводите его в салон с лотосами и предложите ему пива; я сейчас приду.

Силкет забеспокоилась:

— Что ему надо? Мне он не нравится.

— Не волнуйся.

— Ты завтра опять уедешь?

— Так надо.

— А что делать мне?

— Оставаться красивой и ни с кем не говорить без моего разрешения.

— Я хотела бы еще ребенка от тебя.

— Он у тебя будет.

* * *

Монтумесу было за пятьдесят. Лысый, с гнусавым голосом, срывавшимся на фальцет, когда ему перечили, тучный, остроносый, лукавый, он сделал блестящую карьеру, используя чужие просчеты. Приняв тысячу мер предосторожности, Монтумес никогда не подозревал, что может упасть в такую пропасть. Но судья Пазаир сломал созданную им систему и показал всем его несостоятельность. Пока его враг занимал пост визиря, у Монтумеса не было ни малейшего шанса вновь обрести былую славу. Бел-Тран оставался его последней надеждой.

— Разве вам не запрещено появляться в Египте? — поинтересовался Бел-Тран.

— Да, я здесь тайком, — согласно кивнул Монтумес.

— К чему же такой риск?

— У меня остались еще немногочисленные связи, а Пазаира окружают не только друзья.

— Чем я могу вам помочь?

— Я пришел предложить вам свои услуги.

На лице Бел-Трана отразились сомнения, и Монтумес решил пояснить:

— Во время ареста Пазаир отрицал обвинения в убийстве своего учителя Беранира. Я ни секунды не сомневался в его невиновности, и мне казалось, что мной манипулируют, но такое положение меня вполне устраивало. Кто-то подсказал мне, послав записку, что я должен схватить Пазаира на месте преступления, когда тот склонится над телом учителя. У меня было время поразмыслить над этим эпизодом. Кто мог оповестить меня, кроме вас или одного из ваших союзников? Зубной врач, судовладелец и химик уже умерли, а вы...

— Откуда вам известно, что они были моими союзниками?

— Слухи, знаете ли... Поговаривают, что в скором времени именно вы станете хозяином страны. Я ненавижу Пазаира так же, как и вы; к тому же я располагаю некоторыми компрометирующими уликами.

— Какими? — с беспокойством спросил Бел-Тран.

— Пазаир утверждал, что поспешил к своему учителю, получив записку: «*Беранир в опасности, приходите скорее*». Представьте себе, что, вопреки моим собственным заявлениям, я не уничтожил это послание, и что вполне возможно по почерку определить его автора. Представьте себе также, что я сохранил орудие преступления — перламутровую иглу; она принадлежит человеку, который вам очень дорог.

Бел-Тран задумался.

— Чего вы хотите?

— Снимите мне жилье в городе, позвольте действовать против Пазаира и обещайте мне должность в вашем будущем правительстве.

— Больше ничего?

— Я убежден, что за вами будущее страны.

— Ваши требования вполне обоснованы.

Монтумес поклонился Бел-Трану. Теперь ему нужно было лишь отомстить Пазаиру.

Нефret срочно вызвали в главную лечебницу Мемфиса на сложную операцию. Пазаир покормил маленькую зеленую мартышку по кличке Проказница. Несмотря на то, что несносная обезьянка развлекалась лишь тем, что докучала слугам и приворовывала на кухне, Пазаир испытывал к ней явную слабость. Когда он впервые увидел Нефret, именно проделки Проказницы, обрызгавшей водой его пса Смельчака, дали ему повод заговорить с будущей женой.

Смельчак положил лапу на руку Пазаира. Палевого цвета, поджарый, с длинным хвостом и висячими ушами, пес ходил в ошейнике из бело-розовой кожи, где было выгравировано его имя: «Смельчак, друг Пазаира». Пока Проказница грызла пальмовые орехи, пес с удовольствием уплетал овощное пюре. К счастью, по обоюдному согласию между животными установился мир: Смельчак позволял дергать себя за хвост по десять раз на дню, а Проказница не тревожила его, когда он спал, устроившись на старой циновке, — единственной вещи, с которой молодой судья Пазаир пришел в Мемфис. На самом деле, циновка — вещь замечательная, которая может служить постелью, столом, ковром, а иногда и саваном. Пазаир поклялся сохранить ее, каким бы богатым ни стал. А так как пес предпочел ее, отвергнув мягкие подушки и кресла, визирь знал, что циновка под надежной охраной.

В лучах ласкового зимнего солнца заиграли кроны деревьев и клумбы, усеянные цветами, придававшие главной усадьбе визиря вид райского уголка, населенного праведниками. Пазаир вышел в сад и вдохнул тонкий аромат, поднимавшийся от влажной земли, напитанной утренней росой. Теплая морда ткнулась ему в руку. Это осел по кличке Северный Ветер приветствовал его на свой лад. Красивый серый ослик с нежным взглядом обладал необычайной способностью ориентироваться в пространстве, пусть даже в кромешной темноте. Пазаир с радостью возложил на него эту миссию, освободив от перевозки тяжелых грузов.

Осел поднял голову. Он почувствовал чье-то внезапное появление у главных ворот и быстро побежал в ту сторону. Пазаир последовал за ним.

Кем и его неизменный спутник, павиан Убийца, ожидали визиря. Начальник стражи, не чувствительный ни к холоду, ни к жаре и презиравший роскошь, был одет в короткую набедренную повязку, подобно человеку самого простого сословия. На поясе висел подарок визиря — кинжал с бронзовым лезвием в деревянных ножнах, рукояткой из сплава золота и серебра, инкрустированной лазуритом и зеленым нефритом. Нубийцу больше нравилось это произведение искусства, чем символ правосудия из слоновой кости, который он держал во время официальных церемоний. Кем ненавидел сидячий образ жизни чиновников и продолжал, как и прежде, обходить кварталы Мемфиса, решая вопросы на месте.

Павиан пребывал в мирном настроении. Когда же он приходил в ярость, то мог напугать и льва. Лишь однажды другая обезьяна, такого же роста и силы, посланная таинственным врагом, решившим убрать павиана с дороги, чтобы напасть на Пазаира, осмелилась вступить с ним в смертельную схватку. Убийца вышел из боя победителем, но был тяжело ранен. Нефret выходила его, и тот быстро поправился.

— Никакой видимой опасности, — доложил Кем. — Последние дни за вами не было слежки.

— Я обязан вам жизнью.

— Я тоже, визирь. Раз наши судьбы связаны, не будем расточать друг другу слова благодарности. Дичь в гнезде, я проверил.

Ослик, будто догадавшись о намерениях хозяина, вышел на улицу и засеменил в нескольких метрах от Пазаира. Весь вид Убийцы внушал спокойствие: тяжелая голова, полоска жесткой шерсти, идущая от холки до хвоста, на плечах красовалась красная накидка. Павиан любил ходить на задних лапах, внимательно оглядываясь по сторонам.

Перед главной ткацкой мастерской Мемфиса царило веселое оживление. Ткачиhi болтали и смеялись, поставщики несли кули с льняным волокном, которое внимательно осматривала приемщица. Осел встал перед копной сена, а визирь и Кем с павианом вошли в большое, хорошо проветриваемое помещение с ткацкими станками и сразу же направились к конторке старшей ткачиhi, госпожи Тапени, дамы обманчивой внешности. Эта соблазнительная тридцатилетняя красавица невысокого роста, подвижная, с темными волосами и зелеными глазами, железной рукой управляла мастерской и думала лишь о своей карьере.

Появление гостей почти лишило ее хладнокровия.

— Вы... вы ко мне? — пробормотала она.

— Я убежден, что вы можете нам помочь, — заявил Пазаир ровным голосом.

В мастерской живо начались пересуды: к госпоже Тапени пришел сам визирь Египта в сопровождении начальника стражи. Что бы это могло значить? Стремительное повышение? А может, она совершила преступление? Присутствие Кема склоняло скорее ко второму предположению.

— Хочу напомнить вам, — продолжал Пазаир, — что мой учитель Беранир был убит перламутровой иглой. Благодаря полученным от вас сведениям, я изучил несколько версий. К сожалению, все они оказались пустыми. В то же время вы утверждали, что располагаете важными для следствия сведениями. Не пора ли их передать нам?

— Я просто хвасталась.

— Среди преступников, убивших стражей сфинкса, была женщина, столь же решительная и жестокая, как и ее сообщники.

Маленькие глазки павиана жестко уставились на прелестную брюнетку, все более терявшую самообладание.

— Давайте предположим, госпожа Тапени, что та женщина так же превосходно, как и вы, владела иглами, что она получила приказ устранить учителя Беранира и тем самым остановить мое расследование.

— Все это меня не касается.

— Я хотел бы получить ваше признание.

— Нет! — вскричала Тапени на грани истерики. — Вы хотите отомстить мне за то, что я отдала под суд вашего друга Сути, но он был виноват, а я — права. Хватит угрожать мне, иначе я буду жаловаться на вас! Прочь отсюда!

— Выбирайте более почтительные выражения, разговаривая с визирем Египта, — порекомендовал Кем.

Тапени, дрожа от ярости, понизила голос:

— У вас нет никаких улик против меня.

— В конце концов мы их найдем. Доброго здоровья, госпожа Тапени. — С этими словами Пазаир и Кем покинули ткацкую мастерскую.

- Визирь доволен? — поинтересовался начальник стражи, идя рядом с Пазаиром.
- Скорее да, Кем.
- Развернули муравейник...
- Эта молодая особа слишком нервна и очень уж беспокоится о своем положении в обществе. Наш визит не сулит ничего хорошего ее репутации.
- Иначе говоря, она постараится как-то отреагировать?
- Незамедлительно.
- Вы считаете ее виновной?
- Наверняка, что касается злобности и алчности.
- Вы в большей степени думаете о Силкет, жене Бел-Трана?
- Она может пойти на преступление из простого каприза. Кроме того, Силкет также превосходно владеет иглами.
- Говорят, она трусиха, — заметил Кем.
- Она подчиняется малейшей прихоти мужа. Если бы он приказал ей стать наживкой, она бы подчинилась. Начальник караула сфинкса мог легко утратить бдительность, увидев ее посреди ночи.
- Пойти на преступление...
- Я не выдвину официального обвинения, пока не буду иметь доказательств вины, — твердо заявил Пазаир.
- А если их никогда не будет?
- Доверимся работе, Кем.
- Вы скрываете от меня что-то важное, — догадался страж.
- Я не могу иначе, но знайте, что мы сражаемся за спасение Египта.
- Работать рядом с вами вовсе не развлечение.
- Я мечтаю лишь о спокойной жизни в деревне вместе с моей любимой Нефret и моими животными.
- Придется подождать, визирь Пазаир.

* * *

Госпожа Тапени не находила себе места. Она знала об одержимости визиря, его настойчивости в установлении истины и крепкой дружбе с Сути. Возможно, старшая ткачиха поступила слишком жестоко со своим мужем. Но Сути взял ее в жены, и она не желала терпеть его неверность. Пусть Сути расплачивается за связь с этой ливийской потаскухой. Судебное преследование со стороны визиря заставило Тапени как можно скорее найти себе покровителя. Последние слухи не оставляли места для сомнений.

Тапени устремилась к конторам, где работали чиновники казначейства. Она спросила у стражников и вскоре увидела пустые носилки с высокой спинкой, подножкой и широкими подлокотниками. Большой балдахин защищал их от солнца. Двадцать носильщиков обеспечивали быстрое передвижение по команде погонщика с мощным голосом. Подобная услуга стоила очень дорого!

Бел-Тран вышел из казначейства и торопливым шагом направился к своим носилкам. Тапени преградила ему дорогу:

— Мне нужно с вами поговорить!

- Госпожа Тапени? Что, неприятности в вашей мастерской?
- Меня преследует визирь.
- Он считает себя поборником справедливости, — усмехнулся Бел-Тран.
- Пазаир обвиняет меня в преступлении.
- Вас?
- Он подозревает меня в убийстве своего учителя Беранира.
- А доказательства?
- У него их нет, но он мне угрожает.
- Невиновному нечего опасаться.
- Я боюсь Пазаира, Кема и его жуткой обезьяны. Я прошу вас о помощи.
- Не понимаю, чем... — начал Бел-Тран, но Тапени его перебила:
- Вы богатый и влиятельный человек, говорят, что у вас большое будущее! Я хочу стать вашей союзницей.
- Каким образом?
- Я держу торговлю тканями. Благородные дамы, такие как ваша жена, очень высоко ценят их. Я знаю, как создать наилучшие условия закупок и продаж. Поверьте мне, прибыли могут быть нешуточными.
- Оборот большой?
- С вашими способностями вы без труда увеличите его. В придачу я обещаю вредить этому проклятому визирю.
- У вас есть план?
- Пока нет, но можете рассчитывать на меня.
- Договорились, госпожа Тапени. Считайте, что отныне вы под моей защитой.

Поглотитель теней^[4], состоявший на службе заговорщиков и обогатившийся на своих преступлениях, постоянно стремился к совершенству. Он обещал устранить Пазаира, но ему это не удалось. Ничего, он еще возьмет реванш! Начальник стражи долго выслеживал его, но в конце концов вынужден был признаться, что упустил добычу. Человека тьмы, работающего в одиночку, без подручных, не найдут никогда. А с золотом, полагавшимся за услуги, он вскоре сможет купить загородную усадьбу, где будет наслаждаться спокойной жизнью.

Поглотитель теней не имел больше никакой связи с заказчиками. Троє из них уже мертвы, Бел-Тран и Силкет — недоступны. Хотя Силкет во время их последней встречи, передавая приказ убрать Пазаира, вовсе не показала себя неприступной: она не кричала и не звала на помощь, терпя его страсть. Скоро Бел-Тран и Силкет взойдут на трон Египта, поэтому поглотитель теней чувствовал себя обязанным принести им голову визиря, их злейшего врага.

Он извлек уроки из своих провалов и не нанесет прямой удар. Работа Кема и его зверюги исключительно эффективна. Павиан чувствует опасность, а нубиец неотступно следует за Пазаиром. Что ж, поглотитель теней будет действовать в обход, расставляя ловушки.

Глубокой ночью он вскарабкался на крышу главной лечебницы Мемфиса и проник в здание. По коридору, пропахшему лекарствами и мазями, пробрался к хранилищу опасных продуктов. В многочисленных кладовых хранились слюна, экскременты, моча жаб и летучих мышей, яды змей, скорпионов и ос, а также другие ядовитые вещества растительного происхождения, из которых целители готовили сильнодействующие лекарства. Присутствие охранника не смущило поглотителя теней. Он оглушил его ударом по голове, забрал один из пузырьков с ядом и прихватил черную гадюку, томившуюся в корзине.

* * *

Опечаленная Нефret, прежде чем осмотреть кладовые, выяснила, в каком состоянии находится пострадавший. Он не был тяжело ранен; получив удар, он даже не успел заметить нападавшего.

— Каков ущерб от кражи? — спросила она у начальника лечебницы.

— Практически никакого... Исчезла только черная гадюка.

— А яды?

— Трудно сказать. Мы только что получили новую партию, которую я собирался описать сегодня утром. Вор ничего не разбил.

— С сегодняшней ночи нужно удвоить охрану; начальнику стражи я сама сообщу о происшествии.

В волнении молодая женщина подумала о постоянных покушениях на жизнь мужа. Не являлось ли это необычное вторжение предвестником новой драмы?

* * *

Погруженный в тяжелые раздумья, визирь подошел к воротам Государственной сокровищницы в сопровождении Кема и Убийцы. Впервые с момента вступления в должность ему предстояло инспектировать запасы драгоценных металлов. Разбуженный еще до восхода солнца посыльным из лечебницы, он не успел даже обменяться парой фраз с Нефret, которая поспешила на место происшествия. Так и не заснув вновь, он с удовольствием принял обжигающий ледяной душ и отправился в центр Мемфиса, где прошел сквозь цепь охранников, преграждавших посторонним доступ к кварталу, где была расположена Государственная сокровищница.

Визирь приложил свою печать к свитку, поданному ему хранителем сокровищницы, пожилым человеком, медлительным и педантичным. Несмотря на то, что тот знал Пазаира в лицо, он проверил соответствие оттиска образцу печати, который ему прислали из дворца после назначения нового визиря.

- Что бы вы хотели посмотреть? — спросил хранитель сокровищницы.
- Все запасы.
- Такая инспекция займет немало времени.
- Это входит в мои обязанности.
- Слушаю и повинуюсь.

Пазаир начал с огромного здания, где хранились золотые и серебряные слитки, доставлявшиеся из копей Нубии и восточной пустыни, каждому из которых был присвоен учетный номер. В скором времени значительная их часть будет отправлена в храм в Карнаке, где золотых дел мастера обрамляли главные ворота драгоценными металлами.

- Придя в себя от изумления, Пазаир вдруг понял, что склад наполовину пуст.
- Наши запасы скучны, как никогда, — пояснил хранитель сокровищницы.
 - По какой причине?
 - Приказ сверху.
 - Чей?
 - Из Двойного Белого дома.
 - Покажите документы.

Хранитель сокровищницы не допустил ни единого административного просчета. Вот уже несколько месяцев золотые и серебряные слитки, а также значительная часть редких камней регулярно вывозились со складов по требованию Бел-Трана.

Выжидательная позиция оказалась неприемлемой.

Быстрым шагом Пазаир преодолел небольшое расстояние, отделявшее сокровищницу от Двойного Белого дома — комплекса двухэтажных сооружений, разделенных небольшими садами. В корторах Двойного Белого дома, как в муравейнике, кипела работа. С тех пор как Бел-Тран возглавил важнейшее учреждение страны, он не терпел ни малейшего пренебрежения к работе и властвовал тираном над армией суеверных писцов.

В большом загоне стояли тучные быки для жертвоприношений в храме; специалисты осматривали животных, полученных в качестве уплаты налога. На складе, окруженному каменной стеной, под охраной солдат, счетоводы взвешивали золотые слитки и складывали их в ящики. Внутренняя почта работала с рассвета до заката: быстроногие юноши сновали туда-сюда, передавая приказы, требующие незамедлительного исполнения. Управляющие заботились о наличии инструмента, о производстве хлеба и пива, о поставках целебных мазей, о строительной технике, амулетах и предметах религиозного культа. Специальная служба занималась подставками для письма, тростниковые палочками, папирусами,

глиняными и деревянными табличками.

Пройдя через колонные залы, где десятки чиновников составляли отчеты и служебные записки, визирь осознал всю мощь структуры, которой управлял Бел-Тран. Он постепенно брал под контроль движение каждого ее звена и продвигался вперед, покоряя одну за другой ее части.

Старшие писцы склонились перед визирем, остальные же продолжали работу; казалось, они больше боялись своего начальника, чем первого визира Египта. Управляющий проводил посетителей к просторному помещению, где Бел-Тран, расхаживая взад и вперед, диктовал тексты распоряжений трем писцам, вынужденным работать с необычайной скоростью.

Визирь смотрел на своего заклятого врага. Каждая клеточка его существа, каждое слово были пронизаны амбициозностью и жаждой власти. Бел-Тран не сомневался ни в своих качествах, ни в том, что в конечном итоге победа будет за ним.

Заметив Пазаира, он прекратил диктовать и сухо приказал писцам удалиться.

— Вы делаете мне честь своим визитом, — произнес он.

— Не переусердствуйте в лживых речах.

— У вас было время осмотреть мое хозяйство? Здесь основной закон — напряженная работа. Вы, конечно, можете отправить меня в отставку и назначить нового начальника, но машина начнет давать, сбои, и первым пострадаете от этого вы. Понадобится не один год, чтобы взять в свои руки управление этим тяжелым кораблем, а у вас лишь несколько месяцев до назначения нового фараона. Откажитесь от борьбы, Пазаир, и подчинитесь!

— Почему вы опустошили наши запасы драгоценных металлов?

Бел-Тран довольно улыбнулся:

— Неужели вы уже провели инспекцию?

— Это мой долг.

— Похвальное рвение, честно говоря.

— Я требую объяснений.

— Высшие интересы Египта! Нужно было доставить удовольствие нашим подчиненным соседям и союзникам, ливийцам, палестинцам, сирийцам, хеттам, ливанцам и многим другим, чтобы поддержать добрые отношения и сохранить мир. Их правители любят получать подарки, особенно если это золото наших пустынь.

— Вы сильно превысили допустимое количество.

— В некоторых обстоятельствах необходимо уметь выказывать щедрость.

— Ни одного грамма ценных металлов больше не выйдет за пределы сокровищницы без моего разрешения, — заявил Пазаир.

— Слушаю и повинуюсь... Но ничего противозаконного не было. Я понимаю, о чем вы думаете. Разве не законным путем я шел, чтобы присвоить себе ценности? Ловко придумано, не скрою. Позвольте мне, однако, оставить вас в сомнениях, уверив лишь в одном: вы никогда ничего не сможете доказать.

Прикованный цепью к скале посреди Нила, Сути внимательно вглядывался в кустарник на берегу, где прятался следивший за ним нубиец. Осторожный враг затаился, боясь засады: Сути был слишком хорошей приманкой.

Вдруг он снова зашевелился, видно, решил действовать. Нубийцы прекрасные пловцы; этот в два счета доберется под водой до скалы и внезапно набросится на свою добычу.

С отчаянной яростью Сути дернул цепь. Она заскрежетала, застонала, но не порвалась. Сейчас он глупо умрет здесь, даже не имея возможности защищаться. Вертесь на месте, Сути старался определить, откуда нападет нубиец. Ночь была темна, а вода в реке — непроницаема.

Вдруг, совсем рядом, возникла фигура. Вытянув шею, Сути подался вперед, насколько позволяла цепь. Незнакомец поскользнулся на мокром камне, упал в воду и тотчас вынырнул.

— Успокойся, идиот!

Этот голос... Он узнал бы его даже в потустороннем царстве!

— Пантера?..

— Кто еще мог бы прийти тебе на помощь?

Обнаженная, со струящимися по плечам светлыми волосами, она подошла к нему, купаясь в лунном свете. Ее красота и чувственность ослепили Сути.

Девушка тесно прижалась к нему, обвила руками и прильнула к его губам:

— Мне тебя так не хватало, Сути!

— Я же прикован.

— По крайней мере, ты не мог мне изменить.

Пантеру охватило желание, и Сути тоже не смог устоять перед внезапным порывом страсти. При свете звезд нубийского неба, под песню дикого Нила они с исступлением отдались друг другу.

Когда страсть утихла, Пантера, насытившись, блаженно вытянулась на нем. Сути нежно погладил белокурые волосы.

— К счастью, твоя сила не уменьшилась. Иначе я бы тебя бросила.

— Как ты сюда добралась?

— Корабли, повозки, ослы... Я была уверена, что у меня получится.

— Много трудностей?

— Много насильников, воров... Ничего по-настоящему опасного. Египет мирная страна.

— Бежим отсюда как можно скорее.

— А мне здесь нравится, — улыбнулась Пантера.

— Если нубийцы набросятся на нас, ты заговоришь по-другому.

Пантера поднялась, нырнула и вскоре вернулась с двумя острыми камнями. Она стала наносить точные сильные удары по одному из звеньев цепи, в то время как Сути разбивал камнем наручники.

Их усилия увенчались успехом. Оказавшись на свободе, обезумевший от радости Сути схватил Пантеру и приподнял ее. Ноги ливийки обвились вокруг бедер любовника, в котором вновь возрождалась мужская сила. В порыве страсти они соскользнули с влажного

камня, упали в воду и расхохотались.

Лежа на берегу, они были не в силах оторваться друг от друга. Пьяные от счастья, они черпали новые силы в своей любви. Наконец утренняя прохлада умерила их пыл.

— Надо бежать, — сказал вдруг Сути серьезно.

— Куда?

— На юг.

— Снова неизвестность, дикие звери, нубийцы...

— Нужно уйти подальше от крепости и египетских солдат. Увидев, что меня нет, они разошлют патрули и предупредят шпионов. Укроемся, пока их ярость не утихнет.

— А наше золото? — встрепенулась Пантера.

— Не беспокойся, мы его заберем.

— Это будет нелегко.

— Вдвоем мы осилим.

— Если ты еще раз изменишь мне с этой Тапени, я тебя убью! — грозно предупредила Пантера.

— Сначала убей ее, и ты облегчишь мою участь.

— Виноват в этом браке ты! Ты подчинился своему другу Пазаиру, а тот бросил тебя, и вот где мы оказались!

— Я сведу счеты со всеми.

— Если мы выберемся из пустыни.

— Пустыня меня не страшит. У тебя есть вода?

— Я повесила два полных бурдюка на ветке тамариска.

Они двинулись по узкой тропе меж выжженных камней и враждебных скал.

Пантера шла вдоль русла пересохшей речки, где еще оставались редкие пучки травы, которые и служили им пищей. Горячий песок обжигал ступни, а над головой кружились грифы.

За два дня они не встретили ни единой живой души. На третий — звук копыт заставил их укрыться за грудой камней, изъеденных ветрами. Они увидели двух нубийских всадников. Сзади на веревке, привязанной к одной из лошадей, из последних сил бежал голый мальчик. Всадники остановились, взметнув к небу столб желтой пыли, затем перерезали пленнику горло и отрезали ему половые органы. С дикими криками нубийцы, бросив труп, поскакали к лагерю.

Пантера в ужасе наблюдала за страшной сценой.

— Ты видишь, милая, что нас ожидает. Нубийским бандитам не знакомо чувство жалости.

— Значит, нужно просто не угодить к ним в лапы.

— Эти места не слишком благоприятны для счастливого отдыха, пошли дальше.

Они уголили голод побегами пальм и двинулись вперед. Вдруг мощный порыв ветра поднял тучи песка, скрывшие горизонт. Потеряв дорогу, любовники упали в песок и, прижавшись друг к другу, стали ждать, пока пройдет буря.

По коже побежали муравьи, и Сути проснулся. Он прочистил нос и уши от песка. Пантера лежала неподвижно.

— Вставай, буря прошла, — сказал Сути.

Девушка не шевелилась.

— Пантера!

В отчаянии Сути приподнял ее. Женщина была в забытьи, ее тело обмякло.

— Очнись, умоляю!

— А ты меня хоть чуть-чуть любишь? — томно спросила она.

— Ты разыгрывала комедию!

— Когда есть опасность стать рабой неверного любовника, нужно проверить его чувства.

— У нас больше нет воды.

Пантера шла вперед, вглядываясь в песок, чтобы обнаружить хоть какие-нибудь следы влаги. На исходе дня ей удалось поймать грызуна. Пантера воткнула в песок два остова пальмовых веток. Держа двумя руками сухую деревянную палочку, девушка стала тереть ею пальмовые ветви, придерживая их коленями. Быстрые повторяющиеся движения превращали дерево в пыль, которая воспламенилась. Жареное мясо, даже в столь малом количестве, придало им силы.

С восходом солнца скучный ужин и относительная ночная прохлада быстро забылись. Чтобы не погибнуть, необходимо было как можно быстрее найти воду. Но как ее обнаружить? Насколько хватало глаз — никакого оазиса. Ни пучка травы, ни даже колючего кустарника, которые иногда свидетельствуют о близости воды.

— Нас может спасти только один знак, — заявила Пантера. — Давай сядем и подождем его. Дальше идти бесполезно.

Сути согласился. Он не боялся ни пустыни, ни солнца. Умереть свободным в сердце океана огня не страшило его. Солнечные лучи плясали на скалах, время растворялось в жаре, над ними царила обжигающая и неукротимая вечность. Здесь, рядом с белокурой ливийкой, не переживал ли он счастье столь же ценное, как все золото гор?

— Там, — прошептала она. — Справа.

Сути осторожно повернул голову и увидел его, гордого, дикого, наслаждавшегося ветром на вершине дюны. Огромный орикс, весом не менее двухсот килограммов, с рогами, способными насквозь пронзить льва, нюхал воздух. Эти песчаные антилопы могли выносить самые высокие температуры, блуждая по пустыне, даже когда солнце стояло в зените.

— Пойдем за ним, — решительно сказала Пантера.

Легкий ветер трепал черную шерсть на спине орикса. Дыхание животного учащалось с усилением жары. Длиннорогий орикс, животное бога Сета, повелителя грозы, воплощавшего неистовство природы, способен улавливать малейшее дуновение ветра, охлаждавшее бегущую по его жилам кровь. Огромный самец оставил на песке след, напоминавший крест, и двинулся вдоль дюны. Сути и Пантера следовали за ним на приличном расстоянии.

Знак, начертанный ориксом, походил на иероглиф, обозначавший слово «следовать». Не показывал ли он тем самым путь выхода из этой бесплодной бесконечности? Одинокое животное, уверенно обходя участки зыбучих песков, двигалось на юг.

Сути восхищался Пантерой. Она не жаловалась, не отступала ни перед какими трудностями, цепляясь за жизнь с яростью дикого зверя.

Незадолго до захода солнца орикс пошел быстрее и вскоре скрылся за огромной дюной. Сути помогал Пантере карабкаться по склону, песок уходил из-под ног. Девушка упала, Сути поднял ее и упал сам. С пылающими легкими, изнывающими от боли в мышцах, они доползли до вершины.

Пустыня окрасилась в цвет охры. Жара исходила уже не от неба, а от песка и камней. Теплый ветер не приносил облегчения потрескавшимся губам и ободранному горлу.

Орикс исчез.

— Он неутомим, у нас нет никаких шансов его догнать, — рассудила Пантера. — Если он учゅял растительность, то может идти без передышки несколько дней подряд.

Сути уставился на какую-то точку вдали:

— Мне кажется, я вижу... Нет, показалось.

Пантера посмотрела в ту же сторону. В глазах появилась резь.

— Пошли дальше.

Ноги послушались, несмотря на боль. Если Сути ошибся, им придется пить собственную мочу, прежде чем умереть от жажды.

— Следы орикса!

Сделав несколько прыжков, антилопа спокойно двигалась в направлении миража, на который только что зачарованно смотрел Сути. Теперь надежда захлестнула душу Пантеры: может, в самом деле она видит крохотное темно-зеленое пятнышко?

Забыв об усталости, они шли за ориксом. Зеленая точка все увеличивалась и увеличивалась, пока не превратилась в рощу акаций. Под деревом с ветвистой кроной отдыхала антилопа. Длиннорогий самец оглядел пришельцев. Сути знал, что это животное не отступит перед опасностью. Уверенный в своей моци, он поднимет их на рога, если почуяет угрозу.

— Шерсть на бороде... Она влажная!

Орикс явно только что пил, а теперь жевал стручки акации, большая часть которых не усвоится и, пройдя через пищеварительную систему, упадет в виде экскрементов на землю, где по пути следования животного зародятся новые деревья.

— Почва рыхлая, — заметил Сути.

Они медленно прошли перед животным и вошли в глубь рощи, которая оказалась больше, чем можно было предположить. Между двумя финиковыми пальмами оказался колодец, выложенный плоскими камнями.

Сути и Пантера бросились друг другу в объятия, прежде чем уголить жажду.

— Истинное блаженство, — мечтательно произнес Сути.

На маленькой улочке Мемфиса, где жил старый визирь Баги, предшественник Пазаира, царило беспокойство. Баги слыл человеком непримиримым, суровым, нечувствительным к лести, не выносящим неточности. Хладнокровный и твердый, он несгибаемой рукой управлял подчиненными. Подорвав здоровье на службе, Баги попросил Рамсеса отправить его в отставку, чтобы насладиться спокойной жизнью вдали от суеты.

Фараон, внимательно следивший за карьерой Пазаира и его схватками с нечистыми на руку чиновниками, сделал ставку на искренность и правдолюбие молодого судьи, чтобы разоблачить заговор, жертвой которого оказался бы не только он, но и весь Египет. Баги, не чувствовавший в себе более сил для борьбы, одобрил его выбор. Пазаир, проявив неподкупность в ходе следствия и ревностного исполнения обязанностей судьи, заслужил поддержку своего предшественника.

Супруга Баги, темноволосая женщина невзрачной наружности, подняла тревогу, когда заметила, что со здоровьем ее мужа что-то не так. Обычно он рано вставал, гулял по городу и возвращался незадолго до обеда. В то утро он пожаловался на сильную боль в почках. Несмотря на настоятельные уговоры жены, Баги отказывался обращаться к врачу, уверенный, что боль пройдет сама. Но сильные страдания сломили его настойчивость.

Собравшись вместе, соседи наперебой предлагали множество средств, проклиная такое же число демонов, напустивших болезнь на бывшего визиря. С появлением Нефret, главного лекаря царства, наступила тишина. Восхитительная молодая женщина в длинном льняном платье пришла одна. Рядом с ней трусил Северный Ветер с сумкой на боку. Ослик остановился у дома Баги, в то время как женщины приветствовали Нефret, популярность которой все время росла.

Супруга Баги казалась разочарованной. Она надеялась, что придет пожилой опытный лекарь, а не это обольстительное создание.

— Вам не стоило беспокоиться, — произнесла она.

— Ваш супруг помог моему мужу в трудный момент. Я очень признательна ему за это.

С этими словами Нефret вошла в маленький белый двухэтажный дом, оглядела унылый вестибюль безо всяких украшений и в сопровождении хозяйки дома поднялась по узкой лестнице на верхний этаж.

Баги сидел в плохо проветриваемой комнате, стены которой давно не перекрашивались.

— Вы?! — воскликнул он, увидев Нефret. — Ваше время слишком дорого...

— А разве не я вылечила вас когда-то?

— Вы даже спасли мне жизнь. Без вашего вмешательства я бы давно погиб^[5].

— Вы больше не питаете ко мне доверия?

— Ну что вы, напротив! — Баги выпрямился, прислонился к стене и взглянул на супругу: — Оставь нас.

— Тебе ничего не нужно?

— Целительница осмотрит меня.

Хозяйка дома с враждебным видом удалилась.

Нефret измерила пульс пациента, глядя на небольшие часы, которые носила на запястье, сверяя с ними ритм пульсации крови в органах больного. Она послушала сердце и проверила горячие и холодные токи крови. Баги следил за ее манипуляциями спокойно,

почти равнодушно.

— Ваш диагноз? — спросил он.

— Минутку.

Нефret взяла тонкий прочный шнурок, на конце которого висел кусочек гранита, и поднесла этот своеобразный маятник к разным частям тела больного. Гранит дважды описал широкие круги.

— Не скрывайте от меня ничего, — настойчиво попросил бывший визирь.

— Это болезнь, которую я знаю и смогу вылечить. У вас по-прежнему отекают ноги?

— Довольно часто. Я держу их в теплой соленой воде.

— Помогает?

— Последнее время очень не надолго.

— Ваша печень вновь переполнена; кровь слишком густа. Пища чересчур жирная, не так ли?

— У моей жены свои привычки. Слишком поздно их менять.

— Пейте больше цикория, микстуру из брионии, инжирового и виноградного сока, плодов персей и смоковницы. Вам нужно больше мочегонных средств.

— Я забыл об этом лекарстве. Но думаю, есть и другая болезнь.

— Попробуйте встать.

Баги поднялся. Нефret опять поднесла маятник.

— У вас начинают отказывать почки, — сказала она. — Необходимо четыре раза в день пить смесь пивных дрожжей и сока свежих фиников с водой. Хранить этот напиток следует в обычном глиняном кувшине, заткнутом глиняной пробкой, обернутой кусочком ткани. Это средство простое, но очень эффективное. Если оно быстро не действует, и вы будете испытывать трудности при мочеиспускании, немедленно предупредите меня.

— Я снова буду вам обязан своим выздоровлением.

— Не думаю, если вы не скажете мне всей правды.

— Отчего такое недоверие?

— Я чувствую глубокую тревогу и не могу определить ее причину.

— Вы великкая целительница, Нефret.

— Так вы готовы посвятить меня в ваши тайны?

Баги засомневался, потом произнес:

— Вы знаете, что у меня двое детей. С сыном много забот, но, кажется, он ценит свою работу смотрителя на производстве кирпичей, а вот дочь... — Бывший визирь опустил глаза. — Моя дочь недолгое время была в храме, но ритуалы наснучили ей, и она стала счетоводом в одной крупной усадьбе. Хозяину усадьбы нравятся ее услуги.

— Вы ее осуждаете?

— Напротив, счастье моих детей превыше всего. Почему же не уважать их выбор? Она хочет создать семью, и я только приветствую это.

— Что же тогда вас беспокоит?

— Это глупо, досадно! Моя дочь послушала чьего-то дурного совета и теперь возбудила против меня процесс, чтобы до срока получить наследство. А что у меня есть, кроме этого дома?

— От такой болезни у меня лекарства нет, но я знаю одного человека, компетентного в подобных вопросах.

Баги сидел в удобном кресле, прячась от солнечных лучей в тени полога. Смельчак выпрашивал у хозяина печенье.

— Ваш сад так велик, — обратился к Пазаиру Баги. — Даже с хорошими садовниками с ним, видно, много хлопот! Я все же предпочитаю маленький городской дом.

— Животным нужно пространство, — улыбнулся Пазаир.

— Ну, как вам служба на посту визиря?

— Задача оказалась нелегкой.

— Ритуал введения в должность предостерегал вас. Работа горше желчи. Вы молоды, но у вас есть время учиться.

Пазаиру хотелось сказать, что Баги глубоко ошибается: как раз времени-то у него и нет.

— Чем меньше я буду владеть ситуацией, тем выше угроза покою в стране.

— Вы не слишком мрачно настроены?

— Больше половины запасов драгоценных металлов страны оказалось растрочено, — поделился тревогой Пазаир.

— Больше половины?.. Невероятно! Мои последние проверки не вскрывали ничего подобного.

— Бел-Тран использовал все административные рычаги, чтобы на абсолютно законных основаниях вывезти за границу большую часть казны.

— Под каким предлогом?

— Обеспечить мир с нашими соседями и союзниками.

— Замысел довольно ловкий, мне следовало внимательней присмотреться к этому высокочке.

— Он обвел вокруг пальца чиновников всех уровней: желание преуспеть, неистовая работа, безумная страсть служения на благо страны... Кто бы мог усомниться в его искренности?

— Тяжелый урок, — подавленно произнес Баги.

— Сейчас мы сознаем всю величину опасности.

— Вы правы, — признал бывший визирь. — Конечно, никто не сможет заменить вашего убитого учителя, мудреца Беранира, но, возможно, мне удастся вам помочь.

— Я тщеславно полагал, что гораздо быстрее войду в курс дела; но Бел-Тран закрыл передо мной немало дверей. Я боюсь, что моя власть лишь видимость. — Пазаир грустно усмехнулся.

— Если ваши подчиненные думают так же, очень скоро ситуация выйдет из-под вашего контроля. Вы визирь и должны управлять!

— Белтрановы приспешники будут тормозить мои решения.

— Обойдите препятствие.

— Как?

— В каждом государственном управлении есть важный и опытный человек; совершенно не обязательно, чтобы он был самым высокопоставленным. Найдите его и приблизьте к себе. Тогда вы поймете тонкости работы всех административных сетей. — Бывший визирь назвал имена и дал кое-какие пояснения. Затем посоветовал: — Будьте очень скрупулезны в отчетах о своих действиях перед фараоном. Рамсес Великий обладает исключительно тонким умом.

Тот, кто попытается его обмануть, потерпит крах.

— В затруднительных ситуациях я бы хотел просить вашего совета.

— Вы всегда будете желанным гостем, хотя мои возможности скромнее ваших, — доброжелательно улыбнулся Баги.

— Сердечность важнее внешнего лоска. Как ваше здоровье, вам лучше?

— Ваша супруга замечательный лекарь, но я не всегда бываю послушным пациентом.

— Берегите себя.

— Я немного устал, — вздохнул бывший визирь. — Позвольте мне откланяться.

— Прежде чем проводить вас, я должен признаться, что встретил вашу дочь.

— Так, значит, вы в курсе...

— Нефret попросила меня помочь, ничто не мешало мне это сделать.

Баги, казалось, был раздосадован.

— Речь не идет о привилегиях, — настаивал Пазаир. — Бывший визирь заслуживает внимательного отношения к себе. Этот спор я обязан был урегулировать.

— И как отреагировала моя дочь?

— Суда не будет. У вас останется ваш дом. Она построит свой с помощью займа, обеспечителем которого выступаю я сам. Так как ее самое большое желание осуществилось, в вашей семье вновь воцарится покой. А вскоре вы станете дедушкой.

Баги не смог скрыть своего волнения.

— Вы дарите мне сразу слишком много радостей, визирь Пазаир, — растроганно произнес он.

— Это ничто по сравнению с вашей помощью.

На главном рынке Мемфиса всегда царила праздничная атмосфера, здесь обменивались новостями и товарами, горячо споря и энергично жестикулируя. И хотя иногда кто-нибудь срывался на крик, обмен всегда заканчивался в хорошем настроении.

Начальник стражи со своим верным павианом прохаживался по базарной площади. Присутствие Убийцы оберегало от краж. Кем прислушивался к обрывкам разговоров, пытаясь уловить настроения населения, и незаметно опрашивал осведомителей.

Он задержался возле торговца солониной: ему нужен был гусь для жарки, засоленный, высушенный, обмотанный бечевкой и помещенный в сосуд. Торговец сидел на циновке с опущенной головой.

— Ты не болен? — спросил его Кем.

— Хуже.

— Тебя обокрали?

— Посмотрите на мой товар, и все поймете.

В сосудах, изготовленных из глины Среднего Египта, украшенных орнаментами из цветов, прекрасно сохранялись продукты. Кем взглянул на надписи: «Вода», «Вино»; мяса не было.

— Не привезли, — объяснил торговец. — Это катастрофа. Перевозчик съездил впустую; со мной еще никогда не случалось такой беды!

— Есть ли еще подобные случаи?

— Да у всех торговцев мясом! Некоторые распродали последние запасы, но никто не получил новых продуктов.

— Может, просто задержка поставок?

— Если мы не получим товар и завтра, начнется бунт.

Кем всерьез озабочился происходящим. Ни бедный, ни богатый не потерпят таких перебоев. Зажиточным гражданам требовалось мясо для их празднеств, а самые обездоленные нуждались хотя бы в сушеной рыбе. Поэтому нубиец отправился на склад, куда свозили все мясные продукты.

Заложив руки за спину, управляющий созерцал воды Нила.

— Что происходит? — задал ему вопрос Кем.

— Уже целую неделю никаких поставок.

— И вы никому об этом не сообщили?!

— Конечно, сообщил.

— Кому?

— Вышестоящему чиновнику: старшему засольщику.

— Где мне его найти?

— В засолочной, рядом с бойней храма Птаха.

Мясники вели беседу, попивая сладкое пиво. Обычно они ощипывали гусей и уток, потрошили их, солили и закладывали на хранение в большие глиняные сосуды.

— Почему бездельничаете? — спросил Кем.

— Птица и сосуды есть, — ответил один из них, — но нет соли. Больше мы ничего не знаем. Спросите у начальника.

Старший засольщик оказался маленьkim, кругленьким, почти лысым человечком. Он

играл в кости со своим помощником. Появление начальника стражи и его страшного павиана отбило у него желание развлекаться.

— Я не виноват, — произнес он дрожащим голосом.

— Разве я вас обвинял?

— Раз вы здесь...

— Почему вы не раздаете мясникам соль, которая им нужна?

— Потому что у меня ее нет.

— Что это значит?

— Я получаю соль из двух мест: из долины Нила и оазисов. После летней жары пена бога Сета затвердевает на поверхности земли рядом с рекой. Земля покрыта белым полотном. Соль эта опасна для камней храмовых стен, поэтому ее тотчас собирают и отправляют в хранилища. Так же мы используем соль, собранную в оазисах, поскольку заготавливаем много мяса впрок. Сегодня нет ничего...

— Почему?

— Хранилища нильской соли опечатаны, а караваны из оазисов больше не приходят.

Кем поспешил к визирю. В его кабинете толпилось около десятка разгневанных сановников. Каждый желал перекричать другого. Вместо речей — ужасный галдеж. Наконец, по твердому настоянию Пазаира, они начали говорить по одному.

— Приходится платить одну и ту же цену за обработанную и необработанную кожу. Ремесленники грозятся прекратить работу, если вы не вмешаетесь и не установите разные цены.

— Мало того что мотыги, которые продают земледельцам храмовых владений богини Хатхор, испорченные или хлипкие, цены на них выросли вдвое! Четыре дебена^[6] вместо двух!

— Пара самых простых сандалий стоит три дебена! Это в три раза дороже, чем обычно, и речь не идет о предметах роскоши!

— Одна овца — десять дебенов вместо пяти; хороший бык — двести вместо ста! Если это безумие будет продолжаться, мы не сможем себя прокормить!

— Бычий окорок становится недоступным даже для богатых.

— Мы уж не говорим о бронзовой и медной посуде! Завтра за один сосуд придется отдать целый гардероб.

Пазаир встал.

— Прошу вас, успокойтесь.

— Визирь Египта, этот сумасшедший рост цен невыносим!

— Согласен, но кто его вызвал?

Сановники переглядывались. Самый разгневанный произнес:

— Но... вы сами!

— Указы по этому поводу скреплены моей печатью?

— Нет, но они скреплены печатью Двойного Белого дома, а разве возможны разногласия между визиром и главным казначеем?

Пазаир понял позицию своих собеседников. Бел-Тран умело расставил ловушки: искусственный рост цен, недовольство населения. А кто виноват? Визирь.

— Я допустил ошибку и исправлю ее. Разработайте шкалу цен, соответствующую средней норме, я ее утверджу. Чрезмерное завышение цен будет наказываться.

— Не стоит ли... произвести переоценку дебена.

— Это необязательно.
— Торговцы будут жаловаться! Этот просчет позволил им здорово обогатиться.
— Не думаю, что их благополучию что-то угрожает. Прошу вас, поторопитесь. Завтра с утра глашатаи пройдут по городам и деревням, объявляя мои решения.

Поклонившись, сановники удалились. Кем рассматривал большую комнату, заставленную полками, прогнувшись под весом многочисленных папирусов и глиняных табличек.

— Если я правильно понимаю, мы еще легко отделались, — заметил нубиец.
— Я в курсе со вчерашнего вечера, — признался Пазаир. — Всю ночь я работал, чтобы поставить преграду на пути разрушительного потока. Бел-Тран пытается вызвать всеобщее недовольство, показать, что мои действия пагубны, и что фараон более не управляет страной. Мы предотвратим катастрофу, но он не остановится: он начнет давать привилегии одним ремеслам и притеснять другие. Его цель — разделить, столкнуть между собой богатых и бедных, посеять ненависть и использовать негодование населения в своих интересах. Каждое мгновение мы должны быть начеку. Вы пришли с хорошей новостью?

— Боюсь, что нет.
— Что, новая драма?
— Прекратились поставки соли.

Пазаир побледнел. Это грозило тем, что населению не будет хватать мяса и сушеный рыбы, то есть основных продуктов.

— А соли между тем собрали в изобилии, — продолжал Кем. — Но ворота хранилиш опечатаны.

— Пошли их распечатывать...

На дверях хранилища оказались печати Двойного Белого дома. В присутствии Кема и двух писцов визирь взломал их, о чем был тут же составлен акт, датированный и скрепленный подписями. Начальник соляных хранилищ сам открыл ворота.

— Какая влажность! — удивился Пазаир.
— Эта соль была неправильно собрана и плохо хранилась, — констатировал Кем. — Она намокла в стоячей воде.

— Отфильтровать соль! — приказал Пазаир.
— Этим мы почти ничего не спасем.

Разгневанный Пазаир повернулся к начальнику:

— Кто испортил соль?
— Не знаю. Когда Бел-Тран осматривал запасы соли, он посчитал их непригодными для потребления. Были составлены соответствующие протоколы по всей форме.

Несчастный дрожал под пронизывающим взглядом павиана. Но он и в самом деле ничего не знал.

* * *

Управление, ведавшее торговлей с оазисами, было тесно связано с государственными службами, ведавшими сопредельными землями. Несмотря на то, что отдаленные провинции считались территорией Египта со времен первых династий, жителям долины они по-прежнему казались загадочными. Там добывался натрон, необходимый для очистительных

церемоний и мумификации, а также соль превосходного качества. Нескончаемые караваны ослов, груженных тяжелыми тюками ценного продукта, шли по тропам.

Во главе этого управления стоял бывший воин, гроза бедуинов-грабителей. Этот человек с морщинистым от солнца лицом, квадратной головой и мощным торсом знал цену трудностям и опасностям. Присутствие павиана явно беспокоило его.

— Возьмите это животное на поводок, — попросил он. — В гневе оно опасно.

— Убийца на службе, — ответил Кем. — Он бросается лишь на преступников.

Начальник оазисов побагровел:

— Никто никогда не ставил под сомнение мою честность!

— Вы не забыли поприветствовать визиря Египта?

Тот слегка поклонился.

— Сколько соли на твоих складах?

— Очень мало. Вот уже несколько недель ослы из оазисов не приходят ни сюда, ни в Фивы.

— И тебя это не удивило?

— Я сам распорядился прекратить всякую торговлю.

— По собственной инициативе?

— Я получил приказ.

— Бел-Тран?

— Разумеется.

— Его основания?

— Понизить цены. Торговцы из оазисов наотрез отказались, убежденные, что Двойной Белый дом вернется к прежним ценам. С каждым днем ситуация все больше накаляется. Мои требования остаются без ответа. К счастью, у нас есть соль из нильской долины.

— К счастью, — повторил удрученно Пазаир.

* * *

Гладко выбритый, в парике, закрывавшем половину лба, и одетый в длинное платье, поглотитель теней был неузнаваем. Ведя на длинной веревке двух ослов, он появился у ворот усадьбы Пазаира со стороны кухонь.

Пришедший показал управляющему свежие сыры, соленую сливочную простоквашу в сосуде и кислое молоко. Поначалу недоверчивый, управляющий оценил качество продуктов. Но стоило ему склониться над сосудом, как поглотитель теней оглушил его и затащил тело в сад. Наконец-то он был у цели.

У поглотителя теней имелся план усадьбы визиря. Он не полагался на случай, а точно знал, что в этот час слуги были заняты на кухне, а садовники обедали. Отсутствие павиана и Кема, сопровождавших Пазаира в городе, позволяло действовать с наименьшим риском.

Поглотитель теней, безразличный к природе, был тем не менее очарован роскошью сада. Сто локтей в длину и двести в ширину^[7], зеленые террасы, клумбы, разделенные ручейками, огород, колодец, водоем, беседка, укрытая от ветров. Со стороны Нила — постриженные конусом кусты, два ряда пальм, тенистая аллея, клумбы с цветами, где в основном росли васильки и мандрагоры, виноградник, фиговые деревья, сикоморы и тамариск, финиковые пальмы, персей и редкие ароматические травы, привезенные из Азии, которые благоухали и радовали глаз. Но человек тьмы не задержался в этом восхитительном месте. Миновав водоем с цветущими голубыми лотосами он пригнулся, подошел к дому и замер, прислушиваясь к малейшему шороху.

Если верить плану, он находился возле комнат для гостей. Через низкое окно поглотитель теней проник в помещение, в котором стояли кровать и сундуки для одежды. В левой руке он сжимал ручку корзины, где сидела черная гадюка.

Выйдя из комнаты, он, как и предполагал, оказался в красивом зале с четырьмя колоннами. Художник расписал стены изображениями птиц с ярким оперением. Убийца решил, что выберет подобный орнамент для своей будущей усадьбы. Вдруг он услышал обрывки фраз, доносившихся из комнаты омовений. Это служанка, поливая теплой душистой водой обнаженное тело Нефret, сетовала на домашние неурядицы. Хозяйка дома старалась ее успокоить. Поглотителю теней очень хотелось полюбоваться молодой женщиной, но дело превыше удовольствия. Он повернулся и открыл дверь спальни, где на высоких подставках стояли вазы с мальвой, васильками и лилиями и две кровати хозяев с изголовьями из золоченого дерева. Выполнив задуманное, поглотитель теней прошел через зал с четырьмя колоннами мимо комнаты омовений и оказался в помещении, заставленном различными пузырьками. Это была личная комната Нефret. На каждом пузырьке с лекарствами имелась бирка с названием и медицинским показанием. Наемный убийца без труда нашел то, что искал.

И вновь он услышал женские голоса и плеск воды. Звук шел из смежной комнаты. В верхнем левом углу стены он заметил небольшое отверстие, которое не успел заделать штукатур. Не в силах более сдерживаться, мужчина взобрался на табурет, вытянул шею и увидел... ее. Нефret стояла, наслаждаясь потоками лившейся на нее воды. Затем молодая женщина легла на каменную лежанку. Сетя на мужа и детей, служанка принялась нежно массировать ей спину ароматическими маслами.

Поглотитель теней наслаждался зрелищем. Последняя женщина, которую он взял силой, была толстушка Силкет — уродина по сравнению с Нефret. В его голове мелькнула мысль, что он ворвется в комнату омовений, задушит служанку и изнасилует эту красивейшую женщину с изумительным телом, жену врага. Но время поджимало.

Служанка кончиками пальцев взяла крем из косметической ложечки, выполненной в форме обнаженной купальщицы, и смазала им верхнюю часть бедер Нефret, чтобы снять усталость и напряжение.

Поглотитель теней с трудом подавил желание и выбрался из дома.

Незадолго до захода солнца визирь вернулся домой. Управляющий встретил его у ворот:

— Господин, на меня напали сегодня утром, в час, когда обычно приходят разносчики товаров... Человек представился торговцем сырами. Сначала я насторожился, так как видел его впервые, но качество товара внушало доверие. Как только я наклонился, он ударил меня по голове.

— Нефret знает?

— Я решил не путать вашу супругу и провести самостоятельное расследование.

— Ты что-нибудь обнаружил?

— Нет, ничего, что могло бы вызвать беспокойство. Никто не заметил этого типа в усадьбе. Он оглушил меня и ушел. Может, он хотел обокрасть дом, но понял, что затея обречена на провал?

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного кружится голова.

— Пойди, отдохни.

Пазаир не разделял оптимизма своего управляющего. А если нападавший был тем самым таинственным убийцей, уже не раз пытавшимся уничтожить его?^[8] А если он все же проник в дом?

Валясь с ног от усталости после напряженного дня, визирь не хотел ничего, кроме как встретиться с Нефret. Он быстро прошел по главной аллее сада, усаженной смоковницами и пальмами. Бог наградил его счастьем наслаждаться великолепием сада и, более того, делить это счастье с женщиной, которую он полюбил всем сердцем с того самого мгновения, как увидел ее.

Сидя под гранатовым деревом, Нефret играла на маленькой семиструнной арфе. Хорошо поставленным, нежным высоким голосом она пела старинную песню о счастье возлюбленных, верных друг другу навек. Пазаир подошел и нежно коснулся губами ее шеи. Эта ласка всегда вызывала у Нефret сладкую дрожь.

— Я тебя люблю, Пазаир.

— Я тебя больше люблю.

— Ты ошибаешься.

— Они страстно поцеловались.

— Ты неважно выглядишь, — заметила Нефret.

— У меня опять насморк и кашель.

— Это все от переутомления и беспокойства.

— Последние часы стали тяжким испытанием: мы едва избежали двух серьезных катастроф.

— Бел-Тран?

— Без сомнения. Он спровоцировал рост цен, чтобы вызвать недовольство населения, и прекратил продажу соли.

— Вот почему наш управляющий никак не мог найти ни вяленого гусиного мяса, ни сущеной рыбы.

— Прекращение поставок в Мемфис.

— Будут считать, что это произошло по твоей вине.

— Как обычно.

— Что ты собираешься делать? — взволнованно спросила Нефret.

— Немедленно привести все в норму.

— Ну, что касается цен — достаточно будет указа, а вот соль?..

— Не все запасы были погублены сыростью. В ближайшее время новые караваны выйдут из оазисов. Кроме того, я открыл склады с запасами фараона в Дельте, Мемфисе и Фивах. Недостаток в солонине будет недолгим. Чтобы успокоить людей, из царских закромов в течение нескольких дней будут раздавать бесплатную еду как в неурожайные годы.

— А торговцы?

— В качестве компенсации они получат ткани.

— Таким образом, порядок восстановлен?

— До следующих выпадов Бел-Трана. Он будет постоянно мне досаждать.

— А не допустил ли он каких-нибудь промахов? — поинтересовалась Нефret.

— Он будет заявлять, что действовал в интересах Двойного Белого дома, то есть в интересах фараона. Поднять цены на продукты питания и заставить торговцев солью снизить свои цены — это ведь могло принести в казну немало средств.

— И обездолить народ.

— Бел-Трана это не беспокоит. Он предпочитает искать союзников среди богатых. Их поддержка будет ему необходима во время захвата власти. По-моему, это всего лишь мелкие укусы, чтобы проверить, как я буду реагировать. Поскольку он владеет экономической ситуацией значительно лучше, чем я, его следующие удары могут стать решающими.

— Не будь столь мрачен. Это мимолетное отчаяние от усталости. Хороший врач тебя излечит от этого.

— Не знаешь ли ты какого-нибудь средства?

— Комната для массажа, — улыбнулась Нефret.

Пазаир послушно пошел за ней, будто находился в доме впервые. После омовения ног и рук, сняв рабочее платье и набедренную повязку, он вытянулся на каменной лавке. Руки главной целительницы царства нежно массировали его тело, выгоняя боль из спины и снимая напряжение шеи. Повернувшись на бок, Пазаир взглянул на Нефret: сквозь платье из тончайшего льна угадывались формы ее изумительного тела, окутанного благовониями. Он привлек ее к себе и тихо произнес:

— Я не имею права лгать тебе, даже умалчивать. На нашего управляющего напал сегодня утром человек, притворившийся торговцем сыром.

— Это тот, кто уже пытался убить тебя, и кого Кем так и не обнаружил?

— Возможно.

— Мы поменяем блюда сегодняшнего ужина, — решила Нефret, вспомнив как таинственный убийца пытался отравить Пазаира рыбой^[9].

Хладнокровие жены восхищало Пазаира. Зарождавшееся в нем желание заставляло забыть о тревогах и опасностях.

— Ты сменила цветы в нашей спальне? — с улыбкой спросил он.

— Ты хочешь полюбоваться ими?

— Это мое самое страстное желание.

Они пошли по коридору, соединявшему массажную комнату и спальню. Пазаир не спеша раздел Нефret, покрывая ее тело горячими поцелуями. Всякий раз в моменты любви

он с наслаждением смотрел на ее нежные губы, тонкую длинную шею, упругую округлую грудь, стройные бедра, изящные ступни и благодарил небо за подаренное ему безумное счастье. Нефret ответила на его пыл, и вместе они познали тайную радость, которой богиня Хатхор, владычица любви, вознаграждала своих приверженцев.

Огромное поместье было погружено в тишину. Пазаир и Нефret лежали рядом, держась за руки. Станный звук насторожил визиря.

— Ты ничего не слышала? Будто удар палкой.

Нефret прислушалась. Звук повторился. Потом снова тишина. Девушка сосредоточилась, в памяти оживали отдаленные воспоминания.

— Это справа от меня, — определил Пазаир.

Нефret зажгла фитиль масляной лампы. Там, куда указывал муж, стоял бельевой сундук с набедренными повязками. Он хотел уже открыть крышку, как вдруг в памяти Нефret возникла картина. Она схватила Пазаира за руку и удержала его.

— Позови слугу, пусть придет с палкой и ножом. Я поняла, зачем приходил тот, кто выдавал себя за торговца сыром.

Она словно вновь переживала каждое мгновение испытания, когда ей нужно было поймать змею и отобрать яд, чтобы приготовить лекарство^[10]. Змея била хвостом о стены корзины, куда ее спрятали. Именно этот звук только что и услышал Пазаир.

Визирь вернулся с управляющим и садовником.

— Осторожно, — предупредила Нефret. — В сундуке — разъяренная змея.

Управляющий приподнял крышку концом длинной палки. Из корзины высунулась шипящая голова черной гадюки. Садовник, привыкший справляться с подобными непрошеными тварями, разрубил ее надвое... Пазаир несколько раз чихнул и закашлялся.

— Пойду принесу лекарство, — сказала Нефret.

Они не прикоснулись к аппетитному ужину, приготовленному поваром. Смельчак, напротив, воздал должное жареной корейке. Насытившись, он положил морду на лапы, наслаждаясь заслуженным отдыхом у ног хозяина.

В хранилище, уставленном пузырьками самых различных форм из дерева, слоновой кости, разноцветного стекла и алебастра, Нефret выбрала бриониевую настойку, снимавшую хроническое воспаление, которым страдал Пазаир.

— С завтрашнего дня, — заявил визирь, — я прикажу Кему обеспечить охрану нашего дома надежными людьми. Подобного больше не произойдет.

Нефret накапала десяток капель в кубок, добавила воды и подала мужу:

— Выпей это. Через час выпьешь еще такую же дозу.

Пазаир в задумчивости взял кубок:

— Этот убийца, видимо, находится на содержании Бел-Трана. Не было ли его среди тех заговорщиков, что похитили Завещание богов? Вряд ли. Пожалуй, он не связан с заговором напрямую. Из этого следует, что существуют еще и другие...

Смельчак зарычал, оскалив зубы. Это удивило супругов: никогда собака не вела себя так по отношению к хозяевам.

— Спокойно, — приказал визирь.

Смельчак поднялся на лапы и зарычал еще громче.

— Что с тобой?

Смельчак подскочил и схватил Пазаира за запястье. От удивления тот выронил кубок и замахнулся на пса.

Нефret, бледная как полотно, встала между ними:

— Не бей его! Кажется, я поняла...

Глядя на хозяина с любовью, Смельчак лизнул его ногу.

— Это не запах бриониевой настойки, — голос Нефret дрогнул. — Убийца подменил лекарство, которое ты обычно принимаешь, ядом, украденным в лечебнице. Заботясь о тебе, именно я должна была тебя убить.

Пантера жарила зайца, а Сути заканчивал мастерить лук из ветки акации, который походил на его любимое оружие, способное метать стрелы на шестьдесят метров при прямом выстреле и более чем на сто пятьдесят метров при навесной стрельбе. Еще подростком Сути проявил недюжинные способности к стрельбе, поражая дальние и малоразмерные цели. Он был счастлив, ощущая себя хозяином этого скромного оазиса, с чистой водой, сочными финиками и дичью, приходившей к водопою. Сути любил пустыню, ее мощь, ее пожирающий огонь, увлекавший мысли в бесконечность. Долгими часами он наблюдал восходы и заходы солнца, едва различимые движения дюн, танцующий с ветром песок. Погрузившись в молчание, Сути соединялся с обжигающей бесконечностью, где безраздельно властвовало солнце. Ему казалось, что он прикасается к абсолюту, неподвластному богам. Стоит ли покидать этот заброшенный людьми клочок земли?

— Ну и когда мы отправимся дальше? — спросила Пантера, прильнув к нему.

— Возможно, никогда.

— Ты хочешь навеки застремать здесь?

— А почему бы и нет?

— Сути, но это же безумие!

— А чего нам не хватает?

— Нашего золота.

— Ты не счастлива?

— Этого счастья мне недостаточно; я хочу быть богатой и повелевать армией слуг в огромном поместье. Ты будешь подносить мне дорогие вина и смазывать ноги ароматными маслами, а я буду петь тебе песни любви.

— И твое поместье обширней пустыни?

— А где здесь садовники, живописные водоемы, музыканты, пиршественные залы...

— Сколько всего, совершенно нам ненужного! — прервал ее Сути.

— Говори за себя. Жизнь нищенки мне отвратительна. Я не для того тебя вытащила из той тюрьмы, чтобы гнить в этой!

— Никогда еще мы не были так свободны. Оглянись вокруг: ничто не мешает, никто не досаждает, мир предстает перед нами во всей своей красоте и первозданности. Зачем расставаться с этим великолепием?

— Заключение сделало тебя слишком слабым, бедненький ты мой.

— Не смейся над моими словами, я влюблена в пустыню.

— А как же я, не в счет?

— Ты — беглая ливийка, кровный враг Египта.

— Чудовище, злодей! — гневно воскликнула Пантера и ударила его кулаком.

Сути схватил ее за руку и опрокинул на спину. Пантера отбивалась, но мужчина был сильнее.

— Либо ты станешь моей рабыней песков, либо я откажусь от тебя.

— Ты не властен надо мной, лучше умереть, чем подчиниться тебе!

Они ходили совершенно обнаженными, прячась от солнца в самые жаркие часы, наслаждаясь тенью пальмовых ветвей и листья акаций. Когда желание охватывало их, их тела снова и снова сливались с неистощимой страстью.

— Ты все думаешь о той потаскухе, твоей законной супруге, о Тапени? — спросила Пантера.

— Иногда, признаюсь.

— Ты изменяешь мне в мыслях!

— Не обманывай себя. Если бы госпожа Тапени была поблизости, я бы принес ее в жертву демонам пустыни.

Пантера вдруг в беспокойстве нахмурила брови.

— А ты их видел?

— Ночью, пока ты спишь, я смотрю на вершину большого бархана. Они появляются там. Один с телом льва и головой змеи, другой — крылатый лев с головой ястреба, третий — с острой мордой, большими ушами и раздвоенным хвостом^[11]. Ни одна стрела не сможет их настигнуть, ни один аркан — поймать, ни одна собака — догнать.

— Ты смеешься надо мной!

— Эти демоны нас защищают, мы оба из их породы, такие же непокорные и дикие.

— Тебе приснилось, таких существ нет.

— Но ты же есть.

— Отпусти меня, ты слишком тяжел.

— Ты действительно этого хочешь? — Он сделался нежным.

— Нет! — закричала Пантера и резко повернулась на бок.

Лезвие топора, едва задев висок Сути, вонзилось в песок в нескольких сантиметрах от места, где они находились еще секунду назад. Краем глаза Сути увидел нападавшего: рослый нубиец схватил свое оружие за рукоятку и одним прыжком оказался перед своей добычей. Их взгляды, наполненные жаждой смерти, встретились: бесполезно думать о переговорах.

Нубиец, уверенный в своей силе и ловкости, улыбаясь и поигрывая топором, заставлял противника отступать. Сути уперся спиной в ствол акации. Нубиец занес топор, но в тот же момент Пантера повисла у него на шее. Недооценив силу молодой женщины, он попытался сбросить ее, ударив локтем в грудь. Не чувствуя боли, Пантера вцепилась ему ногтями в глаза. Ревя от боли, нубиец выронил топор. Сути ударил головой врага в живот и повалил его наземь. Пантера стала душить его палкой. Нубиец пытался отбиваться, но силы оставляли его. Сути оставил возлюбленной самой завершить победный бой. Их враг неподвижно лежал на песке, горло его было раздавлено.

— Он один? — с беспокойством спросила Пантера.

— Нубийцы обычно охотятся бандами.

— Боюсь, как бы дорогой твоему сердцу оазис не превратился в поле битвы.

— Ты и вправду демон! Ведь это ты нарушила мой покой и навлекла их сюда.

— Не пора ли сматываться, и как можно быстрее?! — воскликнула Пантера.

— А если он пришел один?

— Ты только что говорил обратное! Оставь свои мечтания — и пойдем.

— Куда?

— На север.

— Нас схватят египетские солдаты. Они уже наверняка прочесывают окрестности.

— Если ты пойдешь за мной, мы ускользнем от них и отыщем наше золото, — вдохновенно говорила Пантера, крепко прижимая к себе возлюбленного. — О тебе скоро забудут. Они думают, что ты заблудился или, возможно, уже мертв. Мы пройдем через линии оцепления, обогнем крепость и станем богаты!

Опасность возбудила ливийку. Только обьятия Сути могли бы ее успокоить. Молодой человек уже был готов ответить ее ожиданиям, но вдруг заметил непонятное движение на вершине большого бархана.

— А вот и другие, — прошептал он.

— Сколько?

— Не знаю, они приближаются ползком.

— Пойдем по тропе орикса.

У Пантеры поубавилось самонадеянности, когда она увидела нескольких нубийцев, скрывавшихся за камнями на вершине бархана.

— Что ж, тогда идем на юг!

Но и это направление было для них заказано: враг окружил оазис.

— Я сделал двадцать стрел, — сказал Сути. — Но этого не хватит.

Пантера помрачнела:

— Я не хочу умирать.

Он прижал ее к себе.

— Я заберусь на вершину самого высокого дерева и оттуда уничтожу многих. Одному я дам возможность войти в оазис. Ты убьешь его топором, заберешь колчан со стрелами и принесешь мне.

— У нас нет ни малейшей надежды на успех.

— Я надеюсь на тебя, — сказал молодой человек и полез на дерево.

Сверху Сути хорошо различал врагов. Около пятидесяти человек, вооруженных дубинками, луками и стрелами. Уйти от них совершенно невозможно. Он будет биться до конца и сам убьет Пантеру, избавив ее от насилия и мучений. Последняя стрела предназначена ей.

Далеко за нубийцами, на вершине бархана, орикс, который вывел их к оазису, боролся с сильным ветром. Языки песка отрывались от холма и уносились к небу. Внезапно антилопа исчезла.

Три черных воина с криками бежали к оазису. Сути натянул тетиву, прицелился и трижды выпустил стрелы. Нубийцы упали с пронзенной грудью. За ними побежали еще трое.

Молодой человек поразил стрелами двух. Третий в ярости ворвался в оазис. Он выпустил стрелу в сторону вершины дерева, но, к счастью, промахнулся. Пантера набросилась на него. Их сцепившиеся тела выпали из поля зрения Сути. Внизу никто не вскрикнул.

Вдруг ствол дерева задрожал: кто-то карабкался наверх. Сути наставил лук.

Сквозь листву акации протиснулась рука с колчаном, полным стрел.

— Я его прикончила! — дрожа, вскричала Пантера.

Сути помог ей устроиться рядом.

— Ты не ранена? — взволнованно спросил он.

— Я оказалась расторопней его.

Но времени для взаимных поздравлений не было: началась новая атака. Несмотря на примитивность оружия, Сути стрелял очень метко. Правда, ему пришлось выстрелить дважды в целившегося в него лучника.

— Ветер, — объяснил он.

И действительно, ветки начали гнуться под порывами зарождавшегося урагана. Небо окрасилось в медный цвет. Воздух наполнился пылью. Ибис, попавший в вихрь, был прижат

к земле.

— Спускаемся, — приказал Сути.

Деревья стонали и издавали зловещий треск. Сломанные пальмы исчезали в желтом вихре.

Едва Сути коснулся земли, как на него набросился нубиец с топором.

Дыхание пустыни оказалось столь мощным, что сдержало удар врага, но все же лезвие топора задело левое плечо египтянина. Тот, сцепив кисти рук в единый кулак, размозжил нос противника. Мощный порыв ветра растащил их. Нубиец исчез.

Сути поймал руку Пантеры. Если им и удалось уйти от убийц, страшный гнев пустыни их не пощадит. Песок, налетавший волнами необычайной силы, обжигал глаза и приковывал к земле. Пантера выпустила из рук топор, Сути — свой лук. Они присели у пальмы, едва различив ее ствол. Ни они, ни нападавшие уже не могли двигаться.

Ветер завывал, земля уходила из-под ног, небо исчезло. Прижавшись друг к другу, египтянин и ливийка, уже укрытые красновато-коричневым с золотым отливом саваном песка, жестоко хлеставшего их тела, чувствовали себя потерянными в разбушевавшемся океане. Смыкая веки, Сути думал о Пазаире, своем духовном брате. Почему он не пришел ему на помощь?

Кем прохаживался по причалам порта Мемфиса, наблюдая за разгрузкой и погрузкой товаров и продуктов. Поставки соли были восстановлены, зарождавшееся народное негодование утихло. Тем не менее нубиец оставался в напряжении. Не прекращались слухи о том, что здоровье Рамсеса угасает и грядет закат величия страны.

Начальник стражи был недоволен собой. Он так и не сумел найти человека, пытавшегося убить Пазаира! Разумеется, тому больше не удастся проникнуть в усадьбу визиря: отныне внушительное количество стражников охраняли ее денно и нощно. Но у Кема не было ни одной зацепки. Никто из осведомителей не дал никакой серьезной наводки. Преступник работал в одиночку, без подручных, никому не доверяя, и пока эта тактика не подводила его. Но когда-нибудь он должен совершить ошибку?

Павиан Убийца, в отличие от своего хозяина, пребывал в ровном расположении духа. Спокойно и бдительно наблюдая за всем происходящим вокруг, он не упускал ни малейшей детали. Перед Домом сосны, управлением, занимавшимся перевозкой леса, Убийца замер. Кем, внимательно следивший за самыми незначительными изменениями в поведении обезьяны, насторожился.

Красные глаза Убийцы уставились на торопливого человека, поднимавшегося на борт большой лодки, груженной товаром, укрытым грубой материей. Высокого роста, нервный, в красной шерстяной накидке, он непрестанно поучал и подгонял матросов. В самом деле, довольно странное поведение в преддверии долгого путешествия. Зачем ему нужно раздражать портовых рабочих?

Кем вошел в главное здание Дома сосны, где писцы распределяли грузы и вели учет движения судов, делая записи на деревянных дощечках, и обратился к одному из своих друзей — добродушному египтянину, уроженцу Дельты.

- Куда отправляется эта лодка?
- В Ливан.
- Что везет?
- Сосуды для воды и бурдюки.
- А кто там так торопится?
- Ты о ком, Кем?
- О человеке в красной шерстяной накидке.
- Это фрахтовщик, он нанимает лодки для перевозки грузов.
- Всегда такой напряженный?
- Обычно он скорее сдержаный. Видно, его напугала твоя обезьяна.
- Откуда он?
- Из Двойного Белого дома.

Кем вышел из Дома сосны. Павиан сидел на сходнях, не давая возможности фрахтовщику сойти с судна. Тот попытался было спрыгнуть на причал, рискуя сломать себе шею, но Убийца схватил его и прижал к палубе.

- Чего ты испугался? — спросил Кем.
- Он меня задушит.
- Нет, если будешь говорить.
- Это не моя лодка, отпустите меня.

— Ты отвечаешь за груз. Почему сосуды для воды и бурдюки загружаются на причале Дома сосны?

— Все другие причалы заняты.

— Неверный ответ.

Павиан сжал ухо фрахтовщика.

— Убийца терпеть не может лжецов, — пояснил Кем.

— Под холстом... Поднимите холст! — выдавил несчастный.

Кем последовал его совету. Павиан же присматривал за подозрительной личностью.

В самом деле, удивительная находка. Под брезентом оказались бревна сосны и кедра, доски из акации и сикоморы.

Кем испытал радость: на этот раз Бел-Тран совершил ошибку.

* * *

Нефret отдохала на террасе дома. Она понемногу отходила от страшного потрясения, но ее все еще мучили кошмары. Нефret проверила состав всех лекарств, находившихся в домашнем хранилище, боясь, что убийца мог влить яд и в другие пузырьки. Но яд оказался только в лекарстве Пазаира.

Визирь, гладковыбранный лучшим брадобреем, нежно поцеловал жену.

— Как ты себя чувствуешь сегодня утром?

— Намного лучше, сейчас пойду в лечебницу.

— Кем только что прислал мне сообщение. Он полагает, что у него хорошие новости.

Нефret обняла его за шею:

— Умоляю тебя, не отказывайся от охраны, когда ты куда-то ходишь.

— Не волнуйся. Кем прислал мне своего павиана...

Начальник стражи был явно взмолнован.

— Бел-Тран попался, — объявил он, увидев Пазаира. — Я взял на себя смелость незамедлительно вызвать его на допрос. Пятеро охранников ведут его к вам.

— Дело надежное?

— Вот установленные мною факты. — И Кем рассказал о своей находке.

Пазаир хорошо знал законодательные акты, регламентировавшие торговлю лесом. Было очевидно, что Бел-Тран допустил грубое нарушение, за которое полагалось серьезное наказание.

Бел-Тран появился на пороге. Его насмешливый взгляд не выдавал никакой обеспокоенности.

— Чем обязан такому развертыванию боевых сил? — удивился он. — Насколько мне известно, я не бандит.

— Сядьте, — предложил Пазаир.

— Не желаю, меня ждут дела.

— Начальник стражи только что арестовал грузовую лодку, направлявшуюся в Ливан. Она была зафрахтована представителем Двойного Белого дома, то есть вашим подчиненным.

— Он у меня не единственный.

— Согласно установленным правилам, — продолжал Пазаир, — мы направляем в Ливан алебастровые сосуды, льняную ткань, бычью кожу, свитки папируса, веревки,

чечевицу, сущеную рыбу. В обмен мы получаем лес, которого нам не хватает, и именно эта страна поставляет его нам.

— Вы не сказали мне ничего нового, — усмехнулся Бел-Тран.

— На лодке, о которой я говорил, собирались везти бревна сосны и кедра, и даже доски, нарезанные из наших акаций и сикомор, вывоз которых запрещен. Иначе говоря, вы собирались вывезти из страны материал, который мы оплатили и которого нам не хватает для строительства и изготовления саркофагов!

Бел-Тран оставался невозмутимым:

— Вы плохо знаете это дело. Доски заказал правитель Библоса для гробов своих наложниц. Он высоко ценит качество наших акаций и сикомор. Разве египетский материал не является залогом вечности? Отказать ему в этом подарке было бы большим оскорблением и политической ошибкой, способной повлечь тяжелые последствия, губительные для нашего благороденства.

— А бревна кедра и сосны?

— Молодой визирь не посвящен во все технические тонкости товарного обмена. Ливан обязался поставлять нам древесину, не пораженную грибком и насекомыми. Данная партия не отвечала этим требованиям. Поэтому я и распорядился отправить груз обратно.

— Я не полный дурак, Бел-Тран, вы организовали подпольную торговлю с Ливаном в целях личного обогащения и получения поддержки со стороны одного из наших самых важных торговых партнеров. Я перекрываю ваш канал. Отныне весь вывоз леса будет подчинен лично мне.

— Как вам угодно. Но если вы будете продолжать таким же образом, очень скоро вы сломаетесь под грузом ответственостей. А сейчас вызовите мне носилки. Я тороплюсь!

Кем был крайне огорчен:

— Извините меня, я поставил вас в неловкое положение.

— Благодаря вам, — заключил Пазаир, — мы отняли у Бел-Трана одну из областей, где он господствовал.

— У чудовища много голов... Сколько придется срубить, чтобы ослабить его?

— Столько, сколько понадобится. Я готовлю указ, предписывающий номархам [12] посадить десятки деревьев, чтобы люди могли отдыхать в их тени. Кроме того, ни одно дерево не будет срублено без моего разрешения.

— На что вы надеетесь?

— Вернуть веру египтянам, уставшим от слухов, уверить их, что будущее столь же радостно, как шелест листьев.

— Вы сами в это верите? — спросил Кем.

— А вы в этом сомневаетесь?

— Вы не умеете лгать, визирь Египта. Бел-Тран рвется к трону, не так ли?

Пазаир молчал, поэтому начальник стражи продолжил:

— Пусть ваш язык скован, я понимаю. Но вы не можете помешать мне услышать голос моего сердца. Вы ведете смертельный бой, и у вас нет никаких шансов выйти из него победителем. Мы связаны по рукам и ногам. Не знаю почему, но я остаюсь с вами.

Бел-Тран порадовался своей предусмотрительности. К счастью, он принял все меры предосторожности и подкупил немало чиновников, чтобы находиться вне подозрений, в чем бы его ни пытались обвинить и откуда бы ни исходили эти обвинения. Визирь проиграл, проиграет и впредь. Даже если Пазаиру и удастся разоблачить некоторые из его замыслов, его победы будут смешны.

За Бел-Траном следовали трое слуг с подарками для Силкет: дорогие бальзамы для придания блеска и аромата волосам и парикам; косметическое средство из алебастровой пудры, меда и красного натрона для нежности ее кожи; а также много первого сортного тмина, лучшего лекарства от несварения и колик.

У служанки Силкет был огорченный вид. Супруга должна была встретить Бел-Трана и помассировать ему ноги.

— Где она? — спросил Бел-Тран у служанки.

— Ваша супруга в постели.

— Что у нее опять болит?

— Кишечник.

— Что вы ей дали?

— То, что она просила: маленькую пирамидку, начиненную финиками, и отвар кориандра. Лечение помогло мало.

Спальня была проветрена и окурена. Силкет, вся бледная, корчилась от боли. Увидев мужа, она сделала гримасу.

— Чего ты опять переела? — недовольно спросил Бел-Тран.

— Ничего, одно маленькое пирожное... Дорогой, боли усиливаются!

— Завтра вечером нужно быть на ногах и в полном блеске. Я пригласил несколько номархов, и ты должна будешь оказать мне честь.

— Нефret смогла бы помочь мне.

— Забудь об этой женщине.

— Но ты же мне обещал...

— Я тебе ничего не обещал. Пазаир не сдается. Этот глупец продолжает яростно сопротивляться. Обратиться за помощью к его супруге было бы проявлением непростительной слабости с нашей стороны!

— Даже ради моего спасения?

— Ты не так уж больна, тебе просто не по себе. Я сейчас позову разных лекарей, а ты должна думать только о том, как завтра вечером быть на ногах и обольщать важных персон.

* * *

Нефret беседовала с пожилым смуглым человеком. Без умолку болтая, он показывал ей глиняный сосуд, который та с интересом разглядывала. Подойдя ближе, Пазаир узнал пчеловода, несправедливо приговоренного к каторжным работам, с которых визирь его вызволил.

Старик поднялся и поприветствовал Пазаира.

— Визирь Египта! Какая радость видеть вас вновь! Войти в ваш дом оказалось непростым делом. Мне задали тысячу вопросов, проверили, кто я, и даже изучили содержимое моих горшков с медом!

— Как себя чувствуют пустынные пчелы? — улыбнулся Пазаир.

— Наилучшим образом. Поэтому я здесь. Отведайте этого небесного лакомства.

Как говорили сказители, боги, которых поведение людей часто огорчало, вновь обретали радость, вкушая мед. Из слез бога Ра, падавших на землю, произошли пчелы — эти волшебники, превращавшие растения в «съедобное золото».

Вкус меда удивил Пазаира.

— Никогда еще не было такого урожая, — заметил пчеловод. — Ни по количеству, ни по качеству.

Мы снабдим медом все лечебницы, — вступила в разговор Нефret, — и много еще отложим про запас.

Мед, обладая смягчающими свойствами, использовался для лечения глаз, сосудов, легких, применялся в гинекологии и входил в состав многих лекарств. Мед часто закладывали при перевязках.

— Надеюсь, что целительница не будет жестоко разочарована, — заметил старик.

— Чего ты опасаешься? — спросил Пазаир.

— Новости распространяются быстро. С тех пор как стало известно о богатом урожае, на участке, где я работаю со своими помощниками, стало не так спокойно, как прежде. За нами наблюдают, пока мы вынимаем рамки и заливаем мед в сосуды, опечатываемые воском. Но как только мы закончим эту работу, боюсь, что на нас нападут и ограбят.

— А разве стражники не охраняют вас?

— Их слишком мало. Мой урожай — это целое состояние, которое они не в силах защитить.

Бел-Трану, конечно, уже обо всем сообщили. Лишить лечебницы этого важного чудодейственного средства означало бы привести к серьезным осложнениям.

— Я предупрежу Кема. Перевозка меда пройдет в полной безопасности, — заверил старика визирь.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — спросила Нефret. — Канун праздника садов.

Лицо Пазаира просветлело:

— Богиня Хатхор молвит твоими устами; мы принесем счастье.

* * *

В праздник садов утром женихи с невестами и молодожены сажали в садах сикоморы. На городских и деревенских площадях, а также по берегам реки люди дарили друг другу хлеба и букеты цветов, пили пиво. Натерев кожу бальзамами, красавицы танцевали под звуки флейт, арф и тамбуринов. Юноши и девушки говорили о любви, а пожилые люди предавались воспоминаниям.

Когда наместникам вручили бочонки с медом, народ стал прославлять визиря и фараона, ведь пчела являлась одним из символов царя Египта. Из-за чрезмерно высокой цены «съедобное золото» для большинства семей было почти несбыточной мечтой. И эту «мечту» будут вкушать в дни торжеств, празднуемых под покровительством Рамсеса Великого.

Со своей террасы счастливые Нефret и Пазаир слышали, как где-то вдали пели и танцевали горожане. Вооруженные банды, готовившиеся напасть на караваны с медом, были

обезврежены. Старый пчеловод, отмечая торжество с друзьями, утверждал, что фараон хорошо правит страной и что праздничный мед развеет несчастье.

Оазис был разорен стихией. Обезглавленные пальмы, голые акации, расщепленные стволы, обломанные ветви, заваленный и засыпанный песком колодец...

Сути приоткрыл глаза и не узнал своей мирной гавани. Может быть, он оказался в сумрачной стране, куда никогда не приходит солнце? Свет почти не проникал сквозь пелену желтой пыли, висевшей в воздухе. Плечо ныло от раны, нанесенной топором врага. Сути вытянул ноги; они болели так, будто были переломаны. На самом деле только царапины. Рядом с ним лежали два нубийца, раздавленные стволов упавшей пальмы.

Пантера... Где она? Мысли путались, но Сути помнил о нападении нубийцев, о том, как поднялась буря, о неистовстве ветра, о внезапном бешенстве пустыни. Любимая была рядом с ним, пока мощный порыв ветра не оторвал их друг от друга. Стоя на коленях, Сути начал раскапывать песок. Ливийки нигде не было. Нет, он не уйдет отсюда без женщины, вернувшей ему свободу.

И тут он заметил ее. Пантера походила на спящую девушку, которой снился прекрасный воздыхатель. Никаких следов ран на обнаженном теле, только на затылке вскочила огромная шишка. Сути потер ей виски, нежно приводя в чувство.

— Ты... жив? — в волнении произнесла она.

— Успокойся, ты просто потеряла сознание.

— Мои руки, ноги...

— Болят, конечно, но они целы.

Пантера совсем по-детски обняла его:

— Уйдем отсюда быстрее!

— Только захватим воду.

Несколько часов Сути и Пантера упорно расчищали колодец. Решив, что обойдутся и грязной вонючей водой, они наполнили ею два бурдюка. Потом Сути соорудил новый лук и собрал полсотни стрел. Немного поспав и облачившись в снятые с трупов лохмотья, чтобы пережить ночной холод, они направились к северу под покровом звездной ночи.

Выносливость Пантеры поражала Сути. То, что она воссталла из небытия, придавало ей новые силы, страстное желание найти свое золото, стать богатой, достойной уважения женщиной, способной удовлетворить любой свой каприз. Она не верила ни во что, кроме той судьбы, которую сама себе создавала, яростно раздирая зубами полотнище своего бытия и демонстрируя с откровенным бесстыдством свою обнаженную душу. Пантера не боялась ничего, кроме собственного страха, который безжалостно подавляла. Она позволяла лишь короткие остановки, следила за тем, как расходуется вода, выбирала направление пути среди скал и барханов.

Сути послушно шел за ней, поглощенный пейзажем, который завораживал его и наполнял своей магией. Сопротивляться этому было бесполезно: ветер, солнце и жара — это его родина, каждый уголок которой так дорог ему.

Пантера все время оставалась начеку. На подходе к рубежам египетских войск она стала вдвое бдительней. Сути нервничал. Не уходил ли он от истинной свободы, от необъятных просторов, где хотел бы жить гордо, как орикс?

Пока они наполняли бурдюки из колодца, обозначенного каменной кладкой, появились враги, окружив их со всех сторон: более пятидесяти нубийских воинов, вооруженных

дубинками, короткими мечами, луками и пращами. Ни Сути, ни Пантера не слышали, как они подкрались.

Ливийка сжала кулаки; она не хотела погибать.

— Будем сражаться, — прошептала она.

— Безнадежно.

— Что ты предлагаешь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сути медленно повернул голову: нечего и думать, чтобы убежать. У него не хватило бы даже времени, чтобы натянуть лук.

— Боги запрещают самоубийство, — сказал он. — Если хочешь, я задушу тебя до того, как они проломят мне череп. Иначе они изнасилуют тебя самыми ужасными способами, а потом тебя ждет мучительная смерть.

Кольцо нападавших сомкнулось. Сути решил броситься на одного из двух гигантов, вышедших вперед. По крайней мере, он погибнет в бою. Его окликнул пожилой нубиец:

— Это ты уничтожил наших братьев?

— Я и пустыня, — ответил Сути.

— Это были герои.

— Я тоже.

— Как ты это сделал?

— Меня выручил лук.

— Ты лжешь.

— Давай покажу.

— Ты кто?

— Сути.

— Египтянин?

— Да.

— И чего ты ищешь в нашей стране?

— Я сбежал из крепости Чару.

— Сбежал?

— Я был заключенным.

— Ты снова лжешь.

— Меня приковали к скале посреди Нила. Я должен был служить приманкой для таких, как ты.

— Ты лазутчик?

— Я скрывался в оазисе, когда твои воины напали на меня.

— Не случись большой бури, они бы тебя одолели.

— Они умерли, а я жив.

— В тебе говорит гордыня.

— Если бы я мог сразиться с вами по одиночке, я бы доказал, что моя гордыня оправданна.

Нубиец посмотрел на своих воинов и произнес:

— Твой вызов заслуживает презрения! В оазисе ты убил нашего вождя и вынудил меня, старого человека, встать во главе клана.

— Позволь мне сразиться с лучшим из твоих воинов и в случае моей победы отпусти меня.

— Сражайся со всеми.

— Ты — подлец.

Камень вылетел из пращи и попал Сути в висок. Потеряв сознание, он рухнул на землю.

Двое гигантов подошли к Пантере. Она презрительно оглядела их и не пошевелилась. Нубийцы сорвали с девушки одежды и лохмотья, скрывавшие ее волосы, и, опешив, отпрянули.

Опустив руки, не скрывая ни грудь, ни золотистые колечки внизу живота, Пантера царственной походкой двинулась вперед. Нубийцы почтительно склонились перед ней.

* * *

Ритуалы в честь белокурой богини длились всю ночь. Воины узнали в ней наводящее ужас существо, чье могущество воспевали их предки. Придя из далекой Ливии, потакая своей ярости, богиня сеяла болезни, несчастья и голод. Нубийцы задабривали ее финиковым вином, змеиным мясом, зажаренным на костре, свежим чесноком, помогавшим от укусов рептилий и скорпионов. Они танцевали вокруг Пантеры,красившей голову пальмовыми ветвями и умашенной ароматными маслами; к ней обращали молитвы, передававшиеся из глубины веков.

О Сути забыли. Как и прочие, он был лишь слугой белокурой богини. Пантера прекрасно играла свою роль. Лишь только закончился праздник, она встала во главе этого небольшого войска, приказала разведчикам обойти крепость Чару и следовать к северу.

Странно, но египетские солдаты прятались за стенами и уже несколько дней не прочесывали местность. Отряд остановился на привал у подножия скалистой горы, укрывавшей от солнца и ветра.

Сути подошел к Пантере. Она спустилась с носилок, которые держали четверо воодушевленных ее красотой нубийских юношей.

— Я не смею даже взглянуть на тебя, — в негодовании произнес Сути.

— Правильно делаешь, иначе они выпустили бы тебе кишку, — улыбнулась Пантера.

— Такое положение невыносимо.

— Мы на верном пути.

— Но не верным способом.

— Потерпи.

— Это против моего характера.

— Немного рабства сделает его лучше.

— Не рассчитывай.

— Никто не может ускользнуть из-под власти белокурой богини, — гордо заявила Пантера.

В ярости Сути пошел упражняться в метании камней из пращи со своими новыми соратниками. Он оказался довольно ловок, чем вызвал их уважение. Несколько боев без оружия, из которых он вышел победителем, укрепили их расположение, которое стало полным после того, как Сути продемонстрировал свое мастерство стрельбы из лука.

После вечерней трапезы нубийцы говорили о золотой богине, пришедшей научить их музыке, танцам и любовным играм. Пока рассказчики приукрашивали легенду, двое мужчин в небольшом отдалении от остальных разожгли костер, чтобы разогреть горшок с клеем,

сваренным из антилопьего жира. Под действием температуры он становился жидким. Один из нубийцев окунул в клей кисточку, а другой подал ему выточенную из черного дерева пряжку пояса. Его приятель аккуратно размазал клей по поверхности. Сути зевнул. Когда он отошел от костра, в сумерках вдруг что-то блеснуло. Заинтересовавшись, Сути вернулся к нубийцам. Тот, что орудовал кисточкой, тщательно приложив к пряжке металлическую пластинку. Египтянин наклонился. Глаза не обманули его: это был листочек из золота.

— Где ты это раздобыл? — спросил Сути.

— Подарок нашего вождя.

— А ему от кого он достался?

— Когда вождь возвращался из затерянного города, он приносил с собой украшения и пластиинки, подобные этой.

— Ты знаешь, где находится затерянный город?

— Я нет, а старый воин — да.

Сути разбудил старого нубийца и заставил нарисовать на песке план. Затем собрал у огня небольшую группу воинов.

— Слушайте меня все! В армии я был помощником начальника отряда боевых колесниц. Я хорошо владею большим луком. Я убил десятки бедуинов и восстановил справедливость, уничтожив предателя полководца. Моя страна оказалась неблагодарной ко мне, а я хочу стать богатым и сильным. Вашему клану нужен вождь, человек закаленный в боях и привыкший побеждать. Такой человек — я! Если вы пойдете за мной, судьба будет к вам благосклонна.

Горящее лицо Сути, его длинные волосы, широкие плечи и внушительная внешность произвели впечатление на нубийцев. Но тут вмешался старый воин:

— Ты убил нашего вождя.

— Я был сильнее его. Закон пустыни не щадит слабых.

— Мы сами должны назначить нового предводителя.

— Я поведу вас в затерянный город, — сказал Сути. — Мы уничтожим каждого, кто встанет у нас на пути. Ты не имеешь права скрывать эту тайну от других. Завтра наш клан станет самым уважаемым в Нубии.

— Наш вождь ходил в тот город один, — возразил старый воин.

— Мы пойдем вместе, и у вас будет золото.

Сторонники и противники Сути стали совещаться. Авторитет старейшего был настолько велик, что поражение египтянина казалось очевидным. Тогда Сути схватил Пантеру и грубым жестом сорвал с нее одежду. Пламя костра осветило ее белоснежную наготу.

— Видите, она не восстает против меня! Только я могу быть ее любовником. Если вы не согласитесь, чтобы я стал вождем, она вызовет новую песчаную бурю, и вы все умрете.

Судьба Сути была в руках ливийки. Если она его оттолкнет, нубийцы поймут, что он хвастался, и растерзают его. Не опьянило ли ее, возведенную в ранг богини, тщеславие?

Девушка высвободилась из рук Сути. Черные воины наставили на него свои стрелы и кинжалы.

Напрасно Сути доверился ливийке. По крайней мере, он погибнет, любуясь ее восхитительным телом.

С гибкостью львицы она прилегла у огня и протянула к нему руки.

— Иди ко мне, — с улыбкой сказала Пантера.

Пазаир в ужасе проснулся. Ему приснилось стоглавое чудовище с множеством когтистых лап, которые опутывали камни великой пирамиды, стараясь ее перевернуть. Вместо живота у чудовища было человеческое лицо — лицо Бел-Трана. В поту, несмотря на февральскую прохладу, визирь сел на кровати. Постель Нефret оказалась пуста.

Отодвинув сетку с мелкими ячейками, защищавшую от комаров, Пазаир поднялся, надел набедренную повязку и открыл окно, выходившее в сад. Мягкое зимнее солнце пробуждало деревья, цветы, птиц. Он увидел ее. Обернувшись в плотное покрывало, Нефret босиком шла по росе.

Она сливалась с зарей, восходившее солнце сияло над ее головой. Два сокола, взмывшие в небо с барки бога Ра, кружили над Нефret, пока та возлагала на жертвенник лотосы в память о Беранире.

Дождавшись окончания ритуала, Пазаир обнял жену:

— Ты — утренняя звезда на восходе счастливого дня, несравненная, лучистая; твои глаза так же нежны, как твои губы. Почему ты так прекрасна? Твои волосы вобрали свет богини Хатхор. Я люблю тебя, Нефret, как никто никогда не любил.

И в это утро, напоенное любовью, они соединились.

* * *

Стоя на носу судна, шедшего в сторону Карнака, Пазаир любовался своей страной, где с таким великолепием праздновалось единение солнца и воды. Крестьяне ухаживали за оросительными каналами — жизненными артериями Египта. Кроны пальм дарили щедрую тень людям, любовно склонившимся над черной плодородной землей. Завидев судно визиря, дети бежали вдоль берега. Они издавали радостные крики, с воодушевлением приветствуя визиря.

Павиан внимательно наблюдал за Пазаиром. Кем предложил визирю свежего лука.

— Ничего нового об убийце? — поинтересовался Пазаир.

— Ничего.

— А была ли реакция со стороны госпожи Тапени?

— Она встречалась с Бел-Траном.

— Новая союзница, — усмехнулся Пазаир.

— Ее нужно остерегаться. Она может принести много вреда.

— Еще один враг.

— Вас это пугает?

— Благодаря богам легкомыслie заменяет мне храбрость.

— Точнее сказать, у вас нет выбора.

— В лечебнице без происшествий?

— Ваша супруга может работать спокойно.

— Ей надлежит в кратчайшие сроки реорганизовать работу лечебниц по всей стране. Ее предшественник об этом почти не заботился, появились серьезные недостатки. Обязанности Нефret, как и мои, иногда очень тяжелы. Мы оказались к этому не готовы.

— А разве можно было предположить, что я стану во главе ведомства, которое отрезало мне нос? — усмехнулся Кем.

Дул сильный встречный ветер. Иногда приходилось грести веслами, не опуская прямоугольный высокий узкий парус. Капитан, привыкший ходить по Нилу в течение всего года, прекрасно знал все ловушки и умел использовать даже легкий бриз, чтобы как можно быстрее доставить до места знатных пассажиров. Форма судна с приподнятыми носом и кормой была разработана плотниками фараона, чтобы лучше скользить по волнам.

— Когда же убийца сделает следующий шаг?

— Не думайте об этом, Кем.

— Напротив, для меня это дело личной важности. Этот демон пятнает мою честь.

— У вас есть новости о Сути? — поинтересовался Пазаир.

— Приказ о приведении крепости в боевую готовность дошел до Чару. Солдаты окопались в крепости до поступления новых распоряжений.

— Удалось ли ему бежать?

— По официальным сообщениям, при перекличках отсутствовавших не было. Но я располагаю довольно странными сведениями. Один сорвиголова был прикован к скале посреди Нила, чтобы служить приманкой для нубийских головорезов.

— Это наверняка Сути.

— В таком случае надеяться особенно не на что.

— Он выберется из этой переделки, — твердо заявил Пазаир. — Сути выйдет из царства теней.

Мысли визиря сначала унеслись к духовному брату, затем обратились к восхитительному пейзажу Фив. Возделываемые полосы земли по обе стороны Нила были широки и богаты. Около семидесяти селений работали на огромный храм Карнака, более восьмидесяти тысяч жрецов, ремесленников, земледельцев служили ему. Ничто не могло сравниться с величием обители бога Амона, окруженной кирпичной стеной, изгибавшейся подобно волне.

На причале визиря ожидали встречающие. Обменявшиеся приветствиями, они предложили проводить Пазаира к Кани, его другу, бывшему садовнику, ныне возведенному в высший духовный сан жреца самого большого храма, являвшегося культурным центром Египта. Подойдя к центральному проходу огромного колонного зала, куда смели входить только посвященные в таинства, визирь попросил оставить его одного. Кем и павиан остались перед двойной золоченой дверью, открывавшейся только в дни великих праздников, когда барка Амона выплывала из святилища, чтобы залить землю своим светом.

Пазаир долго предавался размышлениям перед восхитительным изображением бога Тота, вытянутые руки которого служили мерным эталоном. Он читал надписи на колоннах, испещренных иероглифами, расшифровывая послания бога знания, призывающего своих учеников соблюдать пропорции, составляющие основу при зарождении всякой жизни. Именно эту гармонию должен был поддерживать визирь, чтобы Египет оставался зеркалом неба. Именно эту гармонию стремились нарушить заговорщики, дабы заменить ее холодным чудовищем, служащим обжорству и роскоши. Не относились ли Бел-Тран и его приспешники к новой расе, более страшной, чем самые жестокие захватчики?

Визирь покинул колонный зал и оказался в маленьком дворе под открытым небом, в центре которого возвышался гранитный алтарь — начало святилища, возведенного много лет назад. Священнейший из священных, он всегда был усыпан цветами. Зачем вырываться

из этого глубокого покоя, не подверженного течению времени?

— Я счастлив вновь видеть тебя, визирь Египта! — Кани с бритой головой и золоченым посохом в руке склонился перед Пазаиром.

— Это я должен приветствовать вас!

— Я должен воздать тебе почести: разве визирь — это не глаза и уши фараона?

— Да не угаснет острота зрения и слуха! — воскликнул Пазаир.

— Ты, кажется, чем-то озабочен? — осведомился Кани.

— Я пришел просить помощи у великого жреца Карнака.

— А я хотел умолять о помощи тебя.

— Что произошло?

— Боюсь, крупные неприятности. Я хотел бы показать тебе храм. Он только что восстановлен.

Кани и Пазаир прошли вдоль стены, где еще работали художники и резчики, и направились к небольшому святилищу богини Маат. Внутри скромного сооружения из песчаника стояли две каменные скамьи. Здесь восседал визирь, когда судил кого-нибудь из жрецов.

— Я простой человек, — сказал Кани. — Я не забыл, что править Карнаком должен был твой учитель Беранир.

— Беранир убит, фараон назначил вас.

— Возможно, он сделал неправильный выбор.

Никогда еще Пазаир не видел Кани таким подавленным. Он привык к капризам природы и сумел правильно поставить себя по отношению к подчиненным и другим жрецам, заслужив всеобщее уважение.

— Я не достоин своего поста, — продолжал Кани. — Но я не собираюсь уходить от ответственности. Вскоре я предстану именно здесь перед твоим судом, и ты меня осудишь.

— Слишком быстрый суд! Вы позволите мне провести расследование?

Кани сел на скамью:

— Тебе не потребуется затратить много усилий. Достаточно взглянуть на последние отчеты храмовых управителей. За несколько месяцев я почта разорил Карнак.

— Каким образом? — удивился Пазаир.

— Достаточно изучить поступления зерна, молока, фруктов... Каких бы продуктов это ни касалось, мое хозяйствование — это сплошной провал.

Пазаир был потрясен:

— Может, над вами неудачно подшутили?

— Нет, все доклады серьезны.

— Плохие погодные условия? — предположил визирь.

— Паводок был щедрым, да и насекомые не уничтожали урожай.

— Какова же причина бедствия?

— Моя некомпетентность. Я хотел заранее предупредить тебя, чтобы ты доложил царю.

— К чему торопиться?

— Правда скоро выйдет наружу. Как ты понимаешь теперь, моя помощь не принесет тебе никакого облегчения, завтра я буду лишь всеми презираемым стариком.

Визирь заперся в архиве карнакского храма и сравнил итоговый отчет Кани с отчетами его предшественников. Разница удручила. В то же время Пазаир был уверен, что кто-то решил погубить Кани и лишить его сана верховного жреца. Кто смог бы прийти ему на смену, если не сановник, враждебно настроенный к Рамсесу? Без поддержки Карнака невозможно контролировать Египет. Неужели Бел-Тран и его приспешники посмели обрушиться на кристально честного великого жреца? Ему предъявят упрек: Карнак, Луксор и храмы на западном берегу вскоре могут остаться без приношений. Культ будет отправляться плохо, и повсюду начнут склонять имя виновного — немощного Кани.

Отчаяние овладело Пазаиром. Он приехал, чтобы просить друга о помощи, но, видно, вынужден будет осудить его.

— Хватит корпеть над папирусами, — посоветовал Кем, — пошли на воздух.

Деревни, с которых они начали проверку, находились вблизи великого храма. Здесь текла мирная жизнь в вечном сезонном ритме. Опросы старост и сельских писцов не выявили ничего необычного. После трехдневного бесплодного расследования визирь утвердился в мысли, что нужно возвращаться в Мемфис и обрисовать ситуацию царю, прежде чем возбуждать процесс против Кани.

Сильный ветер затруднял возвращение, и, таким образом, возник еще один день для дополнительного расследования. На этот раз Пазаир и Кем в сопровождении Убийцы отправились в деревню, расположенную вдали от храма, на границе с пятым номом Верхнего Египта, столицей которого был Коптос. Там, как и повсюду, крестьяне занимались своими делами, а их жены следили за детьми, готовили еду, стирали белье. В тени сикоморы деревенский лекарь пользовал больного.

Вдруг павиан, насторожившись, поскреб землю, ноздри его задрожали.

— Он что-то почуял? — спросил Пазаир.

— Кажется, мы пришли сюда не напрасно, — заметил Кем.

Деревенский староста, отец пятерых детей, примерно пятидесяти лет, с большим животом, принадлежал к потомственной знати. Его тотчас предупредили о прибытии каких-то неизвестных. С сожалением он прервал послеобеденный отдых и в сопровождении носильщика опахала, прикрывавшего его лысый череп от солнечных лучей, отправился к нежданным гостям.

Встретившись взглядом с огромным павианом с красными глазами, он остановился как вкопанный.

— Приветствую вас, друзья мои.

— Мы также, — ответил Кем.

— Обезьяна ручная?

— Это охранник.

— А вы?

— Я — Кем, начальник стражи, а это — визирь Египта Пазаир.

В изумлении староста подобрал живот и сложился чуть ли не вдвое, в знак великого почтения.

— Какая честь, какая честь! — тараторил он. — В такой скромной деревне принимать визира... Какая честь! — Толстяк изливал поток приторных славословий, но павиан заворчал, и тот осекся: — Вы уверены, что держите его крепко?

— Да, кроме случаев, когда он чует нарушителя.

— К счастью, в нашей маленькой общине таких нет.

Признаться, Кем, рослый нубиец с грубым голосом, наводил не меньше страха, чем его обезьяна. Староста был наслышан о странном начальнике стражи, мало занимавшимся административными делами и бывшего настолько близко к народу, что редкому преступнику удавалось долго скрываться от него. Видеть его здесь, у себя в деревне, было неприятной неожиданностью. Еще и визирь! Слишком молод, слишком серьезен, слишком въедлив... Природное благородство Пазаира, его прозорливость, холодность его поведения не предвещали ничего хорошего.

— Позвольте мне выразить свое удивление: такие знаменитые люди — и в такой далекой деревне!

— Твои поля раскинулись, насколько хватает глаз, — отметил Кем, — и орошаются они прекрасно.

— Не доверяйте внешнему виду: в этом районе земля трудна для возделывания. Мои бедные работники надрываются на ней.

— Однако прошлым летом разлив был превосходным.

— Нам не повезло. Здесь он был слишком сильным, а наши ирригационные сооружения оказались в плохом состоянии.

— Говорят, собрали превосходный урожай.

— Ошибаетесь, значительно ниже, чем в прошлом году.

— А виноградники?

— Полное разочарование! Тучи насекомых погрызли листья и гроздья винограда.

— Другие деревни не подверглись этим несчастьям, — заметил Пазаир. В голосе визиря звучало тяжёлое недоверие.

Староста не ожидал такого угрожающего тона.

— Возможно, прочие старосты хвастались, а может быть, моя бедная деревня прогневила богов.

— Как скот?

— Много животных погибло от болезней. Приехал лекарь, но слишком поздно. Это место находится на отшибе И...

— Дорога в прекрасном состоянии, — уверенно перебил Кем. — Люди, назначенные из Карнака, заботливо ухаживают за ней.

— Несмотря на наши скучные средства, для меня великая честь пригласить вас к обеду, — решил сменить тему староста. — Прошу простить незатейливость блюд, но в них все мое сердце.

Никто не смеет нарушить законы гостеприимства. Кем от имени визиря выразил согласие. Староста послал слугу предупредить повариху, Пазаир заметил, что деревня процветала: многие дома были недавно побелены, шкуры коров и ослов, имевших откормленный вид, блестели, дети ходили в новых одеждах. Переулки, содержавшиеся в приятной чистоте, были украшены статуями богов. На главной площади, напротив дома управляющего, стояли прекрасная печь для хлеба и большой новехонький амбар.

— Поздравляю, вы хорошо управляете деревней, — заявил Пазаир. — Ваши односельчане не испытывают ни в чем недостатка. Это самая красивая деревня из всех, какие мне приходилось видеть.

— Слишком много чести, слишком много! Входите, прошу вас.

Дом старосты по своим размерам; числу комнат и украшениям больше подходил бы вельможе из Мемфиса. Пятеро детей приветствовали знатных гостей. Жена старосты склонила голову, положив правую руку на грудь. Она успела подкраситься и надеть нарядное платье.

Гости сели на превосходные циновки и отведали сладкого лука, огурцов, бобов, сущеной рыбы, жареного говяжьего бока, козьего сыра, арбуза и пирожных, залитых соком плодов цератонии. Красное вино с нежным ароматом сопровождало блюда. Аппетит старосты казался неутолимым.

— Ваш прием достоин всяческих похвал! — оценил визирь.

— Сколько чести!

— Не могли бы мы увидеть сельского писца?

— Он сейчас у себя дома, это к северу от Мемфиса. Вернется только через неделю.

— Но его записи должны быть доступны.

— К сожалению, нет. Он запер свою комнату, и я не позволил бы себе...

— Конечно же да, — перебил его Пазаир.

— Вы, разумеется, визирь, но не будет ли это... — Староста смолк, боясь сказать что-нибудь лишнее. — Дорога к Фивам долгая, солнце садится быстро в это время года; изучение этих скучных документов может вас задержать.

Прожевав жареную говядину. Убийца хрустнул костью. От этого зловещего звука староста подскочил.

— Где архивы? — настаивал Пазаир.

— Ну, я даже не знаю. Наверное, писец унес их с собой.

Павиан поднялся. На задних лапах он походил на рослого бойца. Красные глаза Убийцы уставились на толстобрюхого старосту.

— Прошу вас, привяжите его! — дрожа от страха, пробормотал хозяин.

— Архивы, — приказал Кем, — или я не отвечаю за реакцию моего помощника.

Жена старосты бросилась на колени перед мужем.

— Скажи им правду, — взмолилась она.

— У меня... Документы у меня. Сейчас я их принесу.

— Мы с Убийцей пойдем с вами. Поможем донести.

Ожидание визиря было недолгим. Староста сам развернул перед ним папирусы.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Наблюдения были сделаны вовремя. Это самые обычные отчеты.

— Дайте мне спокойно прочитать их, — потребовал визирь.

Староста в волнении отошел. Его жена вышла из комнаты.

Сельский писец скрупулезно записал подсчеты поголовья скота и мешков с зерном. Он упомянул имена хозяев, клички животных, их вес, состояние здоровья. Не менее подробными оказались записи об огородах и фруктовых деревьях. Общие выводы писец выделил красным цветом. Итоговые результаты везде были превосходными, выше средних.

В замешательстве визирь сделал простой подсчет. Площадь сельскохозяйственных угодий была такой, что их богатые урожаи почти покрывали дефицит, в котором мог быть обвинен Кани. Почему же они не отражались в его отчетах?

— Я придаю самое большое значение уважению личности другого, — произнес Пазаир.

Староста кивнул головой.

— Но если тот другой упорствует в сокрытии правды, он более не достоин уважения. Не ваш ли это случай? — продолжал визирь.

— Я вам все сказал!

— Я ненавижу грубые методы, но при некоторых обстоятельствах, когда дело не терпит отлагательства, не следует ли судье применить насилие?

Убийца, будто прочитав мысли визиря, вскочил на плечи старосты и заломил ему голову назад.

— Заберите его, он сломает мне шею! — в ужасе закричал староста.

— Где остальные документы? — спокойно спросил Кем.

— У меня больше ничего нет, ничего нет!

Кем обернулся к Пазаиру:

— Предлагаю вам прогуляться, а Убийца пока продолжит допрос.

— Не оставляйте меня!

— Остальные документы! — повторил Кем.

— Пусть сначала ваша обезьяна уберет свои лапы!

Павиан отпустил старосту. Тот потер шею и воскликнул:

— Вы ведете себя как дикари! Я не принимаю такого самоуправства. Я осуждаю эту безобразное насилие, эту пытку должностного лица!

— Я обвиняю вас в сокрытии административных документов.

От этой угрозы староста побледнел.

— Я отдаю вам остальные документы, но требую, чтобы вы признали мою невиновность.

— Какой проступок вы совершили?

— Я действовал в интересах общего блага.

Из посудного сундука староста извлек опечатанный папирус. Выражение его лица

изменилось. Страх исчез, появилась злоба.

— Давайте, смотрите! — выкрикнул он.

Из текста следовало, что достояние деревни передавалось Коптосу. Сельский писец поставил на документе свою подпись и дату.

— Эта деревня входит во владения Карнака, — напомнил визирь.

— Вы плохо осведомлены, визирь Египта.

— Ваш населенный пункт значится в списках угодий великого жреца.

— Старый Кани так же плохо осведомлен, как и вы. Реальное положение вещей отражает не его список, а кадастр. Найдите его в Фивах и загляните туда. Вы заметите, что моя деревня попадает под экономическое управление Коптоса, а не храма в Карнаке. И свидетельством тому являются межи. Я подаю на вас жалобу за побои и умышленныеувечья. Мое обвинение вызовет судебный процесс против вас, визирь Пазаир.

Стражника кадастровой службы в Фивах внезапно разбудил непривычный шум. Сначала он подумал, что это дурной сон, затем понял, что стучат в дверь.

- Кто там?
- Начальник стражи и визирь Египта.
- Я не люблю шуток, особенно среди ночи. Идите своей дорогой, или будет худо.
- Будет лучше, если ты сейчас же откроешь.
- Валите отсюда поскорее, пока я не вызвал охрану!
- Вызывай, они помогут нам выломать дверь.

Стражник задумался. Он выглянул в окно, забранное решеткой из камня, и при свете полной луны различил фигуры высокого нубийца и его огромного павиана. Кем со своей обезьянкой! Молва о них шла по всему Египту.

Он отодвинул засов:

- Извините меня, но все это так неожиданно...
- Зажги светильники. Визирь желает изучить карты, — заявил Кем.
- Следует предупредить начальника.
- Пусть придет.

Возмущение высокопоставленного чиновника с заспанным лицом рассеялось при виде визиря. Выходит, стражник говорил правду. Первый сановник страны в самом деле находился здесь в столь неожиданный час. Сразу став исключительно внимательным, он предложил свою помощь визирю:

- Что именно вы желаете посмотреть?
- Планы владений храма в Карнаке.
- Но... их огромное количество!
- Начнем с самых удаленных деревень.
- К северу или к югу?
- К северу.
- Маленькие или большие?
- Самые крупные.

Чиновник развернул карты, на которых с поразительной точностью были отмечены границы угодий, каналы, населенные пункты. Но деревни, которую только что посетил визирь, здесь не значилось.

- Эти планы отражают сегодняшнее положение?
- Разумеется.
- Не вносили ли в них недавно изменения?
- Вносили, по просьбе трех старост.
- На каком основании?

— Воды унесли пограничные метки. Потребовались новые землемерные работы. Специалист выполнил их, и мои службы внесли исправления в соответствии с его указаниями.

- Он отрезал кусок от владений Карнака! — воскликнул визирь.
- Кадастровая служба тут ни при чем, наше дело — лишь записывать.
- И вероятно, вы забыли сообщить об этом великому жрецу Кани?

Чиновник отошел в тень, чтобы скрыть выражение лица.

— Я собирался направить ему полный доклад, — пробормотал он.

— Прискорбное опоздание.

— Это из-за нехватки людей и...

— Имя землемера?

— Сумену.

— Его адрес?

Начальник кадастровой службы замялся, затем произнес:

— Он не здешний.

— Не из Фив?

— Нет, из Мемфиса.

— Кто его присыпал?

— Конечно же царский дворец!

* * *

Дорога, ведущая к храму в Карнаке, была усажена розовыми и, белыми лаврами, радовавшими взор путников и оттенявшими суровость монументальных стен, скрывавших святилище. Великий жрец Кани согласился выйти из своего заточения, чтобы побеседовать с Пазаиром. Двое людей, самых могущественных в Египте после фараона, медленно шли мимо охранявших храм сфинксов.

— Мое расследование продвигается вперед, — сказал визирь.

— Что оно даст?

— Доказательство того, что вы невиновны.

— Но это не так!

— Вас обманули.

— Я сам обманул себя, переоценив свои возможности.

— Ошибаетесь. Три самых удаленных от храма селения поставляли свою продукцию в Коптос. Вот почему ее не хватало в ваших отчетах.

— Они относятся к Карнаку?

— Кадастр был изменен после нынешнего половодья.

— Без согласования со мной? — удивился Кани.

— Это сделал землемер из Мемфиса.

— Невероятно!

— Я только что послал гонца в Мемфис с приказом доставить сюда ответственного за межевание. Некоего Сумену.

— А что делать, если Рамсес сам отобрал у меня эти селения?

* * *

Думать, сидя на берегу священного озера, участвовать в утренних, полуденных и вечерних службах, помогать звездочетам на вершине храма, читать древние заклинания и мудрые слова людей, ушедших в иной мир, беседовать с самыми достойными, живущими за

стенами храма бога Амона, — вот чем будет занят Пазаир, уйдя в отставку. Он побывал в светлой вечности, высеченной в камне, услышал голоса богов и фараонов, украшавших храм от династии к династии, и проникся бесконечностью мироздания. Несколько раз он замирал перед статуей учителя Беранира, которого скульптор изобразил в образе писца преклонных лет, разворачивающего на коленях папирус, на котором начертан гимн бытию.

Как только Кем доставил требовавшиеся сведения, визирь тотчас направился в службу кадастра. Начальник не скрывал удовольствия: еще раз удостоиться чести принимать верховного сановника придавало его персоне значимость, о которой он не мог и мечтать.

— Напомните мне имя землемера из Мемфиса, — потребовал Пазаир.

— Сумену.

— Вы в этом уверены?

— Да, он так себя назвал.

— Я проверил.

— В этом не было необходимости, — робко произнес чиновник, — ведь все в порядке.

— С той поры когда я был всего лишь провинциальным судьей, я сохранил привычку все проверять. Это занимает много времени, но порой не напрасно. Сумену, вы говорите?

— Я мог ошибиться, но...

— Землемер Сумену, приписанный к царскому двору, умер два года назад. Вы его подменили.

Губы чиновника приоткрылись, но он был не в силах выдавить из себя и звука.

— Изменить кадастр — это преступление, — продолжал Пазаир. — Может быть, вы забыли, что передача земель и селений под чье-либо управление — это право визиря? Тот, кто вас подкупил, понадеялся на неопытность великого жреца Карнака и на мою. Он ошибся.

— Вы заблуждаетесь.

— Очень скоро мы это проверим. Я немедленно обращусь к свидетельству слепого.

* * *

Глава фиванских слепцов был внушительным человеком с широким лбом и тяжелой челюстью. После разлива, когда вода уносила пограничные вехи и стирала обозначения границ владений, в спорных случаях чиновники обращались именно к нему и его собратьям. Глава обладал памятью земли. Он пешком обходил поля и сады, и его ноги помнили их истинные размеры.

Сидя под виноградником, слепой наслаждался сушеными финиками, когда вдруг услышал шаги.

— Вас трое, — определил слепой. — Один — гигант, другой — среднего роста, с вами павиан. Не начальник ли это стражи со своим знаменитым помощником Убийцей? А третий, может, это...

— Визирь Пазаир.

— Следовательно, дело государственной важности. Какие земли намеревались украдь? Впрочем, ничего не говорите! Мой вердикт должен быть абсолютно объективным. О каком участке идет речь?

— Богатые селения к северу, на границе с землями Коптоса.

— Торговцы часто жалуются на этот участок: черви портят урожай, бегемоты вытаптывают поля, мыши, голуби и воробы доедают все, что остается! Подлые лжецы. Их земли превосходны, и год был удачным.

— Кто специалист по этим землям?

— Я. Я там родился и вырос. Границы владений не менялись вот уже двадцать лет. Я не предлагаю вам ни фиников, ни пива: полагаю, вы спешите...

Слепой держал в руке посох, навершие которого было выполнено в форме головы зверя с острой мордой и длинными ушами^[13]. Рядом землемер по его указаниям натягивал шнур.

Слепой не выказал ни малейшего сомнения. Он с большой точностью указывал все четыре угла каждого поля. Находил межевые вехи и статуи богов, в частности кобры — хранительницы урожая, а также места установки стел, отмечающих земли, подаренные царем и ограничивающие владения Карнака. Писцы делали записи и зарисовки, вели учет.

По окончании освидетельствования никаких сомнений не оставалось: кадастр изменили ошибочно и приписали Коптосу богатые земли, принадлежавшие Карнаку.

* * *

— «Только визирь имеет полномочия определять границы каждой провинции, следить за пожертвованиями и призывать к своему суду всякого, кто в нарушение закона завладеет землей». Разве не такой приказ отдал фараон мне, своему визирю, во время возведения в должность?

Глава провинции, пятидесятилетний мужчина, выходец из богатой и знатной семьи, побледнел.

— Отвечайте! — приказал Пазаир. — Вы же присутствовали на этой церемонии.

— Да... царь произнес эти слова.

— Почему вы приняли богатства, которые вам не принадлежали?

— Кадастр был изменен...

— Фальшивый кадастр, — уточнил визирь, — без моей печати и печати великого жреца Карнака! Вам следовало поставить в известность меня. На что вы рассчитывали? Что месяцы быстро пролетят, Кани уйдет в отставку, я буду отстранен от должности, а мое место займет один из ваших сообщников?

— Я не позволю вам обвинять...

— Вы оказали пособничество заговорщикам и убийцам, — перебил его Пазаир. — Бел-Тран оказался достаточно изворотлив, чтобы между вами и Двойным Белым домом нельзя было установить непосредственную связь, поэтому я не смогу доказать, что вы действовали с ним заодно. Но мне достаточно совершенного вами должностного преступления. Вы недостойны управлять провинцией. Считайте вашу отставку от должности окончательной.

* * *

Визирь провел суд в Фивах перед главными воротами храма Карнака, где соорудили деревянную пристройку. Несмотря на советы Кема, руководствовавшегося интересами безопасности, Пазаир отказался слушать дело при закрытых дверях, о чем его просили и

обвиняемые. Огромная толпа собралась вокруг суда.

Визирь, перечислив главные эпизоды дела, зачитывал обвинительные заключения. Один за другим выступали свидетели. Секретари записывали показания. Суд, в составе двух жрецов Карнака, главы города Фив, жены одного из вельмож, акушерки и старшего военачальника, вынес приговор, который Пазаир признал соответствующим духу и букве Закона.

Глава провинции, снятый с должности, был приговорен к пятнадцати годам тюрьмы и к выплате огромной суммы возмещения убытков храму. Троє старост деревень, обвиненных во лжи и в присвоении продуктов, превратились в батраков, а их собственность раздали беднякам. Начальника службы кадастра в Фивах приговорили в десяти годам каторжных работ.

Визирь не требовал ужесточения наказания. Никто из обвиненных не опротестовывал приговор.

Еще одна из сетей Бел-Трана была уничтожена.

— Взгляни на небо пустыни, — обратился к Сути старый воин. — Именно там зарождаются драгоценные камни. Небо дарит миру звезды, а звезды рождают металлы. Если ты умеешь с ними разговаривать, если тебе удастся расслышать их голоса, ты познаешь тайну золота и серебра.

— А ты знаешь их язык?

— Я был пастухом, пока не вступил вместе с кланом на дорогу в никуда. Мои дети и жена умерли в год великой засухи. Поэтому я оставил деревню и направил свои стопы в будущее без лица. Зачем искать берег, с которого никто не возвращается?

— Потерянный город — это не сон?

— Наш бывший вождь ходил туда несколько раз и приносил золото. Такова правда.

— Мы идем правильным путем?

— Если ты воин, ты сам знаешь.

Старик твердым шагом шел впереди отряда. В этом жестоком и пустынном районе на протяжении многих часов не встретишь даже антилопу. Сути шагал рядом с Пантерой, возлежавшей на импровизированных носилках, которые несли шестеро нубийцев, преисполненные счастья от того, что на их руках шествовала золотая богиня.

— Опустите меня, я хочу пройтись, — заявила «богиня».

Воины подчинились и запели песню, обещавшую врагам, что их разорвут в мелкие клочья и поглотят их магическую силу.

Пантера выглядела недовольной.

— Что ты злишься? — поинтересовался Сути.

— Это глупая затея.

— Разве ты не желала стать богатой?

— Мы знаем, где наше золото, зачем идти за миражом, рискуя умереть от жажды?

— Нубиец не умрет от жажды, и я не бегу за миражом. Этих обещаний тебе достаточно?

— Клянись, что мы пойдем искать наше золото там, где мы его оставили.

— Отчего столько упрямства?

— Ты чуть не погиб из-за этого золота, я тебя спасла. Чтобы завладеть богатством, ты убил полководца-предателя. Хватит испытывать судьбу!

Египтянин улыбнулся. У Пантеры имелось свое представление о тех событиях. Сути не стремился завладеть золотом. Настигнув пустившегося в бегство лжесвидетеля и убийцу, пытавшегося уйти от суда визиря, он лишь применил закон пустыни. То, что богатство досталось ему, — лишь свидетельство справедливости его поступка.

— Представь себе, — мечтательно произнес Сути, — потерянный город полон золота, и мы...

— Мне плевать на твои безумные планы! — перебила его Пантера. — Поклянись, что мы вернемся в пещеру.

— Даю слово.

Белокурая богиня довольно улыбнулась и поднялась на носилки...

Тропинка обрывалась у подножия горы, склон которой был усыпан черными камнями. Ветер выметал пустыню: ни сокола, ни ястреба в удручающем небе.

Старый воин сел. Нубийцы последовали его примеру.

— Дальше мы не пойдем, — заявил Сути старый воин.
— Чего вы испугались?
— Наш вождь разговаривал со звездами, мы — нет. За этой горой нет ни одного источника воды. Тот, кто бросал вызов потерянному городу, погибал, поглощенный песками.
— Но не ваш вождь!
— Его вели звезды. Но его секрет утрачен. Мы дальше не пойдем.
— Разве ты не искал смерти?
— Не такой.
— Вождь не передал тебе никаких сведений?
— Вождь не болтает, он действует.
— Сколько времени он был в походе?
— Луна поднималась три раза.
— Меня защитит золотая богиня.
— Она останется с нами, — твердо сказал старый воин.
— Ты что, пойдешь против моей власти? — удивился Сути.

— Если ты хочешь сгинуть в пустыне — твоя воля. Мы останемся здесь до пятого восхода луны, потом мы вернемся в оазис.

Сути направился к ливийке, обворожительной, как никогда. Ветер и солнце сделали ее кожу янтарное, позолотили волосы, подчеркнув дикость и непокорность характера.

— Я ухожу, Пантера.
— Твой город не существует.
— Он полон золота. Я иду не к смерти, а к другой жизни, к той, о которой мечтал взаперти в школе писцов в Мемфисе. Этот город не только существует, он будет принадлежать нам.
— Мне хватит нашего золота, — ответила Пантера.
— Я вижу больше, гораздо больше! Представь себе, что душа нубийского вождя, которого я убил, вселилась в меня и что она ведет меня к сказочному богатству... Какой безумец смог бы отказаться от такого приключения?
— Какой безумец решился бы пуститься в этот путь? — парировала ливийка.
— Поцелуй меня, золотая богиня. Ты принесешь мне удачу!
Их губы были горячи, как ветер с юга.
— Раз уж ты осмелился меня покинуть, — удачи тебе!

* * *

Сути захватил два бурдюка солоноватой воды, сущеной рыбы, лук, стрелы и кинжал. Он не лгал Пантере: душа Поверженного врага будто указывала ему путь. С вершины горы он созерцал величественный пейзаж. Ущелье с красноватой почвой, извиваясь между двумя отвесными скалами, вело к другой пустыне, широкой, как горизонт. Сути устремился туда, подобно пловцу, бросающемуся в волну. Он чувствовал зов неизвестной страны, сверкающими нитями притягивавшей «го к себе».

Сути без труда преодолел ущелье. Ни птиц, ни животных, ни рептилий — будто любое проявление жизни отсутствовало здесь. Утоляя жажду маленькими глотками, он остался отдохнуть в тени скалы до наступления ночи.

Как только появились звезды, Сути поднял глаза к небу, пытаясь расшифровать послание и мысленно проводя между ними линии. Вдруг падающая звезда прочертила небо и указала путь, который Сути запечател в памяти. Видимо, в этом направлении и следовало идти.

Даже будучи породненным с пустыней на уровне инстинктов, Сути ощущал, с какой тяжестью наваливалась на него жара; каждый шаг приносил страдания, но он продолжал идти за невидимой звездой. Жажда вынудила его осушить бурдюки. Сути упал на колени. Далеко, вне досягаемости, — красная гора. У него не было сил разведать скалы в поисках источника воды. Однако он не ошибался. Сути пожалел, что не рожден ориксом, способным скакать к солнцу, не чувствуя усталости.

Он поднялся, доказывая пустыне, что питался ее силой. Ноги сами шли вперед. Время тянулось мучительно медленно.

Снова упав, Сути вдруг почувствовал, что раздавил коленом глиняный черепок. Он недоверчиво поднял осколок глиняного сосуда.

Здесь жили люди. Возможно, лагерь кочевников. Сути пошел вперед, чувствуя под ногами хруст: повсюду валялись черепки горшков. Несмотря на усилившуюся тяжесть во всем теле, он вскарабкался на скалу, закрывавшую ему обзор, и увидел... потерянный город.

Наполовину разрушенный кирпичный сторожевой пост, дома с зияющими глазницами окон и дверей, готовый обрушиться храм без кровли... И красная гора, пронизанная галереями, цистерны для сбора дождевой воды, наклонные каменные столы для мытья золота, каменные хижины, где горняки хранили свои инструменты! И всюду красноватый песок.

Сути подбежал к цистерне, требуя от своих подгибающихся ног последнего усилия. Он взобрался на каменный борт цистерны и упал в нее. Вода была теплая, божественная, каждая пора кожи пропитывалась ею, пока не напилась досыта.

Утолив жажду и испытывая будоражащее опьянение, Сути исследовал поселение. Никаких останков костей — ни человеческих, ни животных. Все вдруг покинули городок,бросив огромную горную разработку. В каждом жилище — украшения, кубки, вазы, амулеты из литого золота и серебра. Одни лишь эти предметы уже составляли колоссальное богатство!

Сути решил все досконально обследовать. Он спустился в глубокую галерею, уходившую к центру горы. И на глаз, и на ощупь Сути определил множество золотоносных жил, которые можно было без особого труда разработать. Количество металла превосходило самые безумные ожидания. Он научит нубийцев добывать несметные богатства. Немного дисциплины — и из них получатся превосходные горняки.

В то утро, когда нубийское солнце окутывало красную гору волшебными лучами, Сути становился властелином мира. Доверенный пустыни, богатый, как царь, он обходил переулки золотого города, его города, пока не заметил стражи.

У входа в город сидел огромный лев и наблюдал за человеком. Одним ударом лапы он мог вспороть ему и грудь, и живот. В легендах утверждалось, что этот хищник никогда не смыкал глаз и никогда не спал. Если это правда, то как усыпить его бдительность?

Сути натянул лук. Лев поднялся. Не спеша, величественно он вошел в разрушенный дом. Сути следовало бы уносить ноги, но любопытство взяло верх. Готовый выпустить стрелу он последовал за львом.

Животное исчезло. В полумраке сверкали слитки золота. Брошенный запас, богатство,

подаренное ему духом этого места, появившимся в виде льва и вновь ставшим невидимым.

* * *

Пантера была поражена. Сколько чудесных вещей, какое богатство... Сути победил. Золотой город принадлежал ему. Пока она разбирала сокровища, ее возлюбленный руководил командой нубийцев, ловко извлекавших металлы из породы. Они рубили кварц молотками и кирками, крошили скалу, затем мыли породу, отделяя от нее металл: ярко-желтый, темно-желтый, красноватый. Нубийское золото облачалось в восхитительные цвета. В нескольких галереях добывали белое золото. Оно по праву заслужило имя светящегося камня, способного дать свет во мраке, и ценилось не менее обычного золота. Согласно обычаю, нубийцы хранили его в виде самородков или колец.

Сути зашел к Пантере в старый храм, стены которого могли в любой момент рухнуть. Впрочем, это нисколько не беспокоило ливийку, примерявшую ожерелья, серьги и браслеты.

— Мы останемся здесь, — уверенно заявил он. — Ты можешь вообразить себе золотые ворота, серебряный пол, статуи из драгоценных камней?

— Я здесь не останусь. Это место проклято, Сути. Оно изгнало своих жителей.

— Меня не пугает проклятие.

— Не испытывай судьбу.

— Что ты предлагаешь?

— Заберем столько, сколько сможем, найдем наше золото и устроимся в тихом местечке.

— Тебе там быстро наскучит.

Пантера обиженно надула губки. Сути понял, что задел ее за живое, и продолжил:

— Ты мечтаешь о царстве, а не о деревенской жизни. Разве ты не хотела стать знатной дамой, правящей армией служанок?

Она отвернулась.

— Где носить такие ожерелья, если не во дворце перед толпой восхищенных и завистливых придворных? — Сути погладил ее руку необычайно гладким золотым самородком, затем прикоснулся к шее.

— Как приятно... Еще.

Он провел по груди, затем по спине, прежде чем опустился ниже.

— Я не превращусь в золото? — выдохнула Пантера.

Ее тело изгибалось от ласк Сути. От контакта с драгоценным металлом, этой плоти богов, к которой могли прикоснуться лишь немногие из смертных, не превращалась ли она на самом деле в золотую богиню, почитаемую нубийцами?

Сути коснулся самородком каждой частицы тела женщины. Золото походило на масляный бальзам и вызывало сладкую истому. Пантера блаженно вытянулась на полу заброшенного храма. Сути накрыл ее своим телом.

— Пока Тапени жива, ты не сможешь быть моим, — тихо сказала Пантера.

— Забудь о ней.

— Я ее испеплю!

— Пристало ли будущей царице опускаться до таких низостей?

— Ты стал бы ее защищать?

— Тапени более расчетлива, чем я.
— Ты пойдешь войной на Египет рядом со мной? — спросила Пантера.
— Я ведь могу тебя удушить.
— Нубийцы разорвут тебя в клочья.
— Я их вождь.
— А я — их богиня! Египет выбросил тебя. Пазаир тебя предал. Давай мстить!

Вдруг Сути вскрикнул от боли и повалился на бок. Пантера увидела причину: черный скорпион спрятался под камнем, укусив Сути в левую ладонь.

Сути впился зубами в свою руку, стараясь высосать и выплюнуть яд.
— Ты будешь самой богатой незаконной вдовой, — усмехнулся он.

Пазаир прижал к себе Нефрет. От ее нежности исчезла усталость после дороги, и вновь появилось желание бороться. Он рассказал ей, как спас Кани и помешал осуществлению одного из планов Бел-Трана. Нефрет, несмотря на радость, показалась ему озабоченной.

— Известия из крепости Чару, — сообщила она.

— Сути!

— Исчез.

— При каких обстоятельствах?

— В донесении начальника крепости сказано, что он сбежал; а поскольку гарнизон получил приказ укрыться внутри крепости, ни один патруль не отправился на его поиски.

Пазаир посмотрел в небо.

— Он вернется, Нефрет, и поможет нам. Но почему у тебя такая тревога в глазах?

— Просто усталость.

— Говори, пожалуйста, не храни на сердце этот груз.

— Бел-Тран начал кампанию, чтобы опорочить тебя. Он обедает с высшими должностными лицами, высокопоставленными чиновниками и начальниками провинций, а Силкет расточает улыбки и помалкивает. Твоя неопытность и плохо контролируемый пыл, твои якобы необоснованные требования, некомпетентность и недостаточные знания всех тонкостей иерархии, твое непонимание реалий сегодняшнего дня и привязанность к устаревшим ценностям — это излюбленные темы его разговоров. Он вредит тебе постоянно, день за днем.

— Не беспокойся из-за этого.

— Я не выношу клеветы в твой адрес.

— Это скорее хороший знак. Ведь если Бел-Тран так действует, значит, он еще сомневается в удачном исходе. Мои недавние удары, похоже, оказались болезненнее, чем я предполагал. Честно говоря, реакция интересная, пожалуй, стоит продолжить.

— Начальник царских писцов спрашивал тебя несколько раз.

— По какому поводу?

— Он будет разговаривать только с тобой.

— Другие важные посетители?

— Управитель земельных угодий и начальник тайной службы. Они тоже хотели видеть тебя и сетовали на твое отсутствие.

Все трое мужчин входили в число «девяти друзей» фараона. Самые влиятельные люди царства, привыкшие создавать и разрушать карьеры и репутации, с момента назначения Пазаира появлялись у него впервые.

— А не пригласить ли их на обед? — предложил визирь.

* * *

Начальник царских писцов, управитель земельных угодий и начальник тайной службы чем-то походили друг на друга: все зрелого возраста, степенные, важные, говорившие низким спокойным голосом. Они прошли по всем ступеням государственной иерархии,

полностью оправдывая доверие царя. В париках и льняных накидках, надетых поверх платьев с длинными плиссированными рукавами, они подошли к воротам усадьбы визиря. У входа Кем проверил личности пришедших.

Встретив гостей, Нефret провела их по саду. Сановники любовались водоемом, виноградником, растениями редких пород, привезенными из Азии, цветочными клумбами. Завершив эту светскую церемонию, Нефret провела их в зимнюю столовую, где ее муж беседовал с бывшим визирем Баги. Пришедшие сановники были удивлены, увидев его. Нефret удалилась.

— Нам хотелось бы побеседовать с вами наедине, — заявил начальник царских писцов.

— Полагаю, что ваш приход связан с тем, как я исполняю свои обязанности. Почему бы моему предшественнику не помочь мне в этом испытании? Его советы могут оказаться весьма ценными.

Баги держался холодно и отчужденно; немного ссугулившись, он пристально и сурово смотрел на вошедших. Затем сказал:

— Еще вчера мы работали вместе, а сегодня вы видите во мне чужого?

— Разумеется, нет, — ответил управитель земельных угодий.

— В таком случае, — заключил Пазаир, — вопрос исчерпан. Мы обедаем впятером.

Гости расположились в изогнутых креслах. Перед каждым поставили низкий столик, на который слуги принесли подносы с яствами. Повар приготовил сочные куски говядины, запеченные в глиняном горшочке, и птицу, жаренную на вертеле. Рядом со свежеиспеченным хлебом появилось сливочное масло, с пажитником и тмином, сделанное без воды и соли и хранившееся в холодных погребах, чтобы оно не желтело. К мясу подали горошек и кабачки в соусе.

Виночерпий наполнил кубки красным вином из Дельты, поставил кувшин на деревянную подставку и вышел, прикрыв за собой дверь.

— Мы пришли от имени представителей высшей государственной власти страны, — заговорил начальник тайной службы.

— Кроме фараона и меня, — вставил Пазаир.

— Такого рода поправки представляются мне бесполезными, — обиделся сановник.

— Подобный тон крайне неприятен, — заметил ему Баги. — Какими бы ни были ваш возраст и положение, вы обязаны уважать визира, назначенного фараоном.

— Наша совесть не позволяет нам воздерживаться от справедливых критических замечаний в адрес визиря.

Баги, возмущенный, поднялся:

— Я не приемлю такого подхода!

— Он ни неучтив, ни противозаконен, — парировал сановник.

— Я придерживаюсь иного мнения. Ваш долг — служить визиру и подчиняться ему.

— Но не тогда, когда его действия препятствуют благополучию Египта.

— Не желаю больше слышать ни слова. Обедайте без меня. — И Баги удалился из столовой.

Пораженный силой натиска и жестким отпором бывшего визиря, Пазаир почувствовал себя очень одиноким. Мясо и овощи остывли, дорогое вино осталось нетронутым.

— Мы имели длительную беседу с распорядителем Государственной казны, — признался управитель земельных угодий. — Его обеспокоенность не лишена оснований.

— Почему Бел-Тран не пришел с вами?

— Мы не сказали ему о наших намерениях. Он человек молодой, горячий, и мы побоялись, что ему не хватит сдержанности в таком серьезном деле. Молодость способна и вас увлечь в бездну, если, конечно, разум не восторжествует.

— Вы занимаете важные посты, где пустые речи неуместны. Поскольку мое время также ценно, как и ваше, я буду вам очень обязан, если вы будете говорить по существу.

— Вот прекрасное доказательство вашего неправильного поведения, — усмехнулся сановник. — Управление Египтом требует большей гибкости.

— Правит фараон, я же стою на страже Маат.

— Повседневная жизнь иногда далека от идеала.

— Из-за таких вот мыслей, — заметил Пазаир, — Египту грозит скорая гибель.

— Вам не хватает опыта, поэтому вы слепо верите в устаревшие пустые идеалы, — рассудил управитель земельных угодий.

— Я так не считаю.

— Не руководствуясь ли идеалом, вы осудили главу провинции Коптоса, выходца из знатной иуважаемой семьи?

— Закон был применен невзирая на его положение.

— Не собираетесь ли вы сместь таким образом многих других уважаемых и знающих чиновников? — поднял брови сановник.

— Если они устроят заговор против своей страны, то будут задержаны и преданы суду, — отчеканил визирь.

— Вы путаете тяжкие преступления со служебной необходимостью.

— Подделка кадастра — это, по-вашему, не серьезный проступок?

— Мы ценим вашу законопослушность, — признал начальник царских писцов. — С начала карьеры вы доказали стремление к справедливости и приверженность истине. Никто и не думает с этим спорить. Народ уважает вас и восхищается вами, но достаточно ли этого, чтобы избежать катастрофы?

— В чем вы меня упрекаете?

— Возможно, ни в чем, если вы сумеете нас убедить.

Первый обмен ударами закончился; предстоял настоящий бой. Эти трое знали все о власти, иерархии и об устройстве общества. Если Бел-Трану уже удалось убедить их в своей правоте, у Пазаира практически нет шансов выиграть. Один, лишенный доверия, не окажется ли он хрупкой игрушкой?

— Мои службы, — заявил управитель земельных угодий, — составили список хозяев поместий, переписали поголовье скота, подсчитали урожай; мои подчиненные установили размер пошлин с учетом мнения земледельцев, но доход от налогов, полученных в результате этой огромной работы, будет слишком мал. Пошлины на фураж и крупный рогатый скот следовало бы удвоить.

— Я против.

— Ваши доводы?

— В тяжелые периоды увеличение налогов — худшее из решений. Мне кажется, что в первую очередь, нужно устранить несправедливость. У нас достаточно запасов продуктов, чтобы пережить несколько неурожайных лет.

— Внесите изменение в положение, дающее слишком большие преимущества жителям деревень. В случае неверного налогообложения у тех, кто живет в городе, имеется всего лишь три дня на обжалование, у жителей же провинций на это отведено три месяца.

— Я сам был жертвой этого закона, — вспомнил Пазаир. — Я увеличу сроки обжалования для горожан.

— Поднимите хотя бы налоги состоятельным людям!

— От самого крупного налогоплательщика Египта, правителя Элефантины, в казну поступает пошлина, стоимость которой равна четырем слиткам золота; от номарха среднего масштаба — тысяча хлебов, телята, быки, мед и мешки с зерном. Я не вижу необходимости требовать большего, ведь они содержат многочисленных слуг и заботятся о благосостоянии селений.

— Вы что же, собираетесь взяться за ремесленников?

— Разумеется, нет. Они и дальше будут освобождены от налогов, и я продлю запрет на изъятие их инструментов.

— Ну, может, вы согласитесь изменить налог на дрова? Следовало бы установить его во всех провинциях.

— Я внимательно изучил работу дровяных складов и то, как они распоряжаются кустарниками, пальмовым волокном и древесными отходами. В холодное время года дрова распределялись правильно. Зачем вносить изменения в работу бригад, если пополнение и расход запасов осуществляется без сбоев?

— Вы плохо владеете ситуацией, — высказал свое мнение начальник тайной службы. — Организация нашего налогообложения уже не соответствует требованиям времени. Производство должно быть увеличено. Его прибыльность...

— Слышу слова, дорогие сердцу Бел-Трана, — усмехнулся визирь.

— Он — распорядитель Государственной казны! Если вы в разладе с ним, каким образом вы собираетесь проводить последовательные действия? Прогоните его, и нас вместе с ним!

— Мы будем и дальше работать вместе, согласно традициям. Египет богат, Нил приносит нам изобилие, а залог процветания — наша каждодневная борьба с несправедливостью.

— Не застилает ли вам взор ваше прошлое? Интересы казны...

— В тот день, когда интересы казны возьмут верх над справедливостью, несчастье обрушится на эту землю, — перебил Пазаир.

— Нужно умалить роль храмов, — предложил начальник царских писцов.

— В чем вы упрекаете их?

— К ним поступают почти все продовольственные и прочие продукты, распределяемые среди населения по мере необходимости. Не лучше ли организовать более прямой путь?

— Это противоречило бы Закону и уничтожило бы Египет всего лишь через несколько лет. Храмы направляют нашу жизнь, жрецы, живущие в их стенах, не имеют иных забот, кроме сохранения гармонии. Благодаря храмам у нас есть связь с невидимым — с жизненными силами мироздания. Из их школ и мастерских выходят люди, творящие облик нашей страны на протяжении многих веков. Хотите ее обезглавить?

— Вы искажаете мои слова.

— Боюсь, что ваши мысли походят на кривую палку.

— Вы меня оскорбляете! — воскликнул сановник.

— А разве вы не отворачиваетесь от наших основополагающих ценностей?

— Пазаир, вы слишком упрямые!

— Если таково ваше мнение, не теряйтесь, требуйте мою голову у царя.

— Вы пользуетесь поддержкой Кани, верховного жреца Карнака. Рамсес доверяет его мнению. Но эта милость скоро закончится, как и ваша популярность. Уходите в отставку, Пазаир. Это будет наилучшим решением и для вас, и для Египта.

Главный садовник гелиопольского храма плакал. Пазаир дрожал от негодования. Как только Кем сообщил о случившемся, визирь тут же сам приехал на место.

— Расскажите мне обо всем, — попросил он садовника.

— Я сам лично следил за урожаем... Старейшие оливы Египта... Какая беда... Отчего такое варварство, отчего? — Главный садовник был не в состоянии разговаривать.

Пазаир оставил его, заверив, что не считает его виновным в происшедшем, и отправился с Кемом в кладовые храма Ра, где хранились запасы лучшего лампадного масла страны.

Пол был весь залит маслом. Не пощадили ни одного сосуда: все пробки были вынуты, а содержимое вылито на пол.

— Что показало ваше расследование?

— Работал один человек. Он проник в кладовые через крышу, — ответил нубиец.

— Тот же почек, что и в лечебнице, — заметил Пазаир.

— Человек, стремящийся вас убить, это определенно. Но к чему такое варварство?

— Величие и богатство храмов не дает покоя Бел-Трану. Уничтожив источники освещения, он замедлит работу писцов и жрецов. Разошлите приказ: пусть возьмут под охрану все запасы масла. Что же касается района Мемфиса, мы используем дворцовые ресурсы. Ни одна лампада не останется без масла.

Таков был ответ Бел-Трана на несговорчивость визиря.

* * *

Слуги вооружились метлами, а служанки — щетками из стеблей тростника, перехваченных широким кольцом. Все с рвением подметали дворы и полы. Стоял чудесный запах фимиама. Благовония очищали воздух большого дома, изгоняя насекомых и других непрошеных гостей.

— А где моя жена? — поинтересовался Пазаир.

— В амбаре, — ответил управляющий.

Нефret, стоя на коленях, засовывала в угол дольки чеснока, сушеную рыбу и натрон.

— Кто там спрятался?

— Возможно, змея. От этого средства она задохнется.

— Для чего такая большая уборка?

— Боюсь, как бы убийца не оставил других следов своего посещения.

— Вы что-нибудь нашли?

— Пока нет. Мы осмотрели все подозрительные места. Что сказал фараон?

Пазаир помог супруге подняться и ответил:

— Мнения советников вызвали у него удивление. Он убедился в том, что болезнь, поразившая страну, очень серьезна. Боюсь, что не смогу быть столь же умелым целителем, как ты.

— И что он ответит своим верноподданным?

— Их недовольство придется гасить мне.

— Они требовали твоей отставки? — с беспокойством спросила Нефret.

- Нет, скорее это было «дружеское» предложение.
- Бел-Тран продолжает злословить.
- У него есть свои слабости. Мы должны их обнаружить. — Пазаир чихнул.
- Кажется, мне понадобится лекарь.

Кости ломило, голова раскалывалась. Пазаир явно простудился. Он пил луковый сок, закапывал в нос сок пальмы, снимал заложенность ингаляциями и поглощал концентрированную настойку брионии, чтобы избежать легочных осложнений. Смельчак, счастливый от того, что хозяин остался дома, дремал возле его кровати.

Несмотря на жар, визирь изучал папирусы, которые приносил ему Кем, единственный, кто обеспечивал связь Пазаира с его подчиненными. Шли дни, и визирь все лучше вникал в тонкости своего дела. Во время болезни он с радостью убедился в том, что главные храмы от севера до юга не подвластны Бел-Трану. Они управляли своими огромными хозяйствами согласно учению древних и следили за распределением накопленных богатств. Благодаря Кани и другим великим жрецам, разделявшим взгляды верховного жреца Карнака, визирь сможет удержать на плаву государственный корабль, во всяком случае до того рокового дня, когда Рамсес вынужден будет отречься от трона.

Ингаляция сернистым мышьяком, который врачи называли: «то, что наполняет сердце радостью», принесла облегчение. Чтобы избавиться от кашля, Пазаир выпил отвар из корней алтеи и свежей горькой тыквы. Медная вода должна была окончательно победить инфекцию.

Когда нубиец появился в дверях, визирь понял, что тот хочет сообщить нечто важное.

— Прежде всего, тревожная новость: Монтумес, мой печально известный предшественник, бежал из Ливана, где он находился в изгнании.

— Он пошел на огромный риск... Когда вы его снова схватите, он будет приговорен к заключению.

- Монтумес знает об этом, поэтому его исчезновение не предвещает ничего хорошего.
- Бел-Тран помог?
- Наверняка.
- Обычное бегство?

— Хотелось бы в это верить. Но Монтумес вас ненавидит, равно как и Бел-Тран. Вы для них загадка, они не могут понять ни вашей прямолинейности, ни вашей приверженности справедливости. Пока вы были мелким судьей, какое это имело значение? Но, став визирём... Это для них недопустимо! Монтумес наверняка захочет мстить.

— Что нового об убийстве Беранира?

— Ничего определенного, но... Я полагаю, что человек, который неоднократно пытался вас убить, и тот, кто устранил Беранира, — одно и то же лицо. Он возникает из небытия и туда же возвращается.

— Не хотите ли вы заставить меня думать, что речь идет о привидении? — усмехнулся визирь.

— О привидении — нет... А вот о чудовище, влюбленном в смерть, вполне возможно.

— Не совершил ли он ошибку, которую вы так давно ждете?

— Он ошибся, когда натравил на моего павиана другую обезьяну. Это единственный случай, когда ему потребовался союзник, а значит, и связи. Я боялся, что эта ниточка оборвется, но один из моих лучших осведомителей по прозвищу Коротышка попал в затруднительное положение: судья увеличил размер отступных, которые он должен

выплачивать бывшей жене, и он тут же «вновь обрел» память.

- Он что, знает убийцу?
- Если это так, Коротышка потребует огромное вознаграждение.
- Дадим. Когда вы с ним встречаетесь?
- Сегодня вечером, за доками.
- Я пойду с вами, — твердо заявил Пазаир.
- Вы для этого еще слишком слабы, — мягко произнес Кем.

* * *

Нефret собрала основных поставщиков редких и дорогих препаратов, которые использовались в лечебницах. Несмотря на то, что запасы еще оставались, она считала более осмотрительным как можно быстрее восстановить их, учитывая трудности с урожаем и поставками.

- Начнем с мирры; когда направляется следующая экспедиция в страну Пунт?
- Не знаю, — после некоторой заминки произнес поставщик.
- Что означает ваш ответ?
- Не было установлено никакой даты.
- Мне кажется, это решать вам.
- У меня нет судов.
- Почему?
- Я жду, когда придут суда из чужих стран.
- Вам следовало предупредить меня об этой задержке.
- Но ведь не было никакой спешки... — заметил поставщик.
- А сейчас — дело срочное.
- Хотелось бы иметь письменное распоряжение.
- Вы его получите сегодня же. — Нефret повернулась к другому торговцу. — Вы заказали зеленую смолу гальбана^[14]?
- Заказать-то заказали, но она прибудет не так скоро.
- Почему?
- Ее привозят из Азии по усмотрению сборщиков и торговцев. Нам настойчиво советовали не беспокоить их. Наши отношения настолько натянутые, по причинам, которых я не знаю. При первой же возможности...
- А темная смола ладана? — спросила Нефret у третьего поставщика. — Я знаю, что ее привозят из Греции и с Крита. Эти страны никогда не отказывались торговать.
- Увы! Урожай был небогатый, и они решили ничего не продавать.
- Нефret даже не стала расспрашивать других торговцев. Их замешательство означало, что и они дадут отрицательный ответ.
- Кто получает эти редкие продукты на египетской земле? — спросила она у поставщика мирры.
- Таможенники.
- Кому они подчиняются?
- Двойному... Двойному Белому дому, — пробормотал торговец.
- Взгляд молодой женщины, обычно мягкий, стал гневным и возмущенным.

— Становясь слепыми исполнителями воли Бел-Трана, — заявила она твердо, — вы предаете Египет. Как главная целительница царства я потребую предать вас суду за попустительство!

— Да мы совсем не хотели этого. Обстоятельства... Вы должны признать, что мир меняется и Египет должен приспосабливаться к этим новшествам. Меняются и наши способы торговли. Ключи от нашего будущего в руках Бел-Трана. Если бы вы согласились увеличить нашу прибыль и пересмотреть торговые наценки, возможно, поставки возобновились бы быстрее.

— Это вымогательство... Вы затрудняете работу лечебниц и целителей! — воскликнула Нефret.

— Вы преувеличиваете. При успешном обсуждении условий...

— Учитывая, что дело не терпит отлагательства, я попрошу визиря издать приказ об отстранении вас от должности и сама буду договариваться с иноземными торговцами.

— Вы не осмелитесь!

— Скупость — неизлечимая болезнь, — презрительно произнесла Нефret. — Я не смогу вам помочь. Просите у Бел-Трана другие должности. Вы больше не имеете отношения к службе целительства.

Простуда не помешала Пазаиру подписать приказ об отстранении от должности поставщиков, позволявший главному лекарю царства обеспечивать свободную торговлю использовавшимися в медицинских целях смолами. С этим документом Нефret тут же отправилась в ведомство иноземной торговли, чтобы лично проследить за подготовкой распоряжений об отправке торговых экспедиций.

Состояние здоровья ее любимого больного не внушало никаких опасений. Но Пазаиру следовало еще полежать в постели два-три дня во избежание новой вспышки заболевания.

Визирь совсем не хотел отдыхать. Обложившись папирусами и деревянными дощечками, переданными писцами из разных ведомств, он старался обнаружить слабые места, которые непременно использовал бы Бел-Тран. Он представлял себе, как бы тот стал действовать, и принимал меры для отражения возможных ударов, не строя при этом никаких иллюзий. Глава Двойного Белого дома и его союзники могли найти другие направления атаки.

Когда управляющий сообщил имя человека, просившего его принять, Пазаир не поверил своим ушам, но, несмотря на удивление, согласился.

Уверенный в себе, одетый по последней моде, в дорогом льняном платье, немного узковатом в талии, Бел-Тран тепло поприветствовал визира:

— Я принес вам сосуд белого вина второго года правления Сети, отца нашего славного правителя. Вам, несомненно, понравится! — Не дожидаясь приглашения, Бел-Тран взял стул и сел напротив Пазаира. — Я узнал, что вы больны. Надеюсь, ничего страшного?

— Совсем скоро я буду на ногах.

— Ну разумеется, ведь вас лечит лучшая целительница царства! И все же этот приступ усталости представляется мне весьма показательным. Груз ваших обязанностей невыносим.

— Но не для таких широких плеч, как ваши.

— При дворе ходят много слухов. Всем известно, что вам очень тяжело правильно исполнять обязанности визиря.

— Да, это так, — согласился Пазаир и, заметив, что Бел-Тран улыбнулся, добавил: — Я даже уверен, что не смогу этого сделать никогда.

— Мой друг, эта болезнь, явно пошла вам на пользу, — сладко пропел Бел-Тран.

— Просветите меня, раз уж у вас в руках главное оружие и вы уверены, что достигнете высшей власти, каким образом мои действия могут вам помешать?

— Они для меня не более чем комарные укусы, то есть просто неприятны. Если вы согласитесь подчиниться мне, останетесь визирём. С вашей популярностью нельзя не считаться. Все вокруг восхваляют вашу работоспособность, прямоту и проницательность... Вы были бы мне полезны, действуя на моей стороне.

— Кани, верховный жрец Карнака, осудит меня.

— Обманите его. Так как вы сорвали мою попытку захватить большую часть земель храма, вы — мой должник. Эти храмовые хозяйства устарели, Пазаир; следует не сдерживать производство продуктов и благ, а напротив, способствовать его постоянному росту.

— А обеспечит ли такой подход счастье людей и справедливое правление?

— Не важно. Он принесет могущество тому, кто находится у руля.

— Я не перестаю думать о моем учителе Беранире.

— Это человек из прошлого.

— Согласно нашим устоям, ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным.

— Забудьте эту жалкую историю и подумайте о будущем, — посоветовал Бел-Трак.

— Кем не прекращает расследование. Он надеется найти преступника.

Бел-Тран сохранял, хладнокровие, но во взгляде промелькнула тревога.

— Моя версия отличается от версии Кема, — продолжал Пазаир. — Я неоднократно выражал сомнение по поводу виновности вашей супруги.

— Силкет? Но...

— Именно она — та женщина, которая появилась перед старшим стражником у сфинкса, чтобы отвлечь его внимание. С самого начала заговора она подчиняется вам. Силкет — превосходная ткачиха и владеет иглами лучше, чем кто-либо. Мне кажется, она вполне могла убить Беранира, вонзив ему в шею перламутровую иглу.

— Ваша болезнь опасна.

— Силкет нужно ваше состояние, а вы — раб ее прихотей больше, чем можете себе вообразить. Вас объединяет зло.

— Довольно с меня ваших жалких бредней! — воскликнул Бел-Тран. — Вы будете, наконец, подчиняться?

— Подобная мысль свидетельствует о том, что вы недостаточно трезво оцениваете положение дел, — усмехнулся Пазаир.

— Не предпринимайте никаких действий ни против Силкет, ни против меня, — угрожающе произнес Бел-Тран. — И вам, и вашему царю конец. Вы навсегда утратили Завещание богов.

С этими словами он покинул дом визиря.

* * *

Дул вечерний ветерок, предвещавший скорое наступление весны; теплый, ароматный, он нес издалека дыхание пустыни. Спать ложились позже, вели неторопливые вечерние беседы с соседями, обмениваясь новостями.

Кем дождался, когда погаснут последние огни, и отправился переулками к докам. Его неизменный спутник, павиан, шел медленно, вертя головой по сторонам. Иногда, нервничая, он возвращался назад или вдруг резко ускорял шаг. Нубиец был внимателен к малейшим изменениям в поведении обезьяны; она, чувствуя опасность, вела его в темноте.

В районе доков царила тишина, у складов несли службу стражники. Коротышка назначил встречу позади заброшенной, ожидавшей ремонта постройки. Обычно осведомитель проворачивал здесь кое-какие незаконные делишки. Нубиец закрывал на них глаза в обмен на сведения, которые нельзя было получить, сидя в конторе.

Коротышка сошел с праведного пути, едва появившись на свет. Для него, при рожденного жулика, единственным удовольствием было обокрасть своего ближнего. Он знал простой люд Мемфиса и его укромные уголки как свои пять пальцев. С начала расследования Кем рассчитывал, что Коротышка — единственный, кто сможет дать ему нить, ведущую к убийце, но понимал, что слишком сильное давление может привести к его полному молчанию.

Вдруг Убийца, насторожившись, замер. Его слух был гораздо тоньше человеческого, а

ремесло Кема еще больше способствовало развитию его органов чувств. Облако закрыло луну; темнота окутала заброшенный склад. Убийца вновь медленно двинулся вперед.

Сговорчивость Коротышки объяснялась его бедами. Бывшая супруга обирала его, лишая небольшого состояния, которое ему удалось нажить. И вот незадачливый жулик решился на продажу самого ценного имущества — имени поглотителя теней. «Что бы он мог потребовать взамен? — думал Кем. — Золото; молчание о более крупном, чем обычно, мошенничестве; запас сосудов с вином... Там видно будет».

Павиан издал звук, похожий на громкий стон. Кем решил, что он поранился, но быстрый осмотр показал, что это не так. Убийца двинулся дальше. На месте встречи никого не было.

Кем присел на ящик. Неужели Коротышка передумал? Нубиец не мог в это поверить. Осведомителю срочно требовались средства.

Ночь почти прошла. Незадолго до рассвета Убийца потянул своего «коллегу» внутрь склада. Брошенные корзины, сломанные ящики... Павиан проложил себе путь сквозь этот хаос, остановился перед кучей мешков из-под зерна и издал тот же стон, что и несколько часов назад.

Кем в ярости разгреб мешки. Коротышка все же пришел на встречу. Его тело было прислонено к деревянному столбу, а голова разбита поглотителем теней, чье имя он уже не назовет никогда.

* * *

— Это я виноват в смерти Коротышки, — корил себя Кем.
— Да нет же, ведь он сам назначил встречу, — успокаивал его Пазаир.
— Я должен был организовать его охрану.
— Каким образом?
— Не знаю, но...
— Хватит изводить себя.
— Поглотитель теней прознал о намерениях Коротышки, выследил его и уничтожил.
— А может, тот решил шантажировать его?
— Да, Коротышка был достаточно продажным, чтобы пойти на подобное безумие...
Ниточка снова оборвалась. Разумеется, я и дальше буду охранять вас.

— Нужно принять необходимые меры. Завтра мы уезжаем в Средний Египет. — Голос Пазаира стал глухим.

— Что-то случилось?
— Приходят тревожные донесения от некоторых номархов.
— По какому поводу?
— Вода.
— Вы боитесь...
— Худшего.

* * *

Нефret провела сложную операцию. Юный ремесленник упал с крыши. С поврежденными шейными позвонками и с зияющей раной на правом виске он был доставлен в лечебницу. Операция прошла успешно. Изнуренная молодая женщина задремала в комнате для отдыха. Ее разбудил один из помощников:

- Я очень сожалею, но вы мне нужны.
- Позовите другого хирурга. У меня нет больше сил оперировать.
- Очень странный случай. Необходим ваш диагноз.

Нефret поднялась и пошла за молодым лекарем.

Пациентка лежала с открытыми глазами, уставившись в одну точку. Сорокалетняя дама была одета в роскошное платье, ухоженные руки и ноги указывали на ее принадлежность к богатой семье.

— Ее подобрали на улице северного квартала, — объяснил помощник, — жители квартала ее не знают. Она похожа на больную, которой только что сделали обезболивание...

Нефret послушала голос сердца в артериях, затем изучила зрачки.

— Эта женщина находится под действием наркотиков, — заключила Нефret. — Она проглотила экстракт розового мака, вещество, которое дозволено использовать только в лечебницах^[15]. Необходимо немедленно начать расследование.

* * *

По настоянию супруги Пазаир перенес отъезд в Средний Египет и попросил Кема сразу же начать расследование. Женщина, привезенная в лечебницу, умерла от передозировки наркотиков, так и не выйдя из комы.

Благодаря опросам выяснилось, что несчастная трижды проявлялась на улочке, где встречалась с греком, жившим неподалеку в прекрасном доме и торговавшим дорогими вазами. Когда Кем нанес ему визит, мужчина отсутствовал. Служанка пригласила начальника стражи в гостиную и принесла ему прохладного пива.

Торговец, завершив сделку на набережной, не замедлил вернуться домой. Высокого роста, худой, бородатый грек, завидев нубийца, стремглав бросился к дверям. Кем не пошевелился, положившись на бдительность своего верного коллеги. Убийца поставил беглецу подножку, и тот растянулся на каменном полу. Кем поднял его за шиворот.

- Я невиновен! — воскликнул грек.
- Ты убил женщину.
- Я торгуя вазами, что в этом противозаконного?

На какое-то мгновение нубиец подумал, не схватил ли он поглотителя теней, но этот тип казался слишком легкой добычей.

— Если не заговоришь, будешь приговорен к смерти.

Грек заскулил плаксивым голосом:

- Пощадите, я всего лишь посредник.
- У кого ты покупаешь опий?
- У соотечественников. Они выращивают его в Греции.
- Они-то вне досягаемости, а вот ты — нет.

Налитый кровью взгляд павиана подтверждал слова Кема.

- Я скажу вам их имена.

— Мне нужны имена клиентов.

— Нет, я не могу!

Волосатая лапа Убийцы легла на плечо грека. От ужаса он рассказал все, что знал, назвав имена покупателей, среди которых оказались чиновники и даже некоторые высокопоставленные лица. Среди последних значилась и госпожа Силкет.

Утром перед отъездом Пазаир получил приглашение от Бел-Трана на большой пир, где должны были присутствовать главные лица двора, высшие чиновники и многие главы провинций. Распорядитель Государственной казны в конце зимы всегда давал пышный прием, которому визирь оказал бы великую честь своим присутствием.

- Он насмехается над нами, — предположила Нефret.
 - Бел-Тран следует традициям, когда ему это выгодно.
 - Нам обязательно нужно присутствовать на этом пиру?
 - Боюсь, что да.
 - Обвинение госпожи Силкет вызовет грандиозный скандал, — заметила Нефret.
 - Я постараюсь быть сдержаным.
 - Торговлю опием прекратили?
 - Кем проявил исключительную ловкость. Сообщники грека были арестованы прямо в порту, как и почти все их клиенты... Кроме Силкет.
 - Трудно уличить ее, правда?
 - Угрозы Бел-Трана не остановят меня.
- Они беседовали, сидя под персейей. Пазаир обнял Нефret.
- Главное — положить конец этому ужасу? Чем бы тебе помогло заключение под стражу супруги Бел-Трана, если бы вы арестовали ее сегодня?
 - Тем, что восторжествовала бы справедливость.
 - Разве момент совершения поступка не столь же важен, как сам поступок?
 - Ты предлагаешь мне ждать? Дни и недели проходят, отречение фараона близится.
 - До последнего мгновения мы должны бороться, не теряя надежды.
 - Но тьма настолько густа! Порой мне...
- Нефret нежно приложила палец к его губам:
- Визирь Египта никогда не опускает рук.

* * *

Пазаиру нравился пейзаж Среднего Египта. Белые скалы по берегам Нила, широкие зеленеющие долины и светлые холмы, где вельможи строили свои жилища вечности. В этой округе не было ни спеси Мемфиса, ни солнечного величия Фив, но она хранила тайны народной души, обитавшей в небольших сельских угодьях, хозяева которых ревностно берегли свои традиции.

За время путешествия павиан Убийца ни разу не учゅял опасности. Теплый, почти весенний воздух, казалось, радовал его, не ослабляя, однако, бдительности.

В провинции Антилопы гордились устройством местного водоснабжения. Испокон веков здесь обеспечивали потребности жителей, отгоняя призрак голода и не делая никакого различия между бедными и богатыми. В засушливые годы искусно устроенные водохранилища давали хозяйствам достаточно воды. Каналы, шлюзы, дамбы находились под постоянным наблюдением, особенно в критические моменты, когда уходили воды Нила. Многие поля оставались затопленными, поглощая ценный ил, благодаря которому Египет и

назвали «черной землей». Селения, построенные на сваях, оглашались песнями жителей, прославлявших плодородную силу, скрытую в реке.

Каждые десять дней визирь получал подробный отчет о запасах воды в стране. Иногда он приезжал, не предупредив местные власти, чтобы проверить их работу. Направляясь к столице провинции Антилопы, Пазаир не чувствовал беспокойства: прекрасное состояние дамб, водохранилища вдоль дороги и чистильщики каналов за работой — все это создавало обнадеживающую картину.

Приезд визиря вызвал веселое оживление. Каждый хотел взглянуть на знаменитого человека, передать ему прощение, потребовать торжества справедливости. Никакой озлобленности в речах. Уважение и доверие народа до глубины души тронули Пазаира и придали ему новые силы. Ради этих людей он должен спасти страну и помешать развалу царства. Он вознес молитвы небу, Нилу и плодородной земле, прося созидательные силы поддержать его, чтобы он смог спасти фараона.

Начальник провинции собрал в своем красивом доме главных помощников: смотрителей плотин и каналов, начальника распределения водных запасов, главного землемера, ответственного за наем сезонных рабочих. У всех был довольно унылый вид. Они поклонились Пазаиру, сидевшему во главе собрания на месте начальника провинции, шестидесятилетнего жизнерадостного мужчины с круглым животом. Выходец из древнего рода, он носил имя Йуа, что означало «бык».

— Ваш визит, — заявил он, — большая честь для меня и для моей провинции.

— Меня беспокоят донесения. Вы согласны с ними?

Прямота вопроса удивила, но не привела в замешательство сановника.

— Они составлены по моему указанию.

Некоторые провинции выражают ту же озабоченность. Я выбрал вашу лишь потому, что она является примером образцовой деятельности на протяжении многих династий.

— Я буду также прямолинеен! Мы не понимаем больше указаний верховной власти, — пожаловался Йуа. — Обычно мне позволяли свободно управлять провинцией, требуя лишь результатов, которые никогда не разочаровывали фараона. Однако, как только ушла высокая вода, нам приказывают действовать вопреки здравому смыслу.

— Объясните.

— Наш главный землемер, как и каждый год, посчитал объем земли, которую следовало перевезти и уплотнить для укрепления дамб. Цифры были пересмотрены в сторону понижения! Если мы примем эти поправки, противоречащие здравому смыслу, дамбам не хватит прочности, и они будут моментально разрушены под напором воды.

— Кто прислал эти поправки?

— Главная служба землеустройства Мемфиса. Мало того! Наш начальник найма сезонных рабочих прекрасно знает, сколько людей необходимо, чтобы выполнить работы по поддержанию и восстановлению дамб, а также по намыву ила. Однако столица сократила количество ровно вдвое без каких-либо объяснений. Еще хуже складывается ситуация с использованием заливных земель. Кто лучше нас знает, когда следует переводить воду из верхних водоемов в нижние, как зависит это от времени роста разных выращиваемых культур? Службы Двойного Белого дома навязывают нам сроки, совершенно несовместимые с истинным положением вещей. Я не говорю уже об увеличении налогов, которое последует за увеличением поставок! О чем вообще думают чиновники Мемфиса?

— Покажите мне эти документы, — потребовал Пазаир.

Начальник провинции принес папиры. Они были подписаны чиновниками либо Двойного Белого дома, либо служб, в той или иной степени подчинявшихся Бел-Трану.

— Дайте мне письменные принадлежности.

Писец подал визирю дощечку для письма, свежие чернила и тростниковое перо. Своим быстрым ровным почерком Пазаир аннулировал распоряжение и поставил свою печать.

— Ошибки устраниены, — заявил он. — Не принимайте во внимание эти недействующие уже распоряжения и поступайте как обычно.

Пораженные руководители провинции переглянулись.

— Должны ли мы понимать...

— Отныне следует выполнять только распоряжения, скрепленные моей печатью.

Восхищенные столь быстрым и неожиданным вмешательством, присутствующие поблагодарили визиря и с легким сердцем вернулись к своим делам. Глава провинции сохранял озабоченный вид.

— Есть ли другие причины для беспокойства? — поинтересовался Пазаир.

— Не означает ли ваше распоряжение что-то вроде открытой войны против Бел-Трана?

— Распорядитель Государственной казны может ошибаться.

— В таком случае, зачем его держать?

Пазаир боялся этого вопроса. До сих пор стычки оставались в тени, но дело с водой вывело на свет глубокие разногласия между визирём и главой Двойного Белого дома.

— Бел-Тран обладает большой работоспособностью, — сказал он.

— Известно ли вам, что он обрабатывает номархов; пытаясь убедить их в превосходстве своей политики? Я, как и мои подчиненные, задаюсь вопросом: кто визирь — вы или он?

— Вы только что получили ответ.

— Он меня успокоил... Мне не слишком понравились его предложения.

— А что это были за предложения?

— Высокий пост в Мемфисе, соблазнительные доходы, меньше забот...

— Почему же вы отказались?

— Потому что я доволен тем, что имею. Бел-Тран не понимает, что потребности могут быть ограниченными. Я люблю свой округ и ненавижу большие города. Здесь меня уважают, а в Мемфисе меня никто не знает.

— То есть вы ответили ему отказом?

— Признаюсь, что его личность меня пугает, поэтому я предпочел сыграть сомневающегося. Другие главы провинций согласились оказать ему поддержку. Не пригрели ли вы на груди змею?

— Если это так, мне исправлять ошибку.

Йуа не мог скрыть волнения:

— Послушав вас, можно сделать вывод, что страну ожидают сложные времена. Однако вы сохранили самостоятельность моей провинций, и я вас поддержу.

Поблагодарив Йуа, Пазаир с ним простился.

Кем и Убийца сидели на пороге красивого дома. Павиан ел финики, нубиец наблюдал за тем, что происходит на улице, не прекращая думать о поглотителе теней и уверенный, что человек из тьмы столь же напряженно думал о нем.

При появлении визиря Кем встал:

— Все в порядке?

— Едва удалось избежать еще одной катастрофы. Нам нужно проверить другие

провинции.

Йуа догнал Пазаира и Кема уже по дороге к причалу.

— Я упустил еще одну деталь, — запыхавшись сказал он. — Это вы прислали мне человека для проверки питьевой воды?

— Нет. Опишите мне его.

— Примерно шестидесяти лет, среднего роста, с лысой красной головой, которую он часто почесывает, очень раздражительный, гнусавый и очень высокомерный.

— Монтумес, — догадался нубиец.

— Как он себя вел?

— Обычная проверка.

— Отведите меня к хранилищу воды.

Лучшая питьевая вода собиралась через несколько дней после начала разлива реки. Насыщенная минеральными солями, она способствовала пищеварению и благоприятно сказывалась на способности женщин к зачатию. Мутную грязную воду тщательно фильтровали и разливали в огромные сосуды, в которых она прекрасно хранилась в течение четырех-пяти лет. Иногда, в годы сильной жары, провинция Антилопы поставляла ее в южные районы.

Йуа попросил открыть главное хранилище, запертое на тяжелые деревянные засовы. У него перехватило дыхание, когда он увидел, что пробки из сосудов вынуты, а вся вода разлилась по земле.

«Как женщина может быть такой красивой?» — задавал себе вопрос Пазаир, с восхищением глядя на Нефрет, готовившуюся к пирамиде Бел-Трана. На главной целительнице царства было ожерелье из семи ниток сердоликовых бус, отделанных нубийским золотом, преподнесенное Нефрет матерью фараона. Под ожерельем скрывался кулон из бирюзы, подарок учителя Беранира, оберег от вредоносных сил. Парики из тонких косичек и завитых прядей красиво оттеняли ее ясное лицо, излучающее чистоту и свет; запястья и лодыжки были украшены браслетами из жемчуга; подаренный Пазаиром аметистовый пояс подчеркивал ее тонкую талию.

— Тебе тоже пора одеваться, — заметила Нефрет.

— Надо прочитать последнее донесение.

— Это касается питьевой воды?

— Дюжину сосудов уничтожил Монтумес, остальные теперь под охраной. Глашатаи всюду сообщают о его приметах; он либо попадет в руки стражи, либо будет вынужден скрываться.

— Скольких начальников провинций подкупил Бел-Тран?

— Треть, наверное; но работы по содержанию дамб будут проводиться как следует. Я дал соответствующие распоряжения и запретил уменьшать число рабочих.

Почти невесомая, она присела к нему на колени, чтобы отвлечь от работы:

— Тебе действительно пора надеть праздничную набедренную повязку, классический парик и ожерелье, соответствующее твоему положению.

* * *

Кем как начальник стражи тоже получил приглашение. Нубиец чувствовал себя крайне неуютно на подобных мероприятиях и из всех украшений предпочел лишь свой любимый кинжал. Усевшись в угол просторного зала с колоннами, где Бел-Тран и Силкет принимали высокопоставленных гостей, Кем не спускал глаз с визиря, окруженного многочисленными сановниками. Убийца устроился на крыше и обозревал оттуда окрестности.

Колонны были увиты гирляндами цветов, мемфисская знать блестала туалетами; зажаренных гусей и говядину подавали на серебряных блюдах; вина лучших сортов наливали в кубки, привезенные из Греции. Одни приглашенные устраивались на подушках, другие предпочитали стулья. Слуги беспрестанно меняли алебастровые тарелки.

Визирь с супругой сидели за красиво отделанным столиком. Служанки вымыли им ароматной водой руки и надели ожерелья из васильков. Каждая гостья получила по цветку лотоса и украсила им свой парик.

Звуки арф, лютней и тамбуринов услаждали слух публики. Бел-Тран нанял лучших музыкантш города, потребовав от них музыкальных новинок, которые любители смогли бы оценить по достоинству.

Для лишенного способности двигаться очень старого придворного был оборудован специальный удобный стульчик, позволявший ему принимать участие в торжестве вместе со всеми. Глиняный сосуд, помещенный под сиденьем, после каждого использования изымался

слугой и заменялся на новый, наполненный ароматизированным песком.

Повар Бел-Трана не знал себе равных в использовании приправ. Он создал на основе розмарина, тмина, шалфея, укропа и корицы новый вкус, который гурманы назвали «по-настоящему благородным». Гости рассыпались в поздравлениях, всюду велись разговоры о щедрости главы Двойного Белого дома и его супруги.

Бел-Тран поднялся и попросил тишины.

— Друзья мои, — начал он, — в этот замечательный вечер, украшенный вашим присутствием, я хотел бы принести дань уважения человеку, чьи авторитет и доброжелательность мы все очень чтим, а именно — визирю Пазаиру. Сан визиря — священный, ибо именно он является выразителем воля фараона. Несмотря на свою молодость, наш дорогой Пазаир отличается выдающейся и удивительной зрелостью, он сумел добиться любви и уважения народа, научился быстро принимать решения и ежедневно трудится во имя сохранения величия нашей страны. Пусть этот скромный предмет будет преподнесен ему от вашего имени в знак уважения.

Перед Пазаиром поставили синий кубок, покрытый глазурью, дно которого украшал цветок лотоса с четырьмя лепестками.

— Благодарю вас, — сказал визирь. — Позвольте мне передать это произведение искусства в дар храму бога Птаха. Кто может забыть о том, что долг храмов — увеличивать достояние и распоряжаться им в соответствии с нуждами людей? Кто посмеет принизить их значение и посягнуть на гармонию, нарушить стабильность, основанную во времена первых династий? Ведь эти яства так сочны, эта земля так плодородна, а наш порядок зиждется на праведности человека, ибо нас направляет вечный закон жизни — богиня Маат! Кто предаст ее, кто посягнет на ее права — преступник, не заслуживающий пощады. И пока чувство справедливости остается нашей главной ценностью, Египет будет жить в мире и отмечать праздники!

Слова визиря были пылко встречены одной частью собравшихся и холодно — другой. Когда беседа возобновилась, гости заспорили вполголоса, хваля или осуждая его речь. Уместны ли на приеме заявления такого рода? Во время краткого выступления Пазаира лицо Бел-Трана напряглось, и, несмотря на натянутую улыбку, гости прекрасно поняли, в чем дело. Разве не поговаривали о глубоких разногласиях между верховным сановником и распорядителем Государственной казны? Из-за противоречивости слухов отличить истину от лжи было очень нелегко.

По окончании застолья гости вышли в сад. Кем и Убийца удвоили внимание. Визирь выслушал жалобы нескольких высокопоставленных чиновников, не без оснований сетовавших на медлительность администрации Двойного Белого дома. Бел-Тран неутомимо болтал с группой важных сановников.

Силкет подошла к Нефret:

— Я уже давно хотела с вами поговорить, и сегодняшний вечер предоставляет мне такую возможность.

— О чем же вы желаете поговорить?

— Я так люблю Бел-Трана, он чудесный супруг. Если я вступлюсь за вас, удастся избежать худшего.

— Что вы имеете в виду?

— Бел-Тран испытывает искреннее уважение к Пазаиру, почему бы вашему супругу не проявить большее благородство? Вдвоем они бы сделали прекрасную работу!

- Визирь в этом не уверен.
- Он не прав. Уговорите его передумать, Нефret! — проговорила Силкет капризным тоном женщины-ребенка.
- Пазаир не тешит себя иллюзиями.
- Осталось так мало времени... Скоро будет поздно. Кажется, упорство визиря — плохой советчик?
- Сделка с совестью еще хуже, — парировала Нефret.
- Дойти до должности главной целительницы было нелегко, зачем губить свою карьеру?
- Лечить больных — это не карьера.
- В таком случае, вы не откажетесь полечить и меня?
- Я не собираюсь этого делать.
- Но врач не может выбирать больных!
- В данном случае — может.
- В чем вы меня упрекаете? — надула губки Силкет.
- Посмеете ли вы утверждать, что не совершали преступлений?
- Силкет отвернулась:
- Я не понимаю... Обвинять, меня...
- Освободите свою совесть от груза — признайтесь в содеянном; лучшего лекарства нет.

- В чем же я могу быть виновата?
- Ну, хотя бы в употреблении опия.

Силкет зажмурилась и закрыла лицо руками:

- Прекратите говорить гадости!
- У визиря есть доказательства вашей вины.

Силкет в истерике убежала в свои покои. Нефret подошла к Пазаиру:

- Боюсь, я допустила оплошность.
- Судя по реакции твоей собеседницы — совсем наоборот.
- Что случилось?! — гневно спросил Бел-Тран. — Вы... — Он осекся.

Взгляд Нефret привел главу Двойного Белого дома в оцепенение. Ни следа ненависти или жестокости — лишь свет, пронзающий насквозь. Бел-Тран почувствовал себя обнаженным, очищенным от лжи, хитрости и коварства; его душа пылала, судороги терзали грудь. Почекуствовав недомогание, он покинул зал с колоннами. Прием подходил к концу.

- Не волшебница ли ты? — спросил Пазаир у супруги.

— А без волшебства как бороться с болезнью? Просто Бел-Тран как бы посмотрел на себя со стороны, и то, что он увидел, кажется, не очень его обрадовало.

Околдованные мягкой ночной прохладой, они на несколько мгновений забыли, что время работает не в их пользу. Пазаир и Нефret мечтали о том, что Египет никогда не изменится, что сады всегда будут благоухать ароматом жасмина, а полноводный Нил будет кормить народ, на веки вечные сплоченный любовью к своему царю.

Вдруг из-за кустов появилась хрупкая женская фигура. В тот же миг Убийца спрыгнул с крыши и преградил ей дорогу. Женщина испуганно вскрикнула, не смея пошелохнуться. С оскаленной пастью, раздувающейся ноздрями, павиан готов был растерзать ее.

- Уберите его, прошу вас!
- Госпожа Тапени?! — удивился Пазаир. — Какой странный способ обращения ко

мне... Вы рискуете!

Темноволосая красотка продолжала дрожать, пока Кем успокаивал обезьяну.

— Я должен вас обыскать, — сказал нубиец.

— Отойдите!

— Если вы откажетесь, я попрошу Убийцу выполнить мою работу.

Тапени сдалась. Кем надеялся найти перламутровую иглу — улику, доказывающую вину. Тапени в смерти Беранира и в покушении на жизнь визиря, но ткачиха не имела при себе ничего, что могло бы угрожать Пазаиру.

— Вы хотите со мной поговорить? — спросил визирь.

— В скором времени вы перестанете задавать кому-либо вопросы.

— На чем основано ваше предсказание?

Темноволосая женщина потупилась.

— Ну вот опять, госпожа Тапени! Вы либо проговорились, либо чего-то недоговариваете.

— Ваша суровость не нравится никому в этой стране. В скором времени царь будет вынужден вас прогнать.

— Пусть об этом судит фараон. Наша беседа окончена?

— Я слышала, что Сути сбежал из крепости, где отбывал ссылку, — произнесла Тапени.

— Вы хорошо осведомлены.

— Не надейтесь на его возвращение!

— Я вновь увижу его, живым и невредимым. И вы тоже.

— Никому не удавалось выбираться из нубийской глухи, он умрет там от жажды!

— Закон пустыни уже пощадил его, — улыбнулся Пазаир. — Сути выживет и поквитается со всеми.

— Это несправедливо!

— К сожалению, я не могу контролировать его действия.

— Вы должны обеспечить мою безопасность.

— Как и всех жителей этой страны, — добавил визирь.

— Найдите Сути и арестуйте его! — потребовала Тапени.

— В нубийской пустыне? Невозможно. Потерпим немного и подождем, пока он сам появится. Приятной вам ночи, госпожа Тапени.

Укрывшись за широким стволом смоковницы, поглотитель теней видел, как прошли визирь, его супруга, Кем и его проклятый павиан, держащий ухо востро. После недавней неудачи, убийца хотел совершить нападение во время приема у Бел-Трана. Но внутри здания за происходящим наблюдал нубиец, а снаружи — обезьяна. Разве не потратил он впустую столько лет, влекомый лишь тщеславием, чтобы доказать, что никто, даже визирь, не сможет ускользнуть от него?

Следовало сохранять хладнокровие. Разбив череп этому жалкому вымогателю. Коротышке; поглотитель теней впервые почувствовал дрожь в руках. Нет, убийство не впечатляло его больше, чем обычно, но неудачи в устранении визиря сильно раздражали. Может, Пазаир находился под защитой какой-то сверхъестественной силы? Нет, речь шла лишь о нубийце да о его сообразительном павиане.

Поглотитель теней обязан выиграть этот самый яростный в своей жизни бой.

Сути дотронулся до своих губ, щек, лба, но не узнал очертаний своего лица. Это была лишь вздувшаяся болезненная масса. Отекшие веки мешали смотреть. Сути лежал на носилках, которые несли шесть здоровенных нубийцев, и попробовал пошевелить ногой. Этому не удалось.

— Ты здесь? — спросил он.

— Конечно, — ответила Пантера.

— Тогда убей меня.

— Ты выживешь. Еще несколько дней — и яд уйдет. Раз ты можешь говорить, значит, твоя кровь снова течет по венам. Старый воин не понимает, как твой организм выдержал.

— Мои ноги! Я парализован!

— Нет, связан. Твои судороги мешали носильщикам, наверное, ты видел кошмары. Тебе снилась госпожа Тапени?

— Я был погружен в океан света, где меня никто не беспокоил.

— Надо было тебя выбросить где-нибудь по пути, — огрызнулась Пантера.

— Сколько времени я был без сознания?

— Солнце вставало уже трижды.

— Куда мы направляемся?

— Мы идем к нашему золоту.

— Египетских солдат не было?

— Никого не видно, но мы приближаемся к границе. Нубийцы начинают нервничать.

— Я снова беру командование в свои руки.

— В твоем-то состоянии?

— Развяжи меня.

— Знаешь, что ты невыносим? — Пантера помогла Сути встать на ноги.

— Как приятно чувствовать землю! Палку, быстро.

Опираясь на грубо сделанный посох, Сути пошел во главе отряда. Пантера была очарована его гордостью.

Отряд прошел к западу от Элефантины и от пограничного поста первой южной провинции. Несколько одиноких воинов присоединились к ним во время их продвижения на север. Сути доверял этим доблестным и опытным бойцам, встретившимся им в пустыне дозор, они тотчас же сразились бы с ним.

Нубийцы шли за белокурой богиней; нагруженные золотом, они мечтали о победах и завоеваниях под руководством египтянина, который оказался сильнее скорпиона. Узкими тропами они преодолели гранитную гряду, добывая для пропитания дичь, пили по капле воды и продвигались вперед без единой жалобы.

Лицо Сути вновь обрело былую красоту, а сам герой — свою лихость и отвагу. Вставая раньше всех, ложась позже, он пропитывался воздухом пустыни и становился неутомимым. Пантера с каждым днем любила его все больше. Юноша постепенно превращался в настоящего вождя, чье слово являлось законом и чьи решения не обсуждались.

Нубийцы смастерили для него несколько луков разного размера, которые он использовал в охоте на антилоп. Прирожденный инстинкт помогал Сути приводить свой отряд к источникам воды.

— К нам приближается дозорная группа, — предупредил черный воин.

Сути тотчас же определил род их деятельности: они бороздили пустыню, обеспечивая безопасность караванов и задерживая бедуинов-грабителей.

— Нападем на них, — предложила Пантера.

— Нет, — ответил Сути, — спрячемся и подождем, пока они уйдут.

Нубийцы скрылись за скалой, вдоль которой продвигались египтяне. Измученные жаждой, усталые собаки не учудили их присутствия. Отряд направился к долине.

— Мы бы их уничтожили без особого труда, — пробормотала Пантера, лежа рядом с Сути.

— Если бы они не вернулись, на пограничном посту Элефантины объявили бы тревогу.

— Ты не хочешь убивать египтян, а я об этом мечтаю! Ты — изгнаник, ставший во главе нубийцев-отщепенцев, которые умеют лишь воевать. В скором времени тебе придется сражаться, это заложено в твоей натуре, Сути, и тебе от этого не уйти.

Рука Пантеры нежно скользнула по телу возлюбленного. Скрывшись за скалой, забыв об опасности, они слились в объятиях. Облаченная в золото затерянного города, горячая ливийка играла на теле юноши как на лире, создавая пламенную мелодию и услаждая Сути каждой нотой.

* * *

— Это здесь, — сказала Пантера, — я узнаю окрестности. — Она с силой сжала руку Сути. — Наше золото здесь, в этой пещере. На мой взгляд, оно ценнее любого другого. Ты же убил египетского полководца, чтобы завладеть им.

— Нам оно больше не нужно.

— Наоборот! С ним ты станешь властелином золота.

Сути не мог оторвать взгляд от пещеры, где они спрятали сокровища вероломного полководца, которого закон пустыни приговорил к смерти. Пантера была права, приведя его сюда: отказаться от этого эпизода своей жизни, предав его забвению, стало бы трусостью. Как и его друг Пазаир, Сути был одержим верой в справедливость. Если бы его рука не настигла беглеца, правосудия бы не свершилось. Само небо подарило ему золото предателя.

Прекрасная Пантера подошла ближе. Ее ожерелье и браслеты переливались ослепительными бликами; нубийцы встали на колени, околдованные грациозными движениями своей золотой богини. Ведь она вела их так далеко в земли Египта, к этому святилищу, известному лишь ей одной, для того, чтобы увеличить их волшебную силу и сделать неуязвимыми. Когда ливийка вошла в пещеру вместе с Сути, чернокожие воины запели древнюю монотонную протяжную песню.

Пантера была уверена, что, завладев этим золотом, она еще прочнее связает свою судьбу с судьбой Сути. Нынешние мгновения обещали столько всего замечательного и сияющего в будущем.

Сути словно вновь переживал расправу над полководцем Ашером, гнусным убийцей, уверенным, что ему удастся избежать правосудия визиря, что он будет безмятежно проживать свою старость, разжигая волнения и смуту против Египта. Молодой человек ни секунды не жалел о содеянном.

В пещере было прохладно. Потревоженные летучие мыши носились под сводом и снова

цеплялись за стены, повисая вниз головой. Ливийка смотрела по сторонам и ничего не могла понять.

— Это же точно здесь, — сказала Пантера чуть не плача. — Но где же телега?

— Пойдем дальше.

— Бесполезно, я хорошо помню это место! Именно здесь мы ее спрятали.

Сути тщетно осматривал каждый закуток — пещера была пуста.

— Кто мог знать?.. Кто посмел?.. — бормотал он.

В ярости Пантера сорвала с себя золотое ожерелье и разбила его о каменную стену.

— Давай проломим эту чертову пещеру!

Сути поднял обрывок ткани:

— Посмотри сюда. Это крашеная шерсть. Наши воры — неочные демоны, а люди из племени ходящих по песку. Когда они вывозили телегу, один из них порвал свою одежду о шероховатую стену пещеры.

Пантера вновь обрела надежду:

— Давай отправимся в погоню за ними.

— Бесполезно.

— Я не отступлю.

— Я тоже.

— Что ты предлагаешь?

— Оставаться здесь и ждать. Они придут.

— Откуда такая уверенность?

— Мы слишком торопились, обследуя местность, и совсем забыли про труп.

— Но Ашер же мертв!

— Должен был остаться скелет в том месте, где я его убил.

— Ветер...

— Нет, его подобрали друзья. Думаю, они с нетерпением нас ждут, чтобы отомстить.

— Мы попали в западню?

— Часовые выслеживали наше возвращение.

— А если бы мы не пришли?

— Маловероятно. В течение нескольких лет они сменялись бы на своих постах до тех пор, пока наконец не убедились бы в нашей смерти. А разве ты действовала бы иначе, будь ты союзником полководца? Главное — нас выследить, а уничтожить — это просто удовольствие.

— Мы будем драться! — воскликнула Пантера.

— При условии, что они дадут нам время подготовиться к обороне.

Открыв великолепную, упругую грудь навстречу солнцу, Пантера обратилась с речью к своим верноподданным. Она объяснила, что племя ходящих по песку разграбило святилище их золотой богини и похитило ее ценности: Стычка с бедуинами превращалась в неизбежность, и Пантера сообщила, что доверяет Сути привести отряд к победе.

Никто, даже старый воин, не возражал. При мысли о том, чтобы заставить песок пить кровь бедуинов, он словно помолодел. Что ж, нубийцы докажут свою доблесть. В рукопашной схватке им нет равных.

Сути в этом не сомневался и, не теряя времени, стал организовывать настоящий укрепленный лагерь, используя глыбы, за которыми укрылись бы нубийские лучники. В пещере они сложили бурдюки с водой, еду и оружие. Неподалеку от их расположения на

разном расстоянии друг от друга были вырыты ямы.

Затем началось ожидание. Сути наслаждался этим затишьем, внимательно следя за тайными песнями пустыни, ее неуловимыми движениями, голосом ветра. Сидя в позе писца, слившись со скалой, он едва ощущал жару. Сути гораздо меньше опасался скрежета оружия, чем городского шума и суеты. Здесь любое действие должно гармонировать с тишиной, переносящей шаги кочевников.

Хотя Пазаир и бросил его, он хотел бы видеть его сейчас рядом, разделить с ним этот момент, когда странствиям приходит конец. Не говоря ни слова, они бы питались от одного огня, заблудившись взглядом в желтоватой дали, пожирательнице всего мимолетного.

Пантера, ласковая, как кошка, обняла его сзади; нежная, словно благоухание весны, она провела рукой по его волосам.

— А если ты ошибся? — спросила она.

— Вряд ли.

— Быть может, этим мародерам достаточно кражи нашего золота?

— Мы прервали сообщение. Забрать товар — этого мало. Нас нужно опознать и убить.

Из-за жары по общему для нубийцев и египтян обычаю за пределами города они жили обнаженными. Пантера любовалась великолепным телом своего возлюбленного, который тоже не мог оторвать от нее восхищенного взгляда; их смуглая кожа не боялась солнца, их желание от этого возникало с новой силой. Ежедневно белокурая богиня меняла драгоценности; золото украшало все ее изгибы и ложбинки, делая недоступной ни для кого, кроме Сути.

— Если ливийцы — союзники ходящих по песку, ты будешь с ними сражаться?

— Я буду убивать воров.

Их поцелуй, казалось, длился бесконечно, а тела в едином порыве скатились по мягкому песку, дрожащему под дуновениями северного ветерка.

* * *

Старый воин сообщил Сути, что человек, посланный пополнить запасы воды, не вернулся.

— Когда он ушел?

— Когда солнце только показалось из-за пещеры. Судя по его нынешнему положению в небе, воин должен был вернуться уже давно.

— Быть может, источник иссяк? — предположил Сути.

— Нет, мы могли бы пить из него в течение многих недель.

— Ты был в нем уверен?

— Он — мой двоюродный брат.

— Нападение льва...

— Дикие звери пьют по ночам, к тому же он умел отражать их атаки.

— Пойдем на поиски?

— Если он не вернется до заката, значит, его убили.

Шли часы. Нубийцы больше не пели. Замерев, они смотрели в направлении источника, туда, откуда должен был появиться их товарищ.

Дневное светило клонилось к закату, скрылось за горой на западе и опустилось в

ночную барку, чтобы продолжить свой путь в подземном пространстве и встретиться с огромным змеем, который попытается выпить воду и иссушить Нил.

Нубиец так и не вернулся, и старый воин тихо изрек:

— Его убили.

Сути удвоил охрану. Если это были ходящие по песку, они вполне могли нарушить законы войны и напасть среди ночи.

Сидя лицом к пустыне. Сути без тревоги думал о возможно последних часах своей жизни. Что запечатлеется в них — безмятежная сила забытых скал или ярость последней схватки?

Пантера прильнула к нему.

— Ты готов?

— Как и ты.

— Не пытайся умереть без меня, — тихо сказала ливийка. — Мы вместе пройдем через врата загробной жизни. Но сначала мы будем богатыми и поживем как цари. Если ты действительно этого захочешь, у нас получится. Будь вождем, Сути, и не расходуй понапрасну свои силы.

Сути не отвечал, и она, не нарушая его молчания, заснула рядом...

Сути проснулся от холода. Пустыня была серой, утренний свет запутался в густой мгле. Пантера открыла глаза:

— Согрей меня.

Сути прижал ее к себе, но вдруг внезапно отпрянул, уставившись вдаль.

— По местам! — скомандовал он нубийцам.

Десятки вооруженных людей и их повозки окружали туман..

Воины племени ходящих по песку с длинными волосами, грубо постриженными бородами, в длинных цветных полосатых одеждах, тесно прижались друг к другу. От голода у некоторых из них торчали ключицы и ребра. На сгорбленных спинах — скатанные циновки.

Они одновременно натянули луки и выпустили первый залп стрел, не задевших ни одного нубийца. Сути отдал приказ не отвечать, и бедуины осмелели. С криками они стали приближаться.

Нубийские лучники оправдали свою репутацию: ни одна стрела не пролетела мимо цели. Да и темп стрельбы не оставлял шансов. Один против десяти, они быстро сравняли силы. Уцелевшие отошли назад, уступив место легким колесницам. Днища колесниц были сделаны из полосок кожи, скрепленных между собой крест-накрест, и покрыты шкурами гиен. Возницы держали вожжи, а их напарники готовились метнуть копья. Короткие бородки указывали на их национальность.

— Ливийцы, — заметил Сути.

— Не может быть, — обиженно произнесла Пантера.

— Ливийцы вместе с ходящими по песку.

— Я поговорю с ними, и они не станут нападать, — заявила Пантера.

— Не обольщайся.

— Дай мне попытаться.

— Нельзя рисковать.

Кони в нетерпении били копытами. Метатели копий подняли щиты, прикрывая грудь. В этот момент гордая ливийка поднялась и вышла из укрытия. Она вышла за каменное укрепление и сделала несколько шагов по направлению к колесницам.

— Ложись! — закричал Сути, заметив, что один из ливийцев метнул копье.

К счастью, стрела Сути поразила метателя в горло еще до того, как тот закончил бросок. Отскочив в сторону, Пантера избежала смертельного удара и ползком вернулась в пещеру.

Противники ринулись в атаку. Нубийцы в ярости от нападения на их золотую богиню выпускали стрелу за стрелой.

Возницы колесниц слишком поздно разглядели ямы, вырытые в песке. Кому-то удалось, их обогнать, кто-то перевернулся, но большинство попало в ловушки. Колесницы развалились, и враг оказался на земле. Нубийцы бросились на противника и не пощадили никого. С поля боя они вернулись с добычей — лошадьми и копьями.

В первой стычке Сути потерял лишь трех человек. Воинство бедуинов и ливийцев понесло тяжелые потери. Победители прославляли золотую богиню, а старый воин сложил в ее честь песню. Даже без пальмового вина опьянение овладело нубийцами. Сути пришлось повысить голос, дабы заставить войско остаться на позиции, так как каждый из них рвался в бой.

Вдруг в облаке пыли показалась красная колесница. С нее спустился безоружный человек, держа руки вдоль тела. У него была странная, почти квадратная голова, несоразмерная с туловищем, и надменный вид. Его хриплый голос разносился далеко:

— Я хочу поговорить с вашим вождем!

Сути вышел из укрытия:

— Я — вождь!

- Как тебя зовут?!
- А тебя?!
- Мое имя — Адафи!
- А мое — Сути, я военачальник египетской армии!
- Сойдемся ближе: крик не помогает переговорам!
- Они пошли навстречу друг другу.
- Итак, ты и есть Адафи, заклятый враг Египта, заговорщик и подстрекатель бунтов? — спросил Сути.
- А это ты убил моего друга, полководца Ашера? — вопросом на вопрос ответил тот.
- Мне выпала эта честь. Жаль, что смерть предателя была слишком легкой.
- Египетский военачальник во главе банды нубийских кочевников... Может, ты тоже предатель?
- Ты украл мое золото?
- Оно — мое. Это была плата, оговоренная с полководцем, за уход с моей территории.
- Богатство принадлежит мне!
- На каком основании?
- Трофей.
- Ты наглец, парень.
- Я требую то, что мне причитается.
- Что тебе известно о моих делах с местными старателями?
- Твоя банда уничтожена. У тебя нет никакой поддержки в Египте. Исчезни побыстрее и скройся в дебрях своей варварской страны. Может быть, там гнев фараона не настигнет тебя.
- Если хочешь получить свое золото, тебе придется его завоевать!
- Оно здесь?
- В моей палатке. Раз уж ты победил полководца Ашера, чьи кости я похоронил, почему бы нам не стать друзьями? Предлагаю сделку: золото делим пополам.
- Я требую все.
- Ты слишком прожорлив.
- Ты уже потерял много своих людей. Мои воины лучше твоих, — парировал Сути.
- Возможно, что и так. Но я знаю, где твои ловушки, и нас больше.
- Мои нубийцы будут сражаться до последнего.
- Кто эта белокурая женщина? — поинтересовался ливиец.
- Их золотая богиня. Благодаря ей они не знают страха.
- Мой меч снесет голову этому заблуждению.
- Если ты, конечно, останешься в живых.
- Если ты откажешься от союза со мной, я уничтожу тебя.
- Ты не сможешь убежать, Адафи! И станешь лучшим моим трофеем.
- Заносчивость вскружила тебе голову.
- Если хочешь спасти жизнь своих воинов, сразись со мной.
- Ливиец смерил Сути взглядом.
- Против меня у тебя нет шансов.
- Об этом мне судить.
- Ты слишком молод чтобы умереть.
- Если я выиграю, я заберу золото.

- А если проиграешь?
 - Ты заберешь мое.
 - Твое? Что ты хочешь этим сказать?
 - Мои нубийцы несут немало драгоценного металла.
 - Так, значит, это ты прибрал к рукам дело полководца?
- Сути промолчал.
- Ты погибнешь, — предрек Адафи, нахмутившись.
 - Какое оружие выбираем?
 - Каждый свое.
 - Я требую заключения договора, утвержденного обеими сторонами, — заявил Сути.
 - Боги будут свидетелями.

Не откладывая, устроили церемонию, в которой приняли участие трое ливийцев и трое нубийцев, в том числе и старый воин. Они взвывали к духам огня, воздуха, воды и земли, дабы разрушить возможное вероломство, и договорились о ночном перемирии перед поединком.

У пещеры нубийцы собрались в кружок возле золотой богини. Они молили ее о защите и упрашивали принести победу их герою. Красной глиной они расписали тело Сути воинственными знаками.

- Не позволь сделать нас рабами, — молили они.

Египтянин сел лицом к солнцу, черпая из света пустыни силу богатырей древности, способных перемещать огромные куски гранита для строительства храмов, где обретало плоть невидимое. Вдыхая, он поглощал и концентрировал силу, заключенную в небе и земле, сосредоточившись на цели, которую обязан был достичь.

Пантера опустилась перед ним на колени.

- Это безумие. Никогда еще Адафи не проигрывал в поединке.
- Какое он предпочитает оружие?
- Метательное копье.
- Моя стрела полетит быстрее.
- Я не хочу тебя потерять.
- Раз уж хочешь быть богатой, надо рисковать. Поверь мне, другого выхода нет. Я не могу видеть, как гибнут эти нубийцы.

- А оставить меня вдовой можешь?
- Как золотая богиня ты меня защитишь!
- Когда Адафи убьет тебя, я ударю его кинжалом в живот.
- Твои соотечественники разорвут тебя на части.
- Нубийцы защитят меня... И начнется резня, которой ты так боишься!
- Если, конечно, я не выиграю поединок.
- Я похороню тебя в пустыне и заживо сожгу госпожу Тапени.
- Ты позволишь мне разжечь костер? — улыбнулся Сути.
- Я люблю тебя, когда ты мечтаешь, я люблю тебя, потому что ты мечтаешь.

* * *

Вновь туман опустился на пустыню, заглушая первые проблески утреннего света. Сути пошел вперед. Под босыми ногами скрипел песок. В правой руке он держал лук средней

дальности действия, лучший из тех, что у него были. В левой — одна стрела. Он все равно не успел бы выпустить вторую. Адафи слыл непобедимым соперником, никто не мог поставить его в опасное положение. Он был неуловим и уходил от всех погонь, занимаясь в основном тем, что вооружал повстанцев и грабителей, чтобы держать в напряжении западные провинции Дельты. Не думал ли он стать властелином на севере Египта?

Лучи солнца разорвали серый туман. Адафи в красно-зеленом одеянии и черном тюрбане гордо стоял в пятидесяти метрах от противника.

Сути понял, что погиб: в руках Адафи держал не копье, а его любимый лук, украденный из пещеры. Оружие превосходного качества из акации, способное поражать цель прямой наводкой на шестьдесят метров. По сравнению с этим лук Сути казался почти игрушечным: малая точность стрельбы вряд ли позволит поразить ливийца, в лучшем случае удастся ранить его. Если он попытается подойти ближе, Адафи выстрелит первым, даже не дав ему возможности сделать ответный выстрел.

Лицо ливийца изменилось: стало суровым и жестоким. Адафи хотел убить. Все его существо дышало смертью. С холодным взглядом он ждал, что его жертва задрожит.

Бывший офицер, воевавший на боевой колеснице, понял, почему ливиец всегда выходил победителем из поединков. Слева за пригорком, прижавшись к земле, ливийский лучник прикрывал Адафи. Интересно, он выстрелит первым, или они будут стрелять вместе?

Сути упрекнул себя в глупости. Честный и справедливый бой, верность данному слову... Адафи ни секунды об этом не думал. Учил же молодого египтянина его первый наставник, что бедуины и ливийцы часто наносят удар в спину! Теперь забывчивость будет стоить ему жизни.

Адафи, Сути и ливиец в укрытии одновременно подняли луки. Египтянин все сильнее натягивал тетиву. Это забавляло Адафи. Он предполагал, что Сути сначала выстрелит в лучника, скрывавшегося слева, а затем уже выпустит вторую стрелу в его сторону. Но у того была всего лишь одна стрела.

Краем глаза молодой человек увидел сцену, столь же жестокую, как и мгновенную: Пантера, подбравшись ползком к сидевшему на корточках ливийцу, набросилась на него сзади и перерезала ему горло. Адафи, заметив, что произошло, направил лук на женщину, распластавшуюся на песке. Сути воспользовался его оплошностью, до конца натянул тетиву, слился со стрелой и устремил весь свой дух к цели. Поняв свою ошибку, Адафи поспешил выстрелить.

Его стрела задела щеку Сути. Стрела египтянина вонзилась в правый глаз ливийца. Сраженный Адафи упал ничком на землю.

Пока нубийцы радостно славили победу, Сути отрезал правую руку поверженного врага и вознес лук к небу. Охотники пустыни и ливийцы бросили оружие и упали на колени перед обнявшимися Пантерой и Сути.

Лицо золотой богини светилось от восторга. Счастливая, богатая, целая армия у ее ног, ливийские солдаты в ее подчинении, Пантера переживала момент воплощения самых безумных мечтаний.

— Вы можете уйти или подчиниться мне, — заявил Сути. — Если вы пойдете за мной, у вас будет золото. При малейшем неповиновении — уничтожу собственной рукой!

Никто не двинулся с места: обещанное вознаграждение подкупило бы даже самых недоверчивых наемников. Сути осмотрел колесницы и лошадей и остался доволен. Имея нескольких опытных возниц и нубийских лучников, которым не было равных, бывший

помощник военачальника обладал слаженной и вполне боеспособной армией.

- Ты хозяин золота! — воскликнула сияющая Пантера.
- Ты опять спасла мне жизнь. — Сути крепко прижал ее к себе.
- Я тебе уже говорила: без меня ты не достигнешь ничего великого.

Сути раздал бывшим противникам первое вознаграждение, которое рассеяло всякую враждебность к нему. Ливийцы угощали пальмовым вином нубийцев. Братание приобрело вид пьяники, перемежавшейся песнями и смехом. Их новый начальник сидел в одиночестве, отдав предпочтение молчанию пустыни.

Пантера подошла к нему:

- Ты не забудешь обо мне в своих мечтах?
- А разве не ты их вдохновляешь?
- Ты сослужил Египту огромную службу. Убив Адафи, ты уничтожил одного из его злейших врагов.
- Что делать с этой победой?

В простой набедренной повязке и поношенных сандалиях, плохо выбритый, визирь Пазаир, смешавшись с зеваками, прохаживался по большому базару Мемфиса. Разве это не лучший способ узнать, что думает народ? Визирь радовался разнообразию товаров. Лодки непрерывно ходили по Нилу, и продукты поставлялись с завидной регулярностью. Недавняя проверка состояния портовых сооружений и искусственных каналов, где два раза в год осматривали суда, показала, что торговый флот находился в превосходном состоянии.

Пазаир отметил, что обмен шел в обычном порядке. Рост цен удалось сдержать, он не успел ударить по людям с самыми скромными доходами. Среди торговцев, как и раньше, много женщин, и они занимают самые выгодные места. Если споры затягивались, водоносы утоляли жажду спорщиков.

— Мое сердце довольно! — воскликнул крестьянин, счастливый от того, что обменял на кувшин прекрасные финики.

Толпа любопытных собралась у лавки, где два торговца разворачивали штуку превосходной льняной ткани.

— Божественное полотно! — воскликнула обеспеченная дама.

— Именно поэтому цена довольно высока, — заметил торговец.

— С тех пор как назначили нового визиря, завышение цен не приветствуется, — заметила женщина.

— Тем лучше! Можно будет больше продать и выгодней купить. Если вы берете полотно, я добавлю платок.

Пока заключалась сделка, Пазаир направился к торговцу сандалиями.

— Тебе, парень, пора сменить обувь, — посоветовал мастер. — Ты слишком долго ходил в тех, что на тебе. Очень скоро подошва лопнет.

— Мне не на что.

— У тебя хорошее лицо, я отдаю тебе в долг.

— Это против моих правил.

— Кто не берет в долг, будет богат! Давай, я недорого починю твои сандалии...

Пазаир, любивший вкусно поесть, купил медовый пирожок и чуть отошел от людей, обсуждавших, что они будут готовить к обеду. Он не услышал ни малейшего беспокойства, никаких сетований в адрес визиря. Но Пазаир все же испытывал некое волнение: никто не произносил имени Рамсеса.

Он подошел к прилавку с бальзамами и стал торговаться о цене маленького пузырька.

— Дороговато, — заметил он.

— Ты городской?

— Нет, из деревни. Величие Мемфиса притягивало меня. Рамсес Великий сделал из него самый красивый город в мире. Мне так бы хотелось его увидеть! Когда он выходит из своего дворца?

— Этого никто не знает. Говорят, будто он болен и переехал в Пер-Рамсес, в Дельте.

— Он, самый крепкий человек страны?

— Говорят, что его божественная сила иссякает, — вздохнула торговка.

— Ну так нужно ее восстановить!

— А возможно ли это?

— Так что, новый владелец...

Торговка кивнула, не дав ему договорить.

— Кто сменит Рамсеса? — поинтересовался Пазаир.

— А кто это может сказать?

Послышались крики. Толпа расступилась, открывая проход павиану. В несколько прыжков Убийца оказался у ног Пазаира. Торговка, решив, что перед ней вор, которого сейчас арестуют, набросила на шею «злодея» веревку. Но против обычая павиан не вцепился жертве в лодыжку, а остался сидеть рядом, пока не подошел Кем.

— Я сама его задержала! — похвасталась торговка. — У меня есть право на награду?

— Посмотрим, — ответил нубиец, увлекая за собой Пазаира.

— У вас такой рассерженный вид, — заметил визирь.

— Почему вы меня не предупредили?! — упрекнул его нубиец. — Вы были крайне неосторожны.

— Никто не мог меня узнать.

— Убийца же нашел вас.

— Мне нужно слышать, что говорят люди.

— Ну, и много вы узнали нового?

— Положение не блестящее. Бел-Тран подготавливает людей к падению Рамсеса.

* * *

Несмотря на важность собрания, на котором она должна была председательствовать, Нефret задерживалась. Некоторые ворчуны обвиняли ее в кокетстве. На самом же деле она оказывала срочную помощь трем добрым друзьям их дома — Проказнице, мучавшейся от несварения желудка, Смельчаку, которого душил кашель, и Северному Ветру, повредившему копыто.

При появлении главной целительницы царства все встали и поклонились ей. Легкое недовольство испарилось от очарования Нефret; когда она говорила, ее голос действовал на окружающих подобно бальзаму. Присутствие Бел-Трана удивило Нефret.

— Я прибыл сюда для участия в обсуждении расходов, — объяснил он. — Сегодня будут приняты решения, касающиеся целительства. Я должен быть уверен, что они не нарушают равновесие государственного бюджета, за соблюдение которого я несу ответственность перед визиром.

Обычно Двойной Белый дом довольствовался тем, что присыпал какого-нибудь чиновника. Визит Бел-Трана предвещал бой, к которому Нефret не была готова.

— Я не удовлетворена количеством лечебниц в столицах провинций и в больших селениях. Предлагаю открыть десять новых лечебниц подобных мемфисской.

— Постойте! — вмешался Бел-Тран. — Затраты были бы огромны.

— Главы провинций сами будут изыскивать средства для строительства, а мы направим им знающих лекарей и обеспечим работу лечебниц. Нам не понадобится помочь Двойного Белого дома.

— Будет сорвана уплата налогов!

— По указу фараона у глав провинций есть выбор: либо рассчитываться с казной через ваше управление, либо улучшать состояние местных лечебниц. По моему совету они выбрали

второе решение, которое полностью соответствует закону.

Бел-Тран вынужден был поклониться. Он не думал, что Нефret могла действовать столь умело и быстро. Без лишней шумихи она установила прочные связи с управителями на местах.

— Согласно «Книге защиты», составленной во времена наших предков, Египет не должен пренебрегать ни одним из своих детей. И нам, врачевателям, следует оказывать помощь всем, кто в ней нуждается. Рамсес в начале своего царствования пообещал счастливую жизнь молодому поколению; здоровье каждого — главная составляющая этого счастья. Поэтому я приняла решение готовить больше лекарей, чтобы каждый, где бы он ни жил, мог получить наилучшее лечение.

— Было бы неплохо изменить тактику, — заявил Бел-Тран. — Нужно поднять значимость более умелых лекарей-специалистов за счет простых целителей. Завтра, учитывая широкие связи Египта с иноземными странами, лекари-специалисты легко станут состоятельными, и мы сможем посыпать их в другие земли с выгодой для нас.

— Пока я — главная целительница царства, — уверенно заявила молодая женщина, — мы будем сохранять традицию; если поддерживать только лекарей-специалистов, медицина утратит видение главного — человеческого существа в целом, в гармонии тела и Духа.

— Если вы не согласны с моим мнением, Двойной Белый дом будет против вас.

— Это угроза?

Бел-Тран встал. Тоном, не терпящим возражений, он обратился к собранию:

— Египетская медицина — самая известная в мире. Множество чужеземных ученых живут у нас, чтобы освоить ее основы. Но необходимо пересмотреть наши традиции и сделать еще более доходным этот источник обогащения страны. Поверьте мне, ваша наука заслуживает большего! Давайте производить больше лекарств, секреты которых известны только нам. Давайте делать больше — в этом будущее.

— Мы отказываемся.

— Вы не правы, Нефret. Я пришел сюда, чтобы по-дружески предостеречь вас и ваших коллег. Отвергнув мою помощь, вы совершили непоправимую ошибку.

— Принять ее — значит предать свой долг.

— Долг не имеет торговой цены.

— Здоровье тем более! — парировала Нефret.

— Вы ошибаетесь, как и визирь. Защита прошлого приведет вас в никуда.

— Я неспособна излечить болезнь, которой вы страдаете.

* * *

Бывший визирь Баги пришел на прием к Нефret. Он жаловался на нестерпимую боль в почках и кровь в моче. Нефret более часа обследовала его и поставила диагноз — гематурия. Ее можно было вылечить специально составленным лекарством: зерна сосновых шишек, сыти, белены и нубийского меда. Принимать ежедневно перед сном. Целительница успокоила больного: лечение поможет.

— Мое тело изнашивается, — посетовал Баги.

— Вы крепче, чем полагаете.

— Сопротивляемость угасает.

— Причина вашей временной слабости — зараза. Я обещаю вам быстрое улучшение состояния, а затем вас ждет долгая старость.

— Как дела у вашего мужа?

— Он хотел бы встретиться с вами...

Пазаир к Баги шли по саду. Смельчак, счастливый от неожиданной прогулки, бежал рядом, обнюхивая цветочные клумбы.

— Бел-Тран наступает по всем направлениям, но мне пока удается сдерживать его натиск, — сказал Пазаир.

— Вам удалось завоевать доверие влиятельных чиновников Двойного Белого дома?

— Некоторые из них признают меня и недоверчивы к Бел-Трану. К счастью, его слишком очевидная прямолинейность и амбициозность отвращают от него некоторые умы. Многие писцы остаются приверженцами древней мудрости, создавшей страну.

— Я вижу, что вы стали более рассудительны, более уверены в себе, — заметил Баги.

— Это только видимость. Каждый день для меня — это сражение, и я не могу предвидеть, с какой стороны будут нанесены удары. Мне не хватает вашего опыта.

— Не заблуждайтесь. У меня уже не осталось былых сил. Фараон принял верное решение, назначив вас. Бел-Тран это понял. Он не рассчитывал на такое сопротивление с вашей стороны.

— Как же можно так предавать?! — в отчаянии воскликнул Пазаир.

— Человеческая натура способна и на худшее.

— Иногда у меня опускаются руки. Мои маленькие победы не останавливают течения дней. Весна началась, уже говорят о приближающемся половодье.

— Что думает обо всем этом Рамсес?

— Он побуждает меня к действию. Не уступая Бел-Трану ни пяди, я как бы оттягиваю развязку.

— Вы даже отвоевали часть его территории.

— Это единственное, на что я надеюсь. Ослабив его, может, я смогу заставить его засомневаться. Захват власти без должной поддержки обречен на провал. Но хватит ли мне времени, чтобы повалить опоры, на которых зиждется его здание?

— Народ ценит вас, Пазаир. Он боится вас, но любит. Вы выполняете свои обязанности наилучшим образом согласно тому, что требует от вас царь. И поверьте, это не лесть.

— Бел-Тран с радостью подкупил бы меня. Когда я задумываюсь о его проявлениях дружеских чувств, я спрашиваю себя, был ли он хоть в какой-то момент искренен? Или же с первого мгновения играл в надежде включить меня в свои далеки идущие планы.

— Разве лицемерие имеет границы? — усмехнулся Баги.

— У вас нет никаких иллюзий.

— Я отвергаю решения с наскока: они бесполезны и опасны.

— Я хотел бы показать вам некоторые документы, касающиеся кадастра и промеров земли, и попросить вас проверить, не были ли изменены некоторые сведения, — сказал Пазаир.

— С радостью, тем более что речь идет о моей первой профессии. Что вас беспокоит?

— То, что Бел-Тран и его сообщники пытаются на законных основаниях воровать земли.

Вечер выдался настолько приятным, что Пазаир позволил себе немного отдохнуть у бассейна. Нефret сидела рядом, опустив ноги в воду. Веки ее были чуть-чуть подведены тонкой зеленой полоской. Она играла на арфе. Легкая и сладостная мелодия очень нравилась визирю. Она очень гармонировала с шелестом листвьев, покачивающихся северным бризом.

Пазаир думал о Сути: как порадовался бы он такому единению. Где бродит он сейчас, какие опасности его подстерегают? Не столкнется ли он с коварством госпожи Тапени? По сведениям Кема, она все меньше и меньше занималась ткацкой мастерской, бегая по городу. Она явно рассчитывала навредить ему.

Звуки арфы успокаивали. Прикрыв глаза, Пазаир забылся, очарованный музыкой.

Этот момент и выбрал поглотитель теней, чтобы нанести удар.

Рядом с усадьбой визиря имелось единственное место для наблюдения: высокая финиковая пальма во дворе маленького дома, где жили удалившиеся на покой старики. Убийца проник в их дом, оглушил их и взобрался на вершину дерева, прихватив оружие.

Ему повезло. Все было так, как он и рассчитывал. В этот момент, когда день клонился к закату и заходящее солнце ласкало кожу, визирь, возвратившись домой раньше обычного, отдыхал рядом с женой. Место было открытым.

Поглотитель теней, сжимал изогнутый бumerанг. Именно такой использовали охотники на птиц. Павиан, сидевший на крыше дома визиря, не успел бы прийти на помощь. Страшное оружие при умелом использовании должно размозжить череп Пазаира.

Убийца получше устроился на дереве, прицелился, прикидывая линию полета бumerанга. Расстояние оказалось довольно большим, но он не промахнется. Этим оружием он владел превосходно еще с юношеских лет; убивать птиц, размозжив им голову, доставляло ему большое наслаждение.

Проказница, маленькая зеленая обезьянка Нефret, постоянно была начеку, подкарауливая падающие с дерева спелые фрукты. Она вытянула лапку и тревожно вскрикнула, инстинктивно почувствовав опасность.

Павиан Убийца в одно мгновение понял сигнал зеленой обезьянки и увидел рассекающий воздух бumerанг. В неистовом прыжке Убийца перехватил страшное оружие и упал в нескольких метрах от визиря.

Нефret от неожиданности выронила арфу. Смельчак, едва проснувшись, вскочил и бросился к хозяину.

Верный павиан, выпятив грудь, крепко держал в окровавленных лапах бumerанг и гордо смотрел на визиря Египта, которого в очередной раз спас от смерти.

Поглотитель теней в смятении бежал по переулку. Какие силы помогают этому проклятому павиану? Впервые за свою жизнь поглотитель теней начал сомневаться в своих способностях. Пазаир не такой, как все: его защищают сверхъестественные силы. Неужели богиня справедливости Маат делала визиря неуязвимым?

Нефret лечила зверя, спасшего жизнь ее мужу. Она обмыла ему лапы медной водой, продезинфицировала и перевязала рану. Крепость Убийцы в очередной раз поразила ее: несмотря на силу удара, рана была неглубокой и быстро зарубцовывалась.

— Отличное оружие, — оценил Кем бумеранг. — Возможно, оно позволит нам ухватиться за ниточку. Поглотитель теней был весьма щедр, оставил нам важную улику. Жаль, что вы его не видели.

— Я даже не успел испугаться, — признался Пазаир. — Если бы Проказница не вскрикнула...

Зеленая обезьянка осмелилась подойти к огромному павиану и потрогать его за нос. Убийца не противился. Тогда Проказница положила свою миниатюрную лапку на бедро огромного самца. Его взгляд, казалось, смягчился.

— Я вдвое расширю полосу безопасности вокруг вашего дома, — заявил начальник стражи. — И сам опрошу торговцев бумерангами. Наконец-то у нас появилась надежда найти преступника.

* * *

Между госпожой Силкет и Бел-Траном произошлассора. Бел-Тран очень трепетно относился к сыну, своему наследнику, но все же хозяином в доме хотел оставаться сам. Жена отказывалась наказывать мальчишку, а уж тем более дочь, спокойно принимая ее ложь и грубость.

Считая упреки мужа несправедливыми, госпожа Силкет пришла вдикую ярость. Утратив всякий контроль над собой, она разбила великолепный ларец, порвала дорогие ткани, растоптала роскошные платья. Уходя на службу, Бел-Тран произнес страшные слова: «Ты безумна».

Безумие... Слово пугало. Разве она не являлась нормальной любящей женщиной, рабой богатого человека, нежной матерью? Она присоединилась к заговорщикам, доверившись Бел-Трану, и, подчиняясь ему, появилась совершенно обнаженной перед старшим стражником у сфинкса, заставив того утратить бдительность. Скоро они с Бел-Траном будут царствовать в Египте.

Но темные видения наведывались кней. Позволив поглотителю теней изнасиловать ее, женщина погрузилась во мрак, который не рассеивался. Преступления, соучастницей которых она стала, мучили ее меньше, чем эта измена, источник смутного наслаждения. А разрыв с Нефret... Не было ли желание оставаться ее подругой безумием, ложью, извращением?

Кошмары следовали за кошмарами, бессонные ночи сменяли одна другую.

Помочь ей смог бы только один человек — толкователь снов. Правда, он требовал баснословные вознаграждения, но он выслушал бы ее и направил по истинному пути.

Силкет потребовала принести ей сетку, скрывавшую лицо. Служанка вошла в слезах.

— Что тебя опечалило?

— Это ужасно... Он погиб!

— Кто?

— Посмотрите.

Восхитительный куэт алоэ, расцветавший оранжевыми, желтыми и красными цветами, превратился в сухой стебель. А ведь он был не просто редким растением, подаренным Бел-Траном, но и источником лекарства, которым Силкет ежедневно пользовалась. Масло алоэ, нанесенное на половые органы, предохраняло от воспалений и способствовало единению тел. Кроме того, оно снимало зуд от красных пятен, разъедавших ногу Бел-Трана.

Силкет вдруг почувствовала себя покинутой и одинокой. Происшествие вызвало дикую мигрень. Скоро и она засохнет, как это алоэ.

* * *

Комната толкователя снов, выкрашенная в черный цвет, была погружена во мрак. Лежа на циновке с закрытыми глазами, Силкет готовилась отвечать на вопросы сирийца, клиентуру которого составляли лишь богатые и знатные дамы. Сириец ненавидел физический труд, поэтому изучил книги по магии и толкованию снов, решив, что лучше снимать чувство тоски у доверчивых женщин в обмен на заслуженное вознаграждение. В счастливом и спокойном обществе «рыбки» вылавливались не без труда, но, однажды попав в его сети, они уже не могли из них выбраться. Возможно ли, чтобы действенное лечение имело ограниченный срок? Поняв эту простую истину, он без особого труда толковал сны пациенток с большей или меньшей жестокостью. Придя растерянными, они и уходили такими, но сириец в их безумных видениях находил для них достаточно безопасное место; при этом его благосостояние ширилось. До сих пор его единственным врагом был сборщик налогов. Приходилось немало платить, чтобы работать спокойно. Но назначение Нефret главным лекарем царства его беспокоило: утверждали, что она неподкупна и не проявляет ни малейшей жалости к таким шарлатанам, как он.

— Что вам снилось в последнее время? — спросил сириец госпожу Силкет.

— Страшные видения. У меня в руках был нож, и я вонзила его в шею быка.

— И что дальше?

— Нож сломался, а бык стал топтать меня.

— Ваши отношения с мужем... приносят вам удовлетворение?

— Он поглощен работой, приходит усталый, сразу засыпает. Когда у него возникает желание, он очень торопится, слишком торопится.

— Вы должны быть совершенно откровенны со мной.

— Да, да, я понимаю...

— Вы когда-нибудь орудовали ножом?

— Нет.

— Похожим предметом?

— Нет, не помню.

— Иглой?

— Иглой, да.

— Перламутровой иглой?

— Да, конечно! Я умею ткать, это мой любимый инструмент.

— Вы нападали на кого-нибудь с иглой?

— Нет, клянусь, нет!

— Мужчина преклонного возраста... Он поворачивается к вам спиной, вы тихо подходите и вонзаете ему в шею перламутровую иглу...

Силкет закричала, стиснула кулаки и стала корчиться на циновке. Толкователь снов в испуге чуть было не бросился звать на помощь. Но неистовство прошло. Вся в поту, Силкет села:

— Я никого не убивала, — глухо, все еще во власти галлюцинаций, произнесла она. — Мне не хватило бы храбрости. Завтра, если Бел-Тран того потребует, у меня его хватит. Чтобы не потерять его, я соглашусь на все.

— Я вас вылечил, госпожа Силкет.

— Что?.. Что вы сказали?

Вам больше не нужна моя помощь.

* * *

Ослы уже были навьючены и готовы двинуться в сторону порта, когда к толкователю снов подошел Кем.

— Переселение завершается?

— Меня ждет корабль. Отправляюсь в Грецию, там мне никто не причинит вреда.

— Разумное решение.

— Вы мне обещали, что таможенники не будут ко мне придираться.

— Это зависит от тебя.

— Я задал все вопросы госпоже Силкет, как выпросили.

— Ну, и что?

— Она никого не убивала.

— Ты в этом уверен?

— Совершенно. Я шарлатан, но я знаю этот тип женщин. Если бы вы видели ее в состоянии транса, вы бы поняли, что она не притворяется.

— Забудь о ней и о Египте.

* * *

Госпожа Тапени чуть не плакала. Она сидела напротив раздраженного Бел-Трана, который углубился в папирусы, развернутые на низком столике.

— Я опросила весь Мемфис, уверяю вас! — в отчаянии воскликнула она.

— Это лишь усугубляет ваш провал, моя дорогая.

— Пазаир не изменяет жене, не играет в азартные игры, у него нет долгов, он не замечен ни в каких тайных сделках. Невероятно, но этот человек безупречен!

— Я вас предупреждал; это — визирь.

— Визирь или нет, я думала, что...

— Алчность разъедает вашу душу, госпожа Тапени. Египет остается особой страной. Его судьи, и прежде всего первый из них, считают прямоту линией поведения. Смешной пережиток, согласен, но его необходимо принимать в расчет. Пазаир верен своему долгу и

ревностно исполняет его.

Миловидная темноволосая женщина нервничала, не зная, как себя вести.

— Я ошиблась на его счет, — сказала она.

— Мне не нужны люди, которые ошибаются. Если кто-то работает на меня, ему должно все удаваться.

— Если есть хоть малейший изъян, я его обнаружу.

— А если его нет?

— Значит... нужно его создать, чтобы он ничего не знал!

— Прекрасное решение. Что вы предлагаете?

— Я подумаю, я...

— Уже все продумано. У меня есть простой план, основанный на торговле редкими предметами. Вы все еще согласны мне помочь?

— Я в полном вашем распоряжении.

Бел-Тран рассказал, что следовало делать. Провал Тапени еще более усилил его ненависть к женщинам. Как правы были греки, считавшие женщин ниже мужчин! В Египте им уделяют слишком много внимания. Бестолочь, вроде Тапени, может помешать. Следует отделаться от нее как можно скорее, продемонстрировав Пазаиру, что его хваленое правосудие беспомощно.

* * *

В мастерской под открытым небом пять человек выполняли труднейшую работу: из акации, сикоморы и тамариска они изготавливали различные бumerанги. Кем спросил хозяина, пятидесятилетнего ворчуна с грубыми чертами лица:

— Кто твои клиенты?

— Птицеловы и охотники. Тебя это так интересует?

— Да.

— На каком основании?

— Тебя взять с поличным?

Один из работников что-то шепнул хозяину на ухо. Тот сразу изменился в лице:

— Начальник стражи, у меня! Вы кого-то ищете?

— Ты сделал этот бumerанг?

Хозяин мастерской внимательно оглядел оружие, которое лишь благодаря реакции павиана не убило Пазаира.

— Отличная работа... Превосходное качество. Он может поразить цель на большом расстоянии.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Нет, это не я.

— Кто мог бы сделать такой?

— Не знаю.

— Странно.

— Сожалею, но в данном случае ничем не могу помочь.

Когда нубиец ушел, хозяин почувствовал облегчение. Начальник стражи не так уж дотошен, как о нем говорили.

Но, закрывая поздно вечером мастерскую, он изменил свое мнение.

Широкая ладонь нубийца легла ему на плечо.

— Ты солгал.

— Да нет же...

— Не лги больше. Тебе известно, что я более жесток, чем мой павиан?

— Моя мастерская работает исправно, у меня хорошие работники. Почему вы набрасываетесь на меня?

— Расскажи мне об этом бумеранге.

— Ну ладно, это я его сделал.

— Кому ты его продал?

— У меня его укралы.

— Когда?

— Позавчера.

— Почему ты сразу не сказал правду?

— Этот предмет был у вас в руках, и я подумал, что он мог быть замешан в сомнительном деле... На моем месте любой бы молчал.

— Есть какие-нибудь предположения о том, кто мог его украдь?

— Никаких. Такой ценный бумеранг... Я хотел бы получить его назад.

— Довольствуйся моим благоволением.

Ниточка, ведущая к поглотителю теней, снова оборвалась.

* * *

Нефret лечила тяжелые заболевания и проводила сложные операции. Несмотря на свою должность и груз административных обязанностей, она никому не отказывала в помощи.

Появление в лечебнице госпожи Сабабу удивило ее. Эта женщина, выглядевшая лет на тридцать, содержала самый престижный в Мемфисе дом, населенный очаровательными созданиями. Она была вполне здорова, лишь изредка ее мучил ревматизм.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила Нефret.

— Благодаря вашему лечению — хорошо. Я пришла по другой причине.

В прошлом Нефret излечила Сабабу от воспаления в плече, грозившего лишить ее возможности пользоваться рукой. С тех пор женщина испытывала к ней глубокую признательность, и, хотя и содержала дорогой публичный дом, визирь и его супруга восхищали ее. Искренность их отношений, их союз, основанный на любви, приводили ее в восторг. К сожалению, ей подобное не доступно. Искусно накрашенная, надушенная самыми дорогими благовониями и очень привлекательная, госпожа Сабабу насмехалась над условностями. Нефret не испытывала к ней ни неприязни, ни презрения и всегда была готова помочь.

Сабабу поставила перед Нефret фаянсовую вазу и сказала:

— Разбейте ее!

— Такую красивую?..

— Прошу вас, разбейте.

Нефret бросила вазу на пол и с удивлением обнаружила среди осколков каменный фаллос и вагину из лазурита, покрытые вавилонскими магическими надписями.

— Я случайно обнаружила торговлю этими предметами, — объяснила Сабабу. — Правда, рано или поздно я бы узнала об этом. Эти поделки предназначены для того, чтобы возбуждать у уставших людей желание и лечить женщин от бесплодия. Их ввозят нелегально. В других вазах был спрятан алунит, вяжущее вещество, якобы увеличивающее желание и излечивающее от импотенции. Я ненавижу подобные штучки, они извращают любовь! Воздайте честь Египту, остановите эту отвратительную торговлю!

Госпожа Сабабу, несмотря на свою деятельность, обладала чувством прекрасного.

— Вам известно, кто этим занимается? — спросила Нефret.

— Товар приходит на западную пристань ночью, больше я ничего не знаю.

— Как ваше плечо?

— Спасибо, не болит.

— Если что, не стесняясь, обращайтесь ко мне.

— Благодарю вас. Так вы займитесь этим делом?

— Я передам его визирю.

* * *

На реке поднялись волны, разбиваясь о камни заброшенной пристани, к которой направлялось судно с опущенным парусом. Капитан умело подошел к причалу, и тут же человек десять бросились разгружать товар.

Закончив разгрузку, они получали вознаграждение из рук какой-то женщины. Именно в этот момент Кем и приступил к арестам.

Женщина отбивалась, стараясь вырваться. Факел осветил ее лицо.

— Госпожа Тапени! — улыбнулся нубиец.

— Отпустите меня.

— Боюсь, что буду вынужден отправить вас в тюрьму. Разве не вы организовали подпольную торговлю?

— У меня есть защита.

— Кто?

— Если вы меня не отпустите, то пожалеете.

— Заберите ее, — распорядился Кем.

Тапени, все еще отбиваясь, яростно выкрикнула.

— Я получаю указания от Бел-Трана!..

Имея вещественные доказательства, Пазаир сразу приступил к делу. Прежде чем собрать суд, он устроил очную ставку между Бел-Траном и госпожой Тапени.

Миловидная брюнетка была вне себя от гнева. Едва появился глава Двойного Белого дома, как она крикнула ему:

— Освободите меня, Бел-Тран!

— Если эта женщина не успокоится, я уйду. Зачем меня вызвали?

— Госпожа Тапени обвиняет вас в том, что вы вовлекли ее в незаконную торговлю.

— Смешно.

— Как это «смешно»! — вспыхнула Тапени. — Я должна была продавать эти предметы достойным людям, с тем чтобы скомпрометировать их.

— Визирь Пазаир, я полагаю, что госпожа Тапени лишилась разума, — вздохнул Бел-

Тран.

— Не продолжайте в подобном тоне, Бел-Тран, иначе я все расскажу!
— Как вам угодно.
— Но... это неслыханно! Вы отдаете себе отчет...
— Ваши бредни меня нисколько не интересуют.
— Значит, вы меня бросаете?! Тем хуже для вас. — Тапени обернулась к визирю. — Среди этих вельмож вы были первой целью! Какой скандал, если бы кто-нибудь узнал, что вы и ваша очаровательная супруга придаетесь сомнительным утехам! Неплохое средство, чтобы запятнать вашу репутацию, не правда ли? Идею придумал Бел-Тран, и именно он поручил мне провести ее в жизнь.

— Презренная клевета! — усмехнулся Бел-Тран.

— Это правда!

— У вас есть хоть малейшее доказательство?

— Достаточно моего слова!

— Никто не сомневается, что вы сами затеяли эту махинацию! — парировал Бел-Тран. — Вас поймали с поличным, госпожа Тапени! Ненависть к визирю завела вас слишком далеко. Слава богам, я уже давно подозревал вас и осмелился вмешаться. Я горд тем, что донес на вас.

— Донес?..

— Это так, — кивнул визирь. — Бел-Тран написал донос относительно вашей незаконной деятельности. Вчера начальник стражи зарегистрировал его по всей форме.

— Мое сотрудничество с правосудием очевидно, — заметил Бел-Тран. — Полагаю, что госпожа Тапени будет сурово наказана. Поднять руку на моральные устои общества — непростительная вина.

Пазаир пришлось совершить долгую прогулку, чтобы погасить гнев. Его спутниками стали Смельчак и Северный Ветер. Торжествующая улыбка Бел-Трана стала оскорблением правосудию, раной столь глубокой, что даже Нефret не могла ее залечить. То, что противник потерял одну из своих союзниц, предав ее, было слабым утешением. Госпожу Тапени приговорили к небольшому сроку тюремного заключения. Это значительно улучшило положение Сути. После объявления развода ему не придется работать на свою бывшую супругу. Провал ткачихи, попавшей в западню собственной низости, делал его свободным.

Спокойная походка осла и преданное веселье пса успокоили визиря. Прогулка пешком, мирный пейзаж, величие Нила рассеяли его отчаяние. Сейчас он с удовольствием один на один сразился бы с Бел-Траном и свернул ему шею.

Впрочем, это ребячество. Ведь глава Двойного Белого дома принял меры, чтобы даже в случае его возможного устранения Рамсес был свергнут, и Египет покатился бы в мир, где безраздельно царствует алчность.

Каким безоружным чувствовал себя Пазаир перед таким чудовищем! Обычно визири, пожилые и многоопытные люди, начинали полностью разбираться в делах по истечении двух-трех лет. От молодого же Пазаира обстоятельства требовали спасти Египет до следующего половодья, и в то же время у него не было никаких возможностей действовать. Выявление противника еще ничего не значило: зачем сражаться, если война изначально проиграна?

Плутоватый взгляд Северного Ветра и преданные глаза Смельчака вернули ему решимость. Его четвероногие друзья воплощали чудесные силы: в них заключено невидимое, они указывали дороги сердца, за пределами которых жизнь лишена смысла. Вместе с ними он сможет отстоять закон Маат, светлой богини правосудия...

Кем был вне себя, когда Пазаир показался на пороге.

— При всем уважении к вам, визирь, мне хочется заявить, что ваше поведение неразумно! Один...

— У меня были спутники.

— Зачем подвергаться такому риску?

— Я не мог более выносить свой стол, подчиненных, писцов! Моя задача — следить за соблюдением Закона, а я должен склоняться перед Бел-Траном, который открыто смеется надо мной, уверенный в своей победе.

— Что изменилось со дня вашего назначения? Все это вы знали заранее.

— Вы правы, — вздохнул Пазаир.

— Вместо того чтобы сетовать на судьбу, не лучше ли заняться довольно темным делом, потрясшим провинцию Абидоса? Мне сообщили, что есть двое тяжело раненных: произошла жестокая стычка между жрецами великого храма и столичными посланниками и отказ от принудительных работ. Набралось немало серьезных преступлений, требующих вашего суда, правда, возможно, уже слишком поздно. Предлагаю резать по живому.

Апрель принес жару. Если ночи еще оставались прохладными и приятными для сна, то полуденное солнце уже вовсю припекало. Сад визиря восхищал взгляд: растения, соперничая друг с другом в красоте, составляли сочетание всех цветов радуги. Войдя после пробуждения в этот чудесный мир, Пазаир направился к водоему. Как он и предполагал, Нефret плавала обнаженная, словно возрождаясь от каждого движения. Он вспомнил мгновение, когда впервые увидел ее и любовь соединила их навеки на этой земле.

— Вода не слишком холодна? — спросил Пазаир.

— Для тебя — да! Ты можешь получить насморк.

— Об этом не может быть и речи.

Только она вышла из купальни, Пазаир обернулся ее льняной простыней и страстно поцеловал.

— Бел-Тран отказывается строить лечебницы в провинциях, — пожаловалась Нефret.

— Не важно. Твое прошение поступит ко мне со дня на день. Так как оно солидно подкреплено документами, я дам положительное решение, не боясь, что меня обвинят в пристрастности.

— Вчера он уехал в Абидос.

Ты уверена? — Пазаир нахмурился.

— Мне об этом сказал лекарь, встретивший его на пристани. Мои коллеги начали ощущать опасность. Они больше не воздают хвалу главе Двойного Белого дома. Некоторые считают даже, что ты должен отстранить его.

— В Абидосе начались волнения, пока небольшие. Я сегодня же вместе с Кемом отправляюсь туда.

* * *

Есть ли более сакральное место, чем Абидос с его огромным святилищем Осириса, где происходили таинства в честь бога, убитого и воскресшего, доступные лишь нескольким посвященным, одним из которых был фараон? Продолжая дело Сети, своего отца, Рамсес Великий благоустроил этот город и предоставил жрецам храма право пользоваться обширными плодородными угодьями, дабы они не испытывали ни в чем недостатка.

На пристани визиря встретил не высший жрец Абидоса, а Кани, верховный жрец Карнака. Они тепло поприветствовали друг друга.

— Никто не надеялся на твой приезд, Пазаир.

— Кем предупредил меня. Что-нибудь серьезное?

— Боюсь, что да. Но чтобы передать дело тебе, потребовалось бы долгое расследование. Теперь же ты сам проведешь его. Высший жрец Абидоса заболел, поэтому попросил меня помочь противостоять невообразимому давлению, которому он подвергся.

— Что от него хотят?

— То же, что и от меня и других хранителей священных мест: чтобы мы согласились отдать работников, приписанных к храмам. Многие местные управители начали самовольно забирать людей и объявили принудительные работы еще с прошлого месяца, тогда как им они потребуются только в сентябре, с началом подъема воды.

Чудовище все дальше протягивало свои щупальца, бросая новый вызов визирю.

— Мне сообщали о раненых, — вступил в разговор нубиец.

— Так и есть. Двое земледельцев отказались подчиниться чужим приказам. Их предки десять веков работали на храм, поэтому они не захотели переходить в другое хозяйство.

— Кто за всем этим стоит?

— Не знаю. Недовольство нарастает, Пазаир. Земледельцы — люди свободные, они не позволяют обращаться с ними, как с игрушками.

Разжечь бунт, нарушая законы труда, — вот что задумал Бел-Тран, уже возвратившийся в Мемфис. Выбрать Абидос в качестве первого очага было прекрасной идеей: район, считавшийся священным, явился бы прекрасным примером.

Визирю хотелось собраться с мыслями в великолепном храме Осириса, куда он имел доступ благодаря своему сану, но опасное положение заставило его отказаться от этого. Он ускорил шаг и направился к ближайшему селению. Кем мощным голосом созывал народ на главную площадь, где стояла хлебная печь. Весть разнеслась с удивительной быстротой; казалось невероятным, чтобы визирь, собственной персоной, обратился к самым скромным жителям страны. Люди сбегались отовсюду, чтобы не пропустить такое событие.

Пазаир начал речь с воздавания хвалы фараону, единственному, кто мог даровать жизнь, благодеяние и здоровье своему народу. Затем сказал о том, что по древнему обычаю, не утратившему силу и по сей день, привлечение к работам в неположенное время было незаконным и строго наказуемым. Виновные лишатся своих должностей, получат по двести палок, сами будут привлечены к работам, которые хотели вопреки закону возложить на людей, а затем будут заключены в тюрьму.

Его слова рассеяли беспокойство и гнев. Крестьяне выдали визирю главного возмутителя спокойствия. Им оказался Фекти, хозяин конюшен, владелец огромной усадьбы на берегу Нила, поставлявший лучших лошадей в царские конюшни. Этотластный и жестокий человек обычно довольствовался своим неслыханным достатком и не докучал служителям храма. Но накануне пятерых ремесленников насильно увели к нему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я знаю его, — сказал Кем Пазаиру, подходя к усадьбе Фекти. — Именно он, будучи военачальником, обвинил меня в краже золота, которую я не совершал, и из-за него я лишился носа.

— Сейчас вы начальник стражи.

— Не беспокойтесь, я сохраню самообладание.

— Если он невиновен, я не смогу позволить вам его арестовать.

— Будем надеяться, что он виновен.

— Вы представляете силу, Кем. Пусть все будет в рамках закона.

— Войдем, вы не против?

Возле деревянных ворот стоял человек, вооруженный копьем.

— Нет прохода! — грубо сказал он.

— Опусти оружие, — потребовал Кем.

— Пошел вон, черномазый, а то проткну брюхо!

Павиан схватил копье за древко, вырвал его из рук охранника и сломал пополам. Стражник с криком бросился во двор, где наездники объезжали двух породистых лошадей. Увидев павиана, лошади испугались, встали на дыбы, сбросили всадников и ускакали прочь. Толпа охранников, вооруженных ножами и копьями, преградила путь непрошеным гостям. Лысый мужчина с мощным торсом раздвинул толпу и вышел навстречу Пазаиру и Кему. Налитые кровью глаза Убийцы угрожающе блестели.

— Что означает ваше вторжение? — недовольно изрек он.

— Вы — Фекти? — спросил Пазаир.

— Да, и это хозяйство принадлежит мне. Если вы не уберетесь отсюда с вашим уродом, получите хорошую взбучку.

— Вам известно, что вас ждет за нападение на визиря Египта?

— Визиря? Вы шутите?

— Подайте мне кусок извести, — приказал Пазаир и поставил на нем свою печать.

Фекти приказал страже разойтись и пробормотал:

— Визирь... здесь. Не может быть! А этот здоровый негр с вами, кто это? Но... Узнаю! Это он! Конечно, он!

Фекти развернулся, но Убийца пресек попытку к бегству, толкнул его и повалил на землю.

— Ты больше не в армии? — спросил нубиец.

— Нет. Я предпочел разводить лошадей. Слушай, мы ведь забыли давнюю историю, и ты, и я.

— Вряд ли можно в это поверить, раз ты говоришь о ней.

— Я действовал по совести, ты же знаешь... И потом, это же не помешало тебе возвыситься. Поговаривают, будто ты телохранитель визиря?

— Начальник стражи. — Нубиец схватил Фекти за руку, мокрую от пота, и поднял его.

— Где ты прячешь пятерых ремесленников, которых захватил силой?

— Я? Это клевета.

— Разве твои охранники не сеют панику, действуя под прикрытием закона?

— Сплетни!

— Мы устроим очную ставку твоих наемных рабочих и истцов.

Гrimаса исказила лицо Фекти:

— Я не позволю!

— Вы в нашей власти, — напомнил Пазаир. — Полагаю, что нужен обыск. Но сначала мы, разумеется, разоружим ваших людей.

Охранники, не зная, что делать, не проявили достаточной осторожности по отношению к павиану. Перескакивая от одного к другому, тот наносил им удары, выхватывая копья и кинжалы. Присутствие визиря умерило их пыл, к великому несчастью Фекти, чувствовавшего себя брошенным собственными челядинцами.

Пятеро ремесленников оказались заперты в зернохранилище, к которому Пазаира привел Убийца. Освободившись, они стали наперебой рассказывать, как их, угрожая, принудили ремонтировать стены усадьбы и чинить мебель.

В присутствии обвиняемого визирь сам записал показания. Фекти был признан виновным в отвлечении людей от общественных работ и насилиственном принуждении.

Кем взял в руки тяжелую палку:

— Визирь поручает мне привести в исполнение первую часть приговора.

— Не делай этого! Ты убьешь меня!

— Несчастный случай не исключен. Я не всегда могу рассчитать свою силу.

— Что ты хочешь узнать?

— Кто вдохновил тебя на этот поступок?

— Никто.

Кем замахнулся палкой и произнес:

— Ты плохо врешь.
— Нет, не бей меня! Я получил указания, это так.
— От Бел-Трана?
— Зачем тебе это знать? Он же все равно будет все отрицать!
— Так как мне нечего надеяться на откровение, получай двести палок, согласно закону.
Фекти припал к ногам нубийца:
— Если я буду сотрудничать, ты отведешь меня в тюрьму без побоев?
— Если визирь согласен...
Пазаир кивнул.
— То, что произошло здесь — ерунда. Лучше возьмитесь за службу найма иноземных рабочих, — сказал Фекти.

Мемфис дремал под лучами теплого весеннего солнца. В корторах службы найма иноземных работников был час полуденного отдыха. Греки, финикийцы, сирийцы ожидали, когда чиновники наконец займутся ими. Пазаир вошел в тесное помещение. При его появлении те встали, решив, что пришел кто-то важный. Визирь поинтересовался, что здесь происходит. Перекрикивая возмущенный ропот, молодой финикиец решил сказать за всех:

- Нам нужна работа.
- Что вам обещали?
- Что она у нас будет, ведь мы нанимаемся согласно закону.
- Чем вы зарабатываете на хлеб?
- Я — плотник, и я знаю работодателей, готовых взять меня.
- И что тебе предлагают за твою работу?
- Каждый день — пиво, хлеб, сущеная рыба или мясо, овощи; каждые десять дней — масло, мази, благовония. По мере необходимости — одежда и сандалии. Восемь рабочих дней и два выходных, не считая праздников и законного отдыха. Любое отсутствие на рабочем месте — только с оправданием.
- Это условия работы египтян. Ты принимаешь их?
- Они намного лучше, чем в моей родной стране. Но мне, как и другим, необходимо согласие иммиграционной службы! Почему нас держат здесь уже больше недели?

Пазаир опросил и других. Все жаловались на одно и то же.

- Вы дадите нам разрешение?
- Сегодня же.

В комнате появился писец с внушительным животом.

— Что здесь такое? Ну-ка, сядьте и замолчите! Иначе я, как начальник службы, выгоню вас вон!

- Ваше поведение, пожалуй, слишком грубо, — заметил Пазаир.
- За кого вы себя принимаете?
- За визиря Египта.

Воцарилась тишина. Иноземцы были в смятении: одни испытывали надежду, другие — страх. Писец уставился на печать, которую Пазаир поставил на листе папируса.

— Простите, — пробормотал писец, — меня не предупредили о вашем визите.

— Почему вы не даете разрешения этим людям? Они здесь находятся на законных основаниях.

- Слишком много работы, не хватает сотрудников...
- Неправда. Прежде чем прийти сюда, я изучил, как работает ваша служба. У вас нет недостатка ни в средствах, ни в людях. Вы получаете высокое жалованье, платите только десять процентов налогов и получаете вознаграждения, не подлежащие налогообложению. У вас прекрасный дом, красивый сад, колесница, лодка и двое слуг. Я не ошибся?

— Нет... нет...

Закончив перерыв, другие писцы вернулись на службу.

— Скажите вашим подчиненным, чтобы они выдали разрешения, — приказал Пазаир, — и следуйте за мной.

Визирь шел с писцом по улочкам Мемфиса. Среди простого люда чиновник, казалось,

чувствовал себя неуютно.

— Вы работаете четыре часа утром и четыре — во второй половине дня после длительного перерыва на обед, таков порядок вашей работы, не так ли? — напомнил Пазаир.

— Совершенно точно.

— Сдается мне, что вы не слишком-то его соблюдаете.

— Мы стараемся изо всех сил.

— Работая мало и плохо, вы нарушаете интересы тех, кто зависит от ваших решений.

— Уверяю вас, я не замышлял ничего подобного.

— Тем не менее результат плачен.

— Ваша оценка кажется мне излишне жесткой. Давать работу иноземцам — нелегкая задача. Нередко у них бывает дурной характер, они плохо говорят на нашем языке, медленно привыкают к нашим условиям жизни.

— Допускаю, но посмотрите вокруг себя; среди торговцев и ремесленников немало иноземцев, поселившихся здесь, или их потомков. Если они подчиняются египетским законам, наши двери открыты для них. Я хотел бы взглянуть на ваши архивы.

Чиновник нахмурился:

— Это довольно сложно...

— Почему?

— Мы занимаемся сейчас составлением новых списков. Это займет несколько месяцев. Я вас извещу, как только закончим.

— Сожалею, но я спешу.

— Но... это и в самом деле невозможно!

— Неразбериха меня не пугает. Вернемся к вам.

У чиновника задрожали руки.

Сведения, которые только что удалось получить Пазаиру, были важны. Но как использовать их? Вне всякого сомнения, служба найма иноземных работников в какой-то мере занималась незаконной деятельностью. Но каков ее размах? Это предстояло выяснить и вырвать корни зла.

Начальник службы не солгал: архивы занимали весь пол длинных комнат, где они хранились. Несколько чиновников складывали в стопки деревянные дощечки и нумеровали папиросы.

— Когда вы начали эту работу? — поинтересовался у них Пазаир.

— Вчера, — ответил старший.

— Кто приказал?

Мужчина не знал, что ответить, но взгляд визиря убедил его не лгать.

— Двойной Белый дом... По давно установившейся традиции, они запрашивают имена прибывших иноземцев и характер их деятельности, чтобы установить размер податей.

— Ну что же, почитаем.

— Невозможно, совершенно невозможно.

— Этот тяжкий труд будет напоминать мне мои первые годы службы судьей в Мемфисе. Вы можете идти. Двое добровольцев мне помогут.

— Мой долг быть вашим помощником, и...

— Возвращайтесь к себе. Увидимся завтра, — произнес Пазаир тоном, не терпящим возражений.

Двое молодых писцов, служивших здесь всего несколько месяцев, были счастливы

помочь визирю. Тот снял платье и сандалии, опустился на колени и принял изучать документы. Задача казалась невыполнимой, но Пазаир надеялся, что судьба подаст ему хоть какой-нибудь мельчайший знак, который выведет его на верный путь.

— Странно, — заметил молодой его помощник, — при бывшем начальнике службы Сехеме у нас никогда не было такой спешки.

— Когда его сменили?

— В начале месяца.

— Где он живет?

— В садовом квартале, у большого источника.

Пазаир вышел на улицу. У входа стоял Кем.

— Ничего подозрительного. Убийца патрулирует вокруг здания, — доложил он.

— Вызовите свидетеля и приведите его сюда, — распорядился визирь.

Сехем, что означает «сильный», оказался тихим и застенчивым пожилым человеком. Вызов в качестве свидетеля напугал его, а уж появление перед визиром повергло в глубокую тоску. Пазаир слабо представлял его в качестве отпетого мошенника, но научился не доверять внешности.

— Почему вы оставили свой пост? — начал он допрос.

— Приказ сверху. Меня перевели в службу контроля за движением судов, это гораздо ниже моей прежней должности.

— За какую провинность?

— По-моему, ни за какую. Я проработал на своем посту двадцать лет, не пропустил ни одного рабочего дня, но имел глупость не согласиться с указаниями, которые показались мне ошибочными.

— Точнее.

— Я не терпел задержек в оформлении и всегда контролировал нанятых работников. Когда иноземец нанимается на службу к хозяину угодий или в мастерскую ремесленников, он запрашивает хорошую плату и очень скоро обзаводится землей и жилищем, которые может завещать своим потомкам. Но почему-то последние три месяца большинство просителей направлялись на судостроительную верфь, относящуюся к Двойному Белому дому.

— Покажите мне списки.

— Достаточно заглянуть в архивы.

— Боюсь, что вас постигнет разочарование.

Сехем был обескуражен, узнав, что произошло.

— К чему эта бесполезная работа?! — воскликнул он, глядя на заваленный дощечками и папирусами пол.

— На чем были эти списки?

— На табличках из сикоморы.

— Вы сможете найти их здесь?

— Надеюсь.

Новое разочарование постигло Сехема. После бесплодных поисков он вынужден был признать:

— Они исчезли! Но есть черновики. Пусть даже неполные, они будут полезны.

Молодые писцы вытаскивали известковые черепки из ящиков, где они хранились. При свете факелов Сехем нашел ценные черновики.

Судостроительная верфь напоминала улей в момент наибольшей активности: мастера отдавали краткие и точные распоряжения плотникам, нарезавшим из акации длинные доски. Каждый занимался своим делом в строительстве лодки, приставляли доски, скрепляя их между собой в паз и шип, смолили готовые судна.

— Вход запрещен, — заявил стражник, увидев Пазаира, Кема и павиана.
 — Перед тобой визирь.
 — Вы?..
 — Позови хозяина.

Тот не заставил просить себя дважды. Прибежал мужчина высокого роста. Весь его вид подчеркивал уверенность в себе. Заметив павиана начальника стражи, он склонился перед визирём:

— Чем могу служить?
 — Я хотел бы встретиться с иноземными работниками. Вот их имена. — И Пазаир протянул список начальнику верфи.
 — Здесь таких нет.
 — Подумайте хорошенько.
 — Нет, уверяю вас...
 — Я располагаю официальными документами, подтверждающими, что вы наняли три месяца назад полсотни иноземцев. Где они?

Реакция собеседника была молниеносной. Он настолько стремительно бросился в сторону маленькой улочки, что на секунду даже Убийца растерялся, но затем, перескочив через ограду, прыгнул на спину беглецу и повалил его на землю.

Кем приподнял задержанного за волосы:
 — Так, мы слушаем тебя, парень.

Хозяйство, расположенное к северу от Мемфиса, располагало обширными угодьями.

Ближе к вечеру визирь в сопровождении отряда стражников вошел во двор и обратился к крестьянину, пасшему гусей:

— Где иноземцы?
 Внушительный вооруженный отряд произвел впечатление на крестьянина, и тот молча указал на хлев.

Когда Пазаир подошел к строению, оттуда выскочили люди, вооруженные серпами и палками, и преградили ему путь.

— Воздержитесь от насилия, — предупредил визирь, — и пропустите нас внутрь.

Один, наиболее воинственный, поднял серп, но тотчас нож, брошенный Кемом, вонзился в его руку. Остальные охранники отступили.

В хлеву полсотни закованных в цепи иноземцев доили коров и перебирали зерно. Визирь приказал немедленно освободить их и арестовать охранников. Затем он отправился к главе Двойного Белого дома.

Бел-Тран лишь посмеивался:

— Рабы? Да, как во всем Средиземноморье! Рабство дает смиренную и недорогую рабочую силу. Благодаря ему мы развернем обширное строительство и получим колоссальную выгоду.

— Следует ли мне вам напоминать, что рабство противоречит Закону и запрещено в Египте?

— Если вы хотите привлечь меня к ответственности, оставьте. Вы не сможете установить никакой связи между мной, судоверфью, крестьянским хозяйством и службой найма иноземных работников. Без свидетелей скажу: я проводил важный опыт, который вы совершенно некстати прервали, но он успел принести свои плоды. Вы со своими законами цепляетесь за прошлое. Когда же вы наконец поймете, что Египет Рамсеса мертв?

— Почему вы так ненавидите людей? — нахмурившись, спросил Пазаир.

— Существуют две расы: повелителей и подчиненных. Я принадлежу к первой, вторая должна мне подчиняться. Вот единственный действующий закон.

— Только в вашей голове, Бел-Тран.

— Многие вельможи согласны со мной, ведь они тоже хотят стать повелителями. Даже если их надежды и тщетны, они сослужат мне хорошую службу.

— Пока я визирь, никто не станет рабом на земле Египта.

— Этот бой угасающими силами должен был бы меня огорчать, но ваши бесполезные потуги скорее забавляют. Хватит истощать себя, Пазаир. Вы, как и я, знаете, что ваши действия никчемны и бесполезны.

— Я буду сражаться с вами до последнего вздоха.

Сути с грустью смотрел на свой лук из акации, проверял прочность дерева, натяжение тетивы, пружинистость дуги.

— А что, нет ничего лучше, чем можно было бы заняться? — спросила Пантера ласковым голосом.

— Если ты хочешь царствовать, мне нужно надежное оружие.

— У тебя есть оружие, вот и пользуйся им.

— Ты считаешь, что с ним я смогу одолеть египетское войско?

— Сначала установим свой закон песков. Под твоим началом ливийцы и нубийцы побратались: это уже чудо. Заставь их сражаться, и они подчинятся. Ты — хозяин золота, Сути. Захвати землю, на которой мы будем господствовать.

— Ты и в самом деле сумасшедшая.

— Ты хочешь отомстить, мой милый, отомстить своему другу Пазаиру и своему проклятому Египту, — убеждала она. — С золотом и воинами тебе это удастся. — Пантера страстно его поцеловала.

Поверив, насколько волнующим могло быть приключение, военачальник Сути обходил лагерь. Опьянение первых дней прошло. Ливийцы начали осознавать, что Адафи мертв и убил его Сути. Конечно, они должны были держать слово, данное перед богами. Но нарастало глухое недовольство. Во главе недовольных стоял некий Джесет. Невысокого роста, широкоплечий, черноволосый, вспыльчивый и быстрый, он умело орудовал ножом. Джесет был правой рукой Адафи и не мог перенести то, что власть оказалась в руках египтянина.

Сути обошел лагерь и похвалил воинов: они хорошо ухаживали за оружием, тренировались и содержали себя в чистоте. Джесет в сопровождении пяти воинов подошел к Сути:

— Куда ты ведешь нас?

— А ты как думаешь?

— Меня не устраивает твой ответ.

— Я считаю твой вопрос неуместным.

Джесет нахмурил густые брови.

— Со мной не разговаривают таким тоном.

— Подчинение и почтение — первые добродетели хорошего воина, — заметил Сути.

— При условии, если хороший предводитель, — усмехнулся Джесет.

— Я не устраиваю тебя как военачальник?

— Как ты можешь сравнивать себя с Адафи?

— Побежден был он, а не я, и даже обман не помог ему.

— Ты обвиняешь его в обмане?

— А разве не ты закопал труп его приспешника?

Джесет стремительно выхватил нож и попытался вонзить его в живот Сути. Тот увернулся и, ударив ливийца локтем в грудь, опрокинул на землю и, не давая подняться, ногой вдавил его голову в песок.

— Либо ты подчинишься, либо задохнешься, — прорычал Сути.

Взгляд египтянина разубедил ливийцев вступаться за товарища. Джесет бросил нож и

стукнул кулаком по земле, показывая, что сдался.

— Вздохни, — разрешил Сути, ослабляя нажим.

Джесет выплюнул песок и перевернулся на бок.

— Хорошо, а теперь послушай меня, мелкий предатель, — продолжал Сути. — Боги дозволили мне убить обманщика и встать во главе хорошего войска. Я не упущу этот шанс. А ты заткнешься и будешь воевать за меня. А если нет — уноси ноги.

Джесет присоединился к другим воинам.

Армия Сути продвигалась на север вдоль долины Нила, держась подальше от населенных районов. Она шла самым трудным и безлюдным маршрутом. Обладая врожденным инстинктом управления, молодой воин умел распределять усилия и внушал доверие подчиненным; никто больше не оспаривал его власть.

Сути и Пантера ехали верхом впереди войска. Ливийка наслаждалась каждой секундой немыслимой победы, будто стала госпожой этой негостеприимной земли. Сути внимательно слушал пустыню.

— Мы надули дозорных, — с улыбкой заявила девушка.

— Золотая богиня ошибается. Уже два дня они идут по нашему следу.

— Откуда ты знаешь?

— Ты не доверяешь моему чутью?

— Почему же они не нападают?

— Потому что нас слишком много. Они должны собрать вместе несколько патрульных отрядов.

— Ударим первыми!

— Повременим.

— Ты не хочешь убивать египтян, не так ли? И в этом твой великий замысел — быть продырявленным стрелами своих же соотечественников?!

— Если мы не сможем отделаться от них, как я смогу подарить тебе царство?

* * *

Стражи пустыни, или «те, что пронизывают взглядом», не верили глазам. Со своими собаками они без конца прочесывали пустынные просторы, задерживали грабителей-бедуинов, охраняли караваны и обеспечивали безопасность рудокопов. Ни одно передвижение кочевников не оставалось незамеченным ими. Ни один вор не мог долго радоваться награбленному. Многие десятилетия те, что пронизывают взглядом, душили в зародыше малейшую попытку нарушения установленного порядка.

Когда разведчик сообщил о войске, двигавшемся с юга, ему не поверил ни один офицер. Только после тревожного донесения патруля началась подготовка к операции, для которой требовалось собрать все силы, рассеянные по обширной территории.

Закончив объединение, они задумались о том, как действовать дальше. Кто эти бродячие воины? Кто командовал ими? Чего они хотели? Необычный союз нубийцев с ливийцами предсказывал, что стычка будет жестокой. Однако у стражей пустыни было достаточно сил, чтобы изгнать непрошеных гостей, не обращаясь за помощью к армии. Они совершают подвиг, который поднимет их авторитет и принесет награду.

Враг допустил грубую ошибку, расположившись лагерем за линией холмов, из-за

которых те, что пронизывают взглядом, и нанесут удар. Они пойдут в наступление, как только начнет смеркаться и ослабеет внимание часовых. Им перережут горло, затем пошлют тучу смертоносных стрел и, наконец, закончат бой в рукопашную. Операция будет стремительной и жестокой. Если останутся пленные, их заставят говорить.

Когда пустыня окрасилась в красный цвет, те, что пронизывают взглядом, как ни старались, не смогли разглядеть охрану лагеря. Опасаясь засады, они продвигались вперед крайне осторожно. Поднявшись на вершину холмов, штурмовые отряды не обнаружили противника. Сверху они осматривали лагерь. К их удивлению, он был пуст! Брошенные колесницы, распряженные лошади, свернутые палатки свидетельствовали о бегстве странной армии. Видимо поняв, что его засекли, отряд поспешил убраться восвояси.

Что ж, победа оказалась легкой. Разумеется, за ней последует яростная погоня и захват пленных. Охранники перепишут все захваченное имущество и оставят себе его часть.

С недоверием, мелкими группами, прикрывая друг друга, они вошли в лагерь. Самые храбрые подошли к колесницам, откинули чехлы и обнаружили... золотые слитки. Они тотчас позвали своих соратников, которые столпились вокруг сокровища. В изумлении многие бросили оружие и как зачарованные любовались чудесным металлом.

В десятках мест пустыня вдруг разверзлась. Сути и его воины спрятались, закопавшись в песок. Сделав ставку на притягательную силу оставленного лагеря и запаса золота, они знали, что бой будет скоротечным, и набросились сзади. Оказавшись в окружении, стражи пустыни поняли, что сопротивление бесполезно.

Сути поднялся на колесницу и произнес:

— Если будете вести себя разумно, вам нечего бояться. Вы не только останетесь жить, но и сделаетесь богатыми, как ливийцы и нубийцы под моим началом. Мое имя — Сути. До того как принять командование отрядом, я был офицером египетской армии. Это я избавил Египет от паршивой овцы — полководца Адлера — убийцы и предателя. Я покарал его смертью по закону пустыни. Золото по праву принадлежит мне.

Кое-кто узнал молодого человека. Слава Сути вышла далеко за пределы Мемфиса. Некоторые говорили о нем как о легендарном герое.

— Разве ты не был заключен в крепость Чару? — спросил начальник.

— Гарнизон попытался избавиться от меня, выставив в качестве искупительной жертвы нубийцам. Но золотая богиня не оставила меня.

Пантера вышла вперед, освещенная лучами заходящего солнца, в которых блестали ее диадема, ожерелья и браслеты. Победители и побежденные смиренно уверовали в появление великой богини, вернувшейся наконец с таинственного дикого юга, чтобы нести Египту радость и любовь. Они покорно пали на землю.

Начался праздник. Любовались золотом, пили, ели, строили сказочные планы на будущее, воспевали красоту золотой богини.

— Ты счастлив? — спросила Пантера Сути.

— Могло быть хуже.

— Я не переставала спрашивать себя: как ты поступишь, чтобы не убить ни одного египтянина... Благодаря мне, ты становишься хорошим военачальником.

— Этот союз очень хрупок.

— Доверься.

— Что ты хочешь завоевать?

— Все, что встретится на пути. Оставаться без движения невыносимо. Пошли вперед,

раздвинем наши пределы.

Вдруг из темноты с поднятым кинжалом возник Джесет и бросился на Сути. Тот, как кошка, отпрыгнул вбок, уклонившись от смертельного удара. Как только прошел первый испуг, Пантера даже улыбнулась: разница в росте и силе была настолько очевидной, что ее возлюбленному не понадобилось бы никаких усилий, чтобы раздавить мерзкого маленького ливийца.

Но Сути промахнулся. Воодушевившись, Джесет попытался вонзить нож ему в сердце. Сноровка снова спасла египтянина, но, уклоняясь от удара, он потерял равновесие и упал навзничь. Пантера тут же ударом ноги выбила нож из рук нападавшего. Бешеное желание убить удвоило силы Джесета. Он оттолкнул белокурую ливийку, схватил огромный камень и хотел обрушить его на голову Сути. Тот оказался недостаточно проворен: защитив голову, он не сумел избежать удара по руке и вскрикнул от боли.

Джесет взревел от радости. Подняв окровавленный камень, он встал перед раненым:

— Подохни, египетский пес!

С застывшими глазами и открытым ртом, ливиец вдруг выпустил из рук свое случайное оружие и повалился на землю рядом с Сути, умерев еще до того, как коснулся земли. Пантера не промахнулась, вонзив в затылок Джесета его собственный кинжал.

— Ты почему так плохо защищался? — удивилась она.

— Я ничего не вижу... Я ослеп!

Пантера помогла Сути подняться. Тот скорчился от боли:

— Моя рука... Она сломана.

Пантера отвела его к старому нубийскому воину.

— Положите его на спину, — приказал тот двум солдатам, — и подложите свернутую ткань между лопатками. Ты стань справа, а ты — слева.

Двое негров одновременно дернули Сути за руки. Старый воин определил перелом плеча и устранил смещение костей, не обращая внимания на дикие крики несчастного. Две шины, проложенные мягкой льняной тканью, должны были помочь выздоровлению.

— Ничего серьезного, — заявил бывалый воин. — Он может идти и командовать.

Несмотря на боль, Сути поднялся.

— Отведи меня в мою палатку, — прошептал он на ухо Пантере.

Сути шел медленно, боясь споткнуться. Белокурая ливийка привела его и помогла сесть.

— Никто не должен знать, что я ослеп.

— Спи, я покараулю...

На рассвете Сути проснулся от боли. Но он тотчас забыл о ней, настолько чудесным показался ему пейзаж, который он увидел.

— Я вижу, Пантера, я вижу! — воскликнул египтянин.

— Свет... Тебя вылечил свет!

— Я знаю этот недуг. Приступ ночной слепоты. Он повторится в самый неожиданный момент. Меня может излечить лишь один человек — Нефret.

— Но мы далеко от Мемфиса.

— Подойди.

Вскочив вдвоем на коня, они понеслись вскачь. Они проскакали между дюнами, пронеслись галопом по пересохшему руслу реки и взобрались на каменистый холм. С вершины им открылась чудесная панорама.

— Взгляни, Пантера, взгляни на белый город у горизонта! Это Коптос. Мы идем туда.

Нестерпимая майская жара погрузила огромный некрополь Саккары в оцепенение. Жрецы, следившие за непрерывностью заупокойных приношений хозяевам гробниц, передвигались все медленней. Только бальзамировщик Джуи не имел права на отдых: ему только что доставили три трупа, которые он согласился как можно быстрее подготовить к путешествию в мир иной. Бледный, небритый, худой, он вытаскивал внутренние органы и бальзамировал тело тем тщательнее, чем больше была плата. В эти потерянные для всех часы он приносил цветы к некоторым усыпальницам, за что получал от родственников покойных небольшие вознаграждения, существенное дополнение к жалованью. Заметив визиря и его жену, которые шли к гробнице Беранира, Джуи поклонился.

Время не уменьшило горе и не залечило рану. Без Беранира Пазаир и Нефret ощущали себя сиротами: никто и никогда не смог бы заменить им убитого учителя. Беранир был воплощением мудрости, царствующей в Египте, которую Бел-Тран и его приспешники пытались уничтожить.

Поклоняясь памяти Беранира, Пазаир и Нефret приобщились к длинной череде предков-творцов, преисполненных духом Истины и мудрого правосудия, — устоями, на которых была основана страна воды и солнца. Беранир не ушел в небытие. Его невидимое присутствие вело их, его дух начертал путь, который они еще не могли различить. Только единение сердец поможет им пройти этим путем.

* * *

Визирь тайно встретился с царем в храме Птаха. Официально Рамсес Великий жил в центре Дельты, в прекрасном городе Пер-Рамсес, отличавшемся мягким климатом.

- Наши враги, должно быть, считают меня растерянным и поверженным.
- Нам остается менее трех месяцев, мой повелитель.
- Ты продвинулся?
- Недостаточно. Незначительные победы, которые не свергнут Бел-Трана.
- Его приспешники?
- Их много. Некоторых я определил.
- Я тоже. В Пер-Рамсесе я навел порядок в армейском корпусе, призванном охранять наши границы с Азией. Некоторые высшие офицеры получали незаконные вознаграждения от Двойного Белого дома через подставных лиц. У Бел-Трана изворотливый ум. Чтобы обнаружить следы его проделок, нужно разбирать сложные ходы и сети, которые он сплел.
- Каждый день я обнаруживаю новую язву, — с грустью сказал Пазаир.
- Что-нибудь слышно о Завещании богов?
- Ни одной ниточки.
- Убийца Беранира?
- Ничего определенного.
- Нужно нанести мощный удар, Пазаир, и узнать истинные границы области, где властвует Бел-Трап. Так как времени у нас мало, проведем перепись.
- Это займет не одну неделю!

— Попроси помочь у Баги и привлеки всех чиновников. И пусть главы провинций займутся этим в первую очередь. Менее чем через две недели мы получим первые результаты. Я хочу знать реальное положение дел в стране и размах заговора.

* * *

Бывший визирь с опухшими ногами и сгорбленной спиной, несмотря на утомленность, приветливо встретил Пазаира. А вот его супруга была не рада визиту: она не выносила, когда к мужу наведывались некстати и отрывали его от заслуженного отдыха.

Пазаир отметил, что небольшой дом в центре города постепенно приходил в упадок, во многих местах штукатурка облупилась. Он ничего не сказал, чтобы не огорчать своего предшественника, но обязательно пошлет людей, чтобы они отремонтировали и покрасили все постройки на этой улице, включая и дом Баги. Оплачивать работы визирь будет из своих средств.

— Последняя перепись проводилась пять лет назад. Думаю, ее сведения полезно освежить, — сказал Пазаир. — Но я хотел бы провести ее как можно быстрее.

— Это возможно, при условии активного участия царских посланников, — заметил Баги.

На царских посланников возлагалась передача царских распоряжений. От них зависела скорость, распространения указов по всей стране.

— Я отведу вас в службу переписи, — добавил Баги. — В конечном итоге вы и сами поймете, как она работает, но благодаря этому мы выиграем несколько дней.

— Не изволите ли воспользоваться моими носилками, — предложил Пазаир.

— Ну, чтобы быть вам полезным...

Царские гонцы явились все до единого. Когда визирь открыл заседание совета, повесив фигурку Маат на золотую цепочку, все склонились перед богиней истины.

В традиционном одеянии визирей — длинном накрахмальном переднике, сшитом из плотной ткани, Пазаир сел на кресло с прямой спинкой:

— Я созвал вас по приказу фараона, чтобы поручить задачу исключительной важности: перепись, быструю, как взлет птицы. Я желаю знать имена людей, в чьей собственности находятся поля и сельскохозяйственные угодья; число голов скота и их владельцев; количество жителей. Не стоит вам напоминать, что заведомая ложь или нерадивость будут расценены как грубые проступки, за которыми последуют строгие наказания.

Один из посланников взял слово.

— Обычно перепись проводится в течение нескольких месяцев. Чем вызвана такая спешка?

— Необходимо оценить величину государственных доходов и расходов, и я хотел бы знать, насколько сильно изменилось состояние страны за пять лет.

— Удовлетворить ваши требования будет нелегко, но мы сможем сделать это, быстро собрав все учетные документы, составляемые изо дня в день. Не изволите ли уточнить: речь идет о подготовке новых податей?

— Никогда перепись не велась с этим тайным умыслом. Как и прежде, ее цель — полное и правильное распределение задач. Даю вам слово визиря.

— Первые сведения поступят к вам через неделю.

В Карнаке, где сфинксы охраняли от непосвященных вход в храм, цвели тамариски. Весна разливала свои сладковатые ароматы, на солнце сверкали бронзой главные врата.

Нефret возглавляла ежегодное собрание старших лекарей главных городов Египта, собравшихся в храме богини Мут, где их когда-то посвящали в секреты искусства врачевания. Как всегда, они обсудят вопросы, возникающие у целителей, и расскажут о самых важных своих находках, которые используют затем составители лекарственных смесей, ветеринары, врачеватели зубов и глаз, желудка и кишечника, знатоки внутренних жидкостей и скрытых органов. В большинстве пожилые люди, они любовались свежим лицом главной целительницы царства, ее длинной шеей, тонким станом, изящными запястьями и лодыжками. На голове Нефret была диадема из цветов лотоса с вкраплениями жемчужин, на шее — амулет, подаренный Бераниром, чтобы уберечь от порчи и вредных воздействий.

Великий жрец Карнака Кани открыл собрание:

— Благодаря богам ныне во главе целителей Египта стоит исключительная женщина, благодаря которой мы возвращаемся к истинной традиции врачевания, которой учили Имхотеп. Не сойдем более с пути, и Египет познает здоровье души и тела.

Нефret не любила речей и потому сразу начала с самого важного.

— Сейчас идет перепись, — сообщила она. — Благодаря быстроте царских гонцов мы уже имеем некоторые результаты. Один из них непосредственно касается нас: слишком быстрый рост населения в некоторых провинциях. Если мы об этом забудем, то обречем наш народ на нищету.

— Что вы предлагаете?

— Чтобы сельские лекари рекомендовали противозачаточные средства.

— Ваш предшественник положил этому конец, ведь приходилось бесплатно раздавать необходимые для этого продукты.

— Такой подход недальновиден и опасен. Нужно вернуться к раздаче противозачаточных средств, изготовленных на основе акации. Молочная кислота, содержащаяся в шипах, очень действенна.

— Конечно, но чтобы ее сохранить, нужно перемолоть их с финиками и смешать с медом. А мед дорог!

— Многодетные семьи разорят деревни. Нужно, чтобы местные лекари убедили в этом людей. Что же касается меда, я попрошу визиря выделить необходимое количество...

На закате Нефret вышла на дорожку, ведущую к храму Птаха. В стороне прятался маленький алтарь. Нефret в одиночестве вошла в святилище, где возвышалась статуя львицы Сехмет, покровительницы врачевателей и воплощение таинственных сил, порождающих одновременно и болезни, и лекарства от них.

Богиня с телом женщины и головой львицы была погружена в темноту. Лишь последний луч солнца, проникнув сквозь узкую щель в потолке, на секунду осветил лицо той, что наводила ужас. Без ее помощи ни один лекарь не мог рассчитывать на выздоровление больного.

И вновь произошло чудо, как и во время их первой встречи: львица улыбнулась. Ее черты смягчились, взгляд опустился на верную служительницу культа богини. Придя молить

о мудрости, Нефret соединилась с духом живого камня. Своей нерушимой силой божество передавало то знание, по сравнению с которым знания человека казались лишь случайными пробуждениями.

Молодая женщина провела ночь в раздумьях. Когда яркий утренний свет вернул статуе карающий облик, Нефret больше ее не боялась.

* * *

По Мемфису прокатился слух, что собрание у визиря будет необычным. Девять друзей фараона, а так же многочисленные сановники толпились в зале, окруженном колоннами. Одни говорили об отставке Пазаира, сломавшегося под грузом ответственности, другие — о скандале с непредсказуемыми последствиями.

Против своего обычая, Пазаир созвал не узкий круг подчиненных, а пригласил на собрание весь двор.

— По приказу фараона я начал перепись, первый этап которой завершен благодаря прекрасной работе царских гонцов, — начал он.

— Визирь старается заручиться поддержкой людей с самым трудным характером, — прошептал старый вельможа.

— Не забывает и о себе, говоря об их заслугах, — добавил сосед.

— Я должен рассказать о ее результатах, — продолжал Пазаир суровым тоном. — Слишком быстрый рост населения в трех северных провинциях и в двух южных заставляет задуматься о том, как остановить этот процесс.

Неодобрительных замечаний не последовало.

— Достояние храмов, даже там, где оно еще нетронуто, находится под угрозой, равно как и благополучие селений. Если не вмешаться, то вскоре ситуация изменится настолько, что вы не узнаете землю ваших предков.

Для многих заявление визиря показалось слишком резким и необоснованным.

— Разумеется, это не какие-то предположения, а проверенные сведения, серьезность которых вы сейчас поймете. Царские посланники сообщают, что около половины земель перешло либо под прямой, либо под косвенный контроль Двойного Белого дома. Храмы, расположенные в провинциях, даже не заметив того, завтра лишатся половины урожая. А мелкие и средние хозяйства из-за долгов либо разорятся, либо их поглотят более крупные. Равновесие вот-вот будет нарушено. То же самое касается скотоводства и ремесел.

Все взгляды устремились на Бел-Трана, расположившегося справа от визиря. В глазах главы Двойного Белого дома читались недоумение и ярость. Поджатые губы, подрагивающие ноздри и напряженный взгляд выдавали душивший его гнев.

— Перераспределение земель, происходившее до моего назначения, — продолжал Пазаир, — велось неверно. Перепись показывает ошибки, и я собираюсь незамедлительно их исправить благодаря указам, подписанным фараоном. Только уважая ценности, данные нам предками, Египет сохранит свое величие и счастье своего народа. Поэтому я требую от главы Двойного Белого дома точно выполнять мои распоряжения и как можно быстрее устранить все ошибки.

Все ждали, как поступит Бел-Тран, которому не только открыто выразили недоверие, но и поручили новую миссию. Уйдет или подчинится?

Полный и грузный, он подошел к визирю и встал перед ним.

— Вам — мои преданность и верность. Приказывайте, и я повинуюсь.

Пробежал довольный ропот, свидетельствующий о согласии двора. Итак, кризиса удалось избежать. Бел-Тран признал свои ошибки, а визирь не осудил его. Сдержанность Пазаира была оценена. Несмотря на молодой возраст, он обладал деликатностью и показал себя дипломатом, выбравшим безукоризненную линию поведения.

— В заключение собрания, — произнес визирь, — я подтверждаю отказ от книг для записи рождений, смертей, браков и разводов. Когда коронуется фараон, мы не упоминаем о его возрасте, мы славим его власть. Сохраним это состояние духа, в котором больше заботы о вечной истине, нежели о преходящих делах, и Египет останется пребывать в гармонии, по образу небес.

Напуганной до смерти госпоже Силкет никак не удавалось усмирить ярость мужа. Бел-Тран в бешенстве крушил дорогие вазы, рвал папиросы, поносил богов.

Силкет ушла в свои комнаты. Она выпила микстуру из финикового сока, касторки и настоя сикоморы, которая должна была притупить боль в животе. Один врач говорил, что во всем виноваты вены, другой — переедание, третий прописал ей клизмы из женского молока. Но живот продолжал болеть, будто она искупала свои грехи. Ей так хотелось доверить свои кошмары толкователю снов и обратиться за помощью к Нефret. Но первый уехал из Мемфиса, а другая стала врагом.

В комнату ворвался Бел-Тран:

- Опять больна!
- Ты должен понять, меня пожирает недуг.
- Я оплачиваю тебе лучших врачей.
- Только Нефret сможет меня вылечить!
- Бред! Она знает столько же, сколько все другие.
- Ты ошибаешься.

— Разве я ошибался, когда начал свое восхождение? Я сделал из тебя одну из самых богатых женщин страны. Вскоре ты станешь самой знатной, а я буду держать верховную власть, умело управляя покорными подданными.

— Ты боишься Пазаира.

— Он раздражает меня! Он ведет себя будто настоящий визирь, которым он себя вообразил.

— Его выступление понравилось людям. Многие из твоих сторонников изменили о нем мнение.

— Дураки! Они об этом еще пожалеют! Те, кто не подчинится мановению моего пальца, моему взгляду, будут обращены в рабов.

Силкет в изнеможении легла.

— А если бы ты удовольствовался своими богатствами и позаботился бы обо мне?..

— Через десять недель мы станем хозяевами страны, а ты готова отказаться от этого из-за своего здоровья?! Ты действительно сошла с ума, моя бедная Силкет.

Она приподнялась и ухватилась за пояс его слишком тесной набедренной повязки:

— Не лги. Ты ведь уже выкинул меня из сердца и из головы?

— Что ты хочешь сказать?

— Я молода и красива, но мои нервы слишком хрупки, и мое лоно не всегда достаточно открыто любви... Ты выбрал другую как будущую царицу?

Он ударил ее по щеке и сурово произнес:

— Я вылепил тебя, Силкет, и буду продолжать это делать; пока ты будешь выполнять все мои приказы, тебе нечего бояться.

Она даже не заплакала. Лицо женщины-ребенка стало холодным, как греческий мрамор.

— А если бы я тебя бросила?

Бел-Тран улыбнулся:

— Ты слишком любишь меня, милая, и слишком любишь удобства и роскошь. Я знаю

все твои грехи, мы неразделимы. Мы богохульствуем вместе, лжем вместе, вместе попираем правосудие и законы. Разве возможны более крепкие узы?

* * *

— Чудесно, — признал Пазаир, выходя из воды.

Нефret осматривала медный ободок, опоясывавший изнутри бассейн и очищавший воду. Солнце золотило ее кожу, по которой скатывались жемчужинки воды.

Пазаир нырнул, проплыл под водой, нежно обхватил жену за талию, вынырнул и поцеловал ее в шею.

— Меня ждут в лечебнице, — улыбнулась она.

— Подождут еще немного.

— А тебе не надо вернуться во дворец?

— Даже и не знаю.

Ее сопротивление было притворным. Пазаир обнял жену и увлек на каменный бортик бассейна. Не разжимая объятий, они легли на теплые каменные плиты и отдались страсти...

Мощный рев осла нарушил безмятежность.

— Северный Ветер, — определила Нефret.

— Этот крик означает, что пришел друг, — улыбнулся Пазаир, одеваясь.

Через несколько минут Кем приветствовал визиря и его супругу. Смельчак, дремавший под сикоморой, положив голову на скрещенные лапы, приоткрыл один глаз, равнодушно взглянул на нубийца и вновь уснул.

— Ваше публичное выступление было высоко оценено, — сообщил Кем Пазаиру. — Недовольные высказывания в адрес двора стихли, недоверие растаяло. Вас признали настоящим верховным сановником.

— А Бел-Тран? — забеспокоилась Нефret.

— Он суетится все больше и больше. Одни сановники не принимают его приглашений на ужины, другие — закрывают перед ним двери. Поговаривают, что вы смените его без предупреждения, как только он выкинет следующий номер. Вы нанесли ему смертельный удар.

— Увы, нет, — с сожалением произнес Пазаир.

— Вы постепенно ослабляете его могущество.

— Слабое утешение.

— Даже если в его руках решающее оружие, сможет ли он им воспользоваться?

— Не будем об этом думать, будем действовать дальше.

Нубиец скрестил руки на груди:

— Вас послушать, так в конце концов поверишь, что прямолинейность — это единственный способ спасти царство от гибели.

— Это в самом деле ваше убеждение?

— Оно стоило мне носа, а вам будет стоить жизни.

— Попробуем опровергнуть это предсказание.

— Сколько времени нам осталось?

— Десять недель.

— А что слышно о поглотителе теней? — спросила Нефret.

— Не думаю, что он решил отказаться, — ответил Кем. — Но он проиграл в поединке с Убийцей. Если в его голове зародились сомнения, может, он оставит затею?..

— Вы не стали слишком доверчивы?

— Будьте уверены, я не ослаблю бдительность.

Нефret, улыбаясь, смотрела на нубийца.

— Ваш визит — это ведь не просто дань вежливости, не так ли?

— Вы слишком хорошо читаете мои мысли.

— Радость в ваших глазах... Надежда?

— Мы нашули ниточку, ведущую к Монтумесу, моему зловещему предшественнику.

— В Мемфисе?

— По сообщению одного из осведомителей, который видел, как тот выходил из дома Бел-Трана, Монтумес направился на север.

— Вы могли бы его схватить? — спросил Пазаир.

— Это было бы ошибкой. Не лучше ли узнать, куда он направился?

— При условии, что вы его не потеряете.

— Он не пользуется лодками, чтобы оставаться незамеченным. Монтумес знает, что его ищут. Передвигаясь по суше, он сможет избежать стражников.

— Кто идет за ним?

— Мои лучшие люди сменяют друг друга. Как только Монтумес прибудет на место, мы об этом узнаем.

— Сразу же предупредите меня: я поеду с вами.

— Это не слишком-то осторожно.

— Вам понадобится судья для допроса, а разве есть кто-нибудь, более облеченный судебной властью, чем визирь?

* * *

Пазаир был убежден, что достигнет решающего успеха, поэтому Нефret так и не удалось убедить его отказаться от затеи, которая представлялась крайне опасной, несмотря на участие в ней Кема и павиана. Не знал ли Монтумес, бывший начальник стражи, отправивший Пазаира в тюрьму, поправ закон, чего-то важного об убийстве Беранира? Визирь не упустит ни малейшей возможности узнать правду. Монтумес заговорит.

Пока визирь ждал знака от Кема, Нефret завершала работу по распространению в неблагополучных провинциях снадобий для предотвращения зачатия. Благодаря указу визиря противозачаточные снадобья бесплатно раздавались семьям. Деревенские лекари объясняли, почему и зачем их нужно использовать.

В отличие от своего предшественника Нефret не стала занимать помещение, отведенное для главного целителя царства и его подчиненных; она осталась в своей прежней комнате в главной лечебнице, чтобы работать по-прежнему и общаться с составителями лекарственных снадобий. Нефret выслушивала, советовала, успокаивала. Каждый день она стремилась отодвинуть границы страданий, терпела поражения, в которых черпала надежду на будущие победы. Она занималась также составлением медицинских трактатов^[16], которые передавались еще со времен пирамид и все время совершенствовались; специально обученные писцы описывали удавшиеся опыты и способы лечения.

Завершив операцию по удалению глаукомы, Нефret мыла руки, когда молодой хирург сообщил, что какой-то больной срочно требуется помощь и она настаивает, чтобы ее осмотрела именно Нефret и никто другой.

Женщина сидела, закрыв лицо сеткой.

— На что жалуешься? — спросила Нефret.

Пациентка не отвечала.

— Мне нужно вас осмотреть.

Силкет подняла сетку:

— Помогите мне, Нефret, иначе я умру.

— Здесь работают прекрасные врачи, обратитесь к ним.

— Меня можете вылечить только вы и никто иной!

— Силкет, вы супруга подлого человека, лжеца, разрушителя и клятвопреступника.

Оставаясь рядом с ним, вы являетесь его соучастницей. Именно это разъедает вашу душу и тело.

— Я не совершала никакого преступления, — затараторила Силкет. — Я должна подчиняться Бел-Трану. Это он вылепил меня, он...

— Вы что, вещь?

— Вы не можете понять!

— Ни понять, ни лечить.

— Я ваша подруга, Нефret, верная и искренняя подруга. Я бесконечно уважаю вас, окажите мне доверие.

— Если вы покинете Бел-Трана, я вам поверю, если нет — прекратите лгать другим и самой себе.

— Если вы поможете мне, Бел-Тран вас отблагодарит, клянусь вам! Это единственный способ спасти Пазаира.

— Вы уверены?

Силкет успокоилась:

— Ну наконец-то вы поняли, каково положение вещей!

— Я с ним постоянно сталкиваюсь.

— Бел-Тран создаст новое, и это так притягательно!

— Вы будете жестоко разочарованы.

Улыбка застыла на губах Силкет.

— Почему вы так говорите?

— Потому что вы строите будущее на жадности и ненависти; оно не воздаст вам ничего, если вы не откажитесь от вашего безумия.

— Так, значит, вы не доверяете мне?..

— Как соучастница убийства, рано или поздно вы предстанете перед судом визиря.

Женщина-дитя пришла в бешенство.

— Это была ваша последняя возможность, Нефret! — закричала она. — Связав свою судьбу с Пазаиром, отказавшись быть моим личным лекарем, вы приговорили себя к бесславной гибели. Когда мы увидимся в следующий раз, вы будете моей рабыней!

На борту судна, где спорили сирийцы, греки, киприоты и финикийцы, сравнивая цены и деля будущих покупателей, Пазаир держался особняком. Никто бы не узнал визиря Египта в молодом неприметно одетом человеке, который вез с собой одну лишь старую циновку. На крыше возвышавшегося над палубой навеса среди тюков с товарами нес вахту Убийца. Его спокойствие служило залогом того, что поглотителя теней поблизости не было. Кем оставался на носу. Он натянул на голову накидку, опасаясь, что его могут узнать, но купцы слишком увлеклись подсчетом барышей, чтобы интересоваться другими пассажирами.

Благодаря сильному попутному ветру, судно шло быстро. Капитан и вся команда получат хорошую надбавку, если прибудут к месту назначения раньше намеченного срока. Иноzemные купцы не любили терять время даром.

Между сирийцами и греками возниклассора. Сирийцы предложили грекам ожерелья из полудрагоценных камней в обмен на вазы с Родоса, которыми те торговали. Но эллины с пренебрежением отнеслись к предложению, посчитав его убыточным. Это удивило Пазаира; ему сделка показалась равноценной.

Пройдя по большому рукаву реки, пересекавшему Дельту с юга на север, торговое судно взяло курс на восток, вошло в воды Ра, приток, отходивший от основного русла, и направилось к пересечению путей, ведших в Ханаан и Палестину.

Греки высадились во время короткой остановки. Кем, Пазаир и Убийца последовали за ними. Ветхая пристань казалась заброшенной. Вокруг лишь болота да заросли папируса. Вспорхнули потревоженные утки.

— Именно здесь, как мне доложили, Монтумес связался с греческими торговцами, — сказал нубиец. — Они отправились на юго-восток. Если пойдем за ними, мы его найдем.

Купцы о чем-то переговаривались, присутствие троицы явно их беспокоило. Один из купцов, немного прихрамывая, подошел к ним и спросил:

- Чего вам надо?
- Взять в долг.
- В этом захолустье?
- В Мемфисе нам больше не дают.
- Разорились?

— Некоторые дела невозможны вести: у нас слишком обширные замыслы. Следя за вами, мы надеемся найти более понятливых людей.

Грек, казалось, остался доволен.

- Вам повезло. Ваша обезьяна, она продается?
- Пока нет, — ответил Кем.
- Есть любители.
- Это чудесное животное, тихое и мирное.
- Оно будет служить залогом. Вы сможете получить хорошую цену.
- Идти далеко?
- Два часа пути; мы ждем ослов.

Наконец караван тронулся в путь. Животные с тяжелой ношей шли не спотыкаясь, привыкшие к своей нелегкой работе. Купцы постоянноссорились. Пройдя заброшенное поле, они вышли к небольшому селению с низкими домами, окруженному стеной.

— Не вижу храма, — удивился Пазаир.

— Это селение знает лишь одного бога — выгоду, — со смешком ответил грек. —

Именно ей мы верно служим, и от того нам хорошо.

Они миновали главные ворота, которые охраняли два стражника, заблаговременно присланные сюда Кемом. Все толкались, окликали друг друга, наступали соседям на ноги и вливались в нескончаемый поток, заполнивший узкие улочки, где открывались лавки торговцев. Больше всех здесь было палестинцев. Босоногие, с бородками клинышком и пышными шевелюрами, перетянутыми на лбах лентами, они любовались своими разноцветными плащами, приобретенными у ливийцев. Ханаанцы, ливийцы, сирийцы осаждали лавки греков, ломившиеся от привезенных ваз и предметов туалета. Здесь же покупали мед и вино для застолий и ритуалов.

Наблюдая за торговлей, Пазаир быстро заметил необычное явление: покупатели ничего не предлагали взамен тех товаров, которые они приобретали. После горячих споров они лишь пожимали руку продавцу.

Пазаир подошел к невысокому бородатому словоохотливому греку, предлагавшему великолепные серебряные кубки.

— Мне нравится вот этот, — заявил он.

— Какой изысканный вкус! Я, право, поражен!

— Почему?

— Это мой самый любимый. Расставание с ним повергнет меня в печаль, которую не передать словами. Увы, таков жестокий закон торговли. Коснитесь его, молодой человек, погладьте его. Поверьте, он того стоит. Никто из ремесленников не способен сделать подобный!

— Сколько он стоит?

— Наслаждайтесь его красотой, представьте его в вашем доме, подумайте о завистливых и восхищенных взглядах ваших друзей! Сначала вы будете отказываться называть имя купца, с которым вы совершили такую невероятную сделку, затем признаетесь: кто, кроме Перикла, может продавать подобные шедевры?

— Он, должно быть, очень дорогой, — заметил Пазаир.

— Что значит цена, если искусство достигло совершенства? Называйте, Перикл слушает вас.

— Одна пятнистая корова? — предположил Пазаир.

Во взгляде грека отразилось недоумение.

— Я не очень люблю шутить.

— Слишком мало?

— Я не могу терять время на ваши грубые шутки. — И купец обиженno перешел к другому клиенту.

Пазаир растерялся, ведь он предложил явно завышенную цену. Затем визирь обратился к другому греку. Тот же диалог с небольшими изменениями сопровождал сделку. В ключевой момент Пазаир протянул руку. Купец нежно пожал ее и... удивленно отдернулся.

— Но... она пуста! — воскликнул он.

— А что в ней должно быть?

— Вы что, думаете, я отдаю вазы бесплатно? Конечно серебро!

— У меня... его нет.

— Идите к ростовщикам, там вам дадут.

— Где их найти?

— На главной площади. Там их больше десятка.

Ошеломленный, Пазаир пошел в направлении, указанном торговцем. Уложки вывели его на квадратную площадь, по сторонам которой располагались странные лавки. Пазаир осведомился; это действительно оказались лавки ростовщиков. Визирь подошел к самой крупной лавке и встал в очередь.

У входа расположились два вооруженных охранника. Они осмотрели его с головы до ног, проверяя, не прячет ли он кинжал. Внутри оказалось несколько очень занятых людей. Один помещал на весы небольшие кусочки металла круглой формы, взвешивал их, затем раскладывал по ящичкам.

— Вклад или изъятие? — спросил он Пазаира.

— Вклад.

— Перечислите, что вы вкладываете.

— Ну... — замялся визирь.

— Побыстрее, другие клиенты ждут.

— Учитывая огромный объем моего вклада, я хотел бы поговорить о его стоимости с вашим хозяином.

— Он занят.

— Когда я смогу его увидеть?

— Подождите.

Через несколько минут служащий вернулся и сообщил, что хозяин приходит на закате.

Так деньги, это «великое коварство», были введены в удаленном селении. Деньги в виде разменных монет, придуманные греками десятки лет тому назад, обходили страну фараонов, с ними наступал конец меновой торговле, и общество скатывалось к краху^[17]. Великое коварство стимулировало природную склонность рода человеческого и заставляло людей прикасаться руками к деньгам, оторванным от настоящих товаров. Предметы и продукты превращались в кружочки серебра и меди — тюрьму для человека.

Хозяин лавки и богатейший местный ростовщик, полный человек с квадратным лицом, примерно пятидесяти лет, уроженец Микен, постарался воссоздать на чужбине привычный облик родного дома: повсюду стояли небольшие статуэтки и затейливо украшенные глиняные вазы самых разнообразных форм.

— Мне сказали, что вы собираетесь сделать крупный вклад, — начал он.

— Да, это так.

— Из чего он состоит?

— У меня много всего.

— Скот?

— Скот.

— Зерно?

— Да.

— Суда?

— Суда.

— Что-нибудь... еще?

— Много всего другого.

Толстяк, казалось, был впечатлен.

— У вас достаточно монет? — спросил его Пазаир.

- Думаю, да, но...
- Чего вы опасаетесь?
- Ваша внешность не дает оснований думать, что у вас... такое богатство...
- В путешествиях я не надеваю дорогие одежды.
- Я вас понимаю, но хотел бы...
- Иметь подтверждение моего состояния? — помог ему Пазаир.

Ростовщик кивнул.

- Дайте мне глиняную дощечку, — попросил визирь.
- Я хотел бы записать сделку на папирусе.
- У меня есть лучшее средство, чтобы вселить в вас уверенность. Дайте эту дощечку.

Толстяк в недоумении подчинился.

Пазаир сделал в глине глубокий оттиск своей печати:

- Такая гарантия вам достаточна?

У толстяка глаза вылезли из орбит. Он в ужасе разглядывал печать визиря.

- Что... что вы хотите? — пробормотал он.
- К вам приходил преступник, которого ищут по всему Египту.
- Ко мне? Это невозможно!

— Его зовут Монтумес. Он был начальником стражи, нарушил закон и был отправлен в изгнание. Его появление в Египте — серьезное преступление, о котором вы обязаны были незамедлительно сообщить.

- Уверяю вас, что...

— Хватит лгать, — посоветовал визирь. — Я знаю, что Монтумес приходил сюда по указанию распорядителя Государственной казны.

Упрямство ростовщика было сломлено. Он заговорил:

— Почему я должен был отказаться от сделки с ним? Монтумес причислял себя к власти имущим.

- Чего он от вас хотел?

— Развернуть ростовщическую деятельность во всей Дельте.

- Где он скрывается?

— Он уехал отсюда в порт Ракотис^[18].

— Разве вы забыли, что хождение монет запрещено, что виновные в этом преступлении несут тяжкие наказания?

- Я действую в рамках закона.

— Разве вы не получали указ, собственноручно подписанный мной?

— Монтумес уверил меня, что на деятельность ростовщиков в Египте смотрят сквозь пальцы.

— Вы неосторожны, — заметил Пазаир. — В Египте закон — не пустое слово.

— Вы не сможете долго противостоять этому новшеству...

— Этого новшества мы не хотим.

— Я не один в этом деле, мои коллеги...

— Поговорим с ними позже. Покажите мне город.

Грек-ростовщик все же надеялся на лучшее. Он представил визирю, рядом с которым по обыкновению находился сторожевой павиан, своих коллег, тех самых, что тайно ввозили в Египет монеты, давали ссуды под проценты и занимались многими другими финансовыми операциями, приносящими немалые барыши. Греки в один голос принялись убеждать визиря в выгодах, которые сулят их умения.

Пока визирь выслушивал их рассуждения, стражники по знаку своего начальника Кема сбросили с себя непривычные одежды ливийцев и греков и заперли ворота, не обращая внимания на протестующие крики перепуганной толпы. Троє мужчин попытались даже вскарабкаться на стену, надеясь сбежать, но напрасно — подвела излишняя тучность. Их немедленно арестовали и отвели к верховному стражу.

Самый напуганный кричал громче всех:

- Немедленно отпустите нас!
- Вас обвиняют в тайном ввозе монет.
- Вы не имеете права судить нас!
- И все-таки вы предстанете перед судом.

Как только троица оказалась перед визирём, который пока сохранял тайну своего положения, возмущенные крики сменились слезными мольбами:

— Будьте к нам милостивы! Мы совершили ошибку и очень о ней сожалеем... Мы честные купцы. Мы...

— Ваши имена и ремесло.

Все трое оказались египтянами и занимались изготовлением мебели. Часть своего товара они переправляли беспощадно в Грецию.

— Значит, доходы ваши были незаконны и вы наживались за счет собственных соотечественников. Признаете свою вину?

- Не будьте к нам слишком суровы... Нас ввели в заблуждение...
- Я буду не суровее закона.

Пазаир устроил судилище прямо на площади. Присяжными стали Кем и пятеро египетских крестьян, которых верховный страж привел из ближайшей усадьбы.

Обвиняемые, а их оказалось немало и в большинстве своем это были греки, не отрицали своей вины. Согласились они и с вынесенным приговором. Присяжные единодушно одобрили наказание, которое наложил на чужаков визирь: их изгоняли с египетской земли навсегда. Отобранные у них монеты должны были переплавить, полученный металл отдать в храмы, где из него изготавляют культовые предметы. Что же касается селения, то его ворота впредь не закроются для купцов-иноzemцев, но при условии, что те обязуются строго соблюдать законы Египта.

Глава ростовщиков с благодарностью поклонился визирю.

— Я опасался более сурового наказания, — признался он. — Говорят, что каторга в оазисе Харга страшнее преисподней.

- Я там выжил.
- Вы?..
- Монтумес надеялся увидеть, как побелеют на солнце мои кости.
- Мне кажется, вы недооцениваете Монтумеса. Он хитрый и опасный интриган.

- Я оцениваю его по достоинству.
- Положив конец противозаконному обращению денег в Египте, вы нажили себе еще одного опасного врага. Вас возненавидит Бел-Тран, который надеялся извлечь из этого огромную выгоду. Вы лишили его источника обогащения.
- Меня это радует.
- И вы надеетесь долго пробыть визирем?
- На все воля фараона.

* * *

Пазаир, Кем и Убийца плыли в лодке, направляясь к Ракотису. Визирь любовался ослепительной зеленью, что обрамляла переплетающиеся водные пути. Чем дальше они продвигались на север, тем обширнее раскидывалось царство вод. Нил ширился, готовясь соединиться с ласковой морской гладью, что обвела пенным кружевом окраинные земли.

Ракотис жил рыбой. Каких только рыбных промыслов здесь не было! На рынке под открытым небом чистили рыбу, потрошили ее и пластили, после чего нанизывали на деревянные палочки и оставляли сушиться на солнце, или закапывали в горячий песок, а то и в грязь, известную своими целебными свойствами. В Ракотисе также солили рыбу, а самую лучшую для сохранности опускали в растительное масло. Отдельно собирали икру лобанов, чтобы потом из нее приготовить особо любимое египтянами блюдо. Богачи предпочитали свежую рыбу, для них ее жарили на вертелах и приправляли соусом с тмином, кориандром и перцем, бедняки ели сущеную, и она служила им каждодневной пищей наряду с хлебом. Лобана можно было обменять на кувшин пива, а за корзину нильских окуней получить драгоценный амулет.

Пазаира удивила тишина, столь неожиданная для шумного торгового города, — не слышалось песен, гула толпы, громких криков разносчиков, не цокали копытами ослики, развозившие товар. Павиан тоже стал проявлять признаки беспокойства.

Возле пристани на сетях спали всего несколько рыбаков, а у причала не наблюдалось ни лодки, ни баржи. Неподалеку стоял низкий дом с плоской крышей, где обитали портовые чиновники, следящие за хранением и перевозкой товаров.

Войдя в него, Пазаир удивился еще больше. Пусто. Ни одного человека. И свитков на полках нет, словно никогда и не хранили здесь документов.

— Монтумес где-то неподалеку, — предположил Кем. — Убийца его унюхал.

Павиан обошел помещение и направился к гавани, Кем и Пазаир поспешили за ним. Как только обезьяна приблизилась к полузатопленной лодке, пятеро грязных бородачей, вооруженных ножами для разделки рыбы, очнулись от сонного оцепенения.

— Прочь отсюда, чужаки!

— Кроме вас, в Ракотисе никого?

— Прочь! Прочь!

— Я — Кем, начальник стражи, верховный страж царства. Отвечайте, или наживете беду на свою голову.

— Чернокожим место на юге. Возвращайся туда, откуда пришел!

— Вы обязаны повиноваться распоряжениям визиря, он стоит перед вами.

Рыбаки разразились хохотом.

— Визирь прохлаждается у себя в приемной в Мемфисе! В Ракотисе мы — законники!

— Я хочу знать, что здесь произошло, — сурово произнес Пазаир.

Рыбак обернулся к товарищам.

— Вы только его послушайте! За кого он себя принимает? За главного судью? Или думает, что напугал своей мартышкой?

У Убийцы было множество достоинств и один-единственный, но очень существенный недостаток — он был обидчив. Быстрее молнии прыгнул он на противника, укусил за запястье, и тот выронил нож. Убийца не стал дожидаться, когда второй ринется на защиту товарища, и сразу стукнул его волосатым кулаком по затылку. Третьего он опрокинул, ударив под коленки. Кем вправил мозги двум оставшимся — слабакам но сравнению с ним.

С последним нубиец обошелся помягче, этот обязан был с ними поговорить.

— Почему город пуст?

— Приказ визиря.

— Кто его передал?

— Личный посланник визиря Монтумес.

— Ты его видел?

— У нас все его знают. Вроде были у него какие-то неприятности, но потом уладились. А с тех пор как его снова взял к себе на службу визирь Пазаир, портовые чиновники с ним особенно подружились. Поговаривали, что он снабжает их греческими монетами, и тем самым помогает им разбогатеть. Поэтому они выполнили приказ беспрекословно.

— И каков же этот приказ?

— Выбросить в море все запасы рыбы и без промедления покинуть город, чтобы не заразиться страшной болезнью. Писцы убежали первыми, за ними ремесленники, а следом и весь остальной народ.

— А вы почему не убежали?

— Нам бежать некуда.

Убийца недовольно заворчал.

— Признайтесь, вас нанял Монтумес?

— Нет, мы...

Глаза Убийцы налились кровью, и мохнатая лапа сдавила рыбаку горло.

— Да, да. Мы ждем его.

— А куда он отправился?

— На западные болота.

— Что ему там понадобилось?

— Решил потопить таблички и папирусы, которые мы вытащили для него из портовой канцелярии.

— И давно он уехал?

— Как только солнышко показалось. Вот вернется, мы отвезем его на Большой канал и поедем все вместе в Мемфис. Он обещал нам дать дом и хлебное поле.

— А если забудет?

Рыбак с недоверчивым недоумением взглянул на нубийца.

— Такие обещания не забывают...

— Монтумес не знает, что значит держать слово, он — человек без стыда и совести и никогда в жизни не работал с визирем Пазаиром. Садись в лодку и вези нас. Если ты нам поможешь, мы окажем тебе снисхождение.

Рыбак и Кем налегали на весла, и лодка быстро продвигалась через густые болотные заросли. Кем и Пазаир мигом бы заблудились в этом негостеприимном лабиринте. Потревоженные черные ибисы взмывали в синеву неба, по которому северный ветер гнал маленькие облачка. Иногда вдоль лодки проплыvalа змейка, такая же зеленая, как вода в болоте. Зато рыбак чувствовал себя совершенно уверенно среди запутанной сети протоков.

— Мы плывем коротким путем, — объяснял он. — И хотя Монтумес сильно опередил нас, мы перехватим его до того, как он доберется до Большого канала. Он не успеет сесть на судно, которое плывет в Мемфис.

Кем с рыбаком гребли из всех сил, а Пазаир, сидя на носу, всматривался, не видна ли впереди лодка. Убийца дремал. Минуты бежали быстро. Визирю стало казаться, что рыбак их обманул, но когда он смотрел на мирно дремлющего Убийцу, то успокаивался.

Вдруг павиан встал на задние лапы, и Кем с Пазаиром поняли, что погоня была не напрасна. Прошло еще несколько минут, и Пазаир увидел впереди лодку. До Большого канала оставалось еще примерно полчаса пути.

В лодке сидел один-единственный гребец, в лучах солнца блестела его красная лысина.

— Монтумес! — закричал Кем. — Остановись, Монтумес!

Бывший верховный страж приналег на весла. Однако расстояние между лодками уменьшалось с каждым мгновением.

Сообразив, что сбежать ему не удастся, Монтумес повернулся к преследователям. Метко брошенный дротик пробил грудь рыбака. Несчастный покачнулся и свалился в болото.

Павиан прыгнул в воду. Монтумес бросил второй дротик, прицелившись в нубийца, но тот в последний миг отклонился — и дротик пролетел мимо. Пазаир между тем взялся за весла, он изо всех сил налегал на них, однако грести ему мешали длинные стебли кувшинок и болотных растений.

Держа третий дротик в руке, Монтумес соображал, кого прикончить первым — обезьяну или нубийца? Павиан показался из воды и взялся за корму лапой, намереваясь перевернуть лодку Монтумеса. Тот схватил камень, заменивший якорь, и с силой ударил обезьяну по пальцам. Еще миг — и Монтумес пригвоздил бы лапу Убийцы дротиком, но раненый павиан отпустил борт как раз в ту минуту, когда Кем ловко прыгнул в лодку беглеца.

Обрюзгший, потерявший форму Монтумес яростно защищался. Он швырнул дротик в нубийца, но тот снова отклонился, потерял равновесие и растянулся на дне лодки, а дротик вонзился в дерево обшивки. Пазаир наконец поравнялся с Монтумесом, но тот оттолкнул лодку визиря. Кем изо всех сил дернул своего предшественника за ногу, и Монтумес опрокинулся в болотную жижу.

— Довольно сопротивляться, Монтумес, — холодно сказал Пазаир. — Ты арестован.

Но у Монтумеса в руках был еще один дротик, который он непременно хотел вонзить в сердце Пазаира. Однако внезапно бывший верховный страж издал отчаянный крик, схватился рукой за голову и исчез под водой. Пазаир увидел, как в воде мелькнула самка рыбы-кошки^[19]. Рыба-кошка — редкий гость нильских вод, однако пловец, встретившийся с ней, обречен. Он теряет сознание от мощного электрического разряда и идет ко дну.

Кем быстро помог Убийце забраться в лодку. Павиан с достоинством протянул ему

раненую лапу, как бы извиняясь за то, что не сумел схватить беглеца.

— И я огорчен, — вздохнул нубиец. — Монтумес нам больше ничего расскажет...

Расстроенный, угнетенный Пазаир молчал всю обратную дорогу, пока они плыли до Мемфиса. И хотя он нанес еще один удар подпольной империи Бел-Трана, он все никак не мог успокоиться.

Кем перевязывал павиану лапу; к счастью, рана оказалась несерьезной. Нефрет позаботится, чтобы Убийца поправился как можно скорее. Нубиец не мог не чувствовать, как тяжело у визиря на сердце.

— Я сожалею не о Монтумесе, — сказал тот. — Негодяй походил на сгнивший плод, кишящий червями. Я пытаюсь понять, почему сторонники Бел-Трана так жестоки? Воистину честолюбие сеет зло.

— Вы — главный оплот против злобных демонов, не сдавайтесь.

— Я полагал, что моим уделом будет следить, чтобы люди почитали Закон. Мог ли я предположить, что мне придется расследовать дело о покушении на моего владыку и стать участником стольких трагических событий? «Жизнь визиря горше желчи», — предупредил фараон, облекая меня этой должностью.

Убийца положил раненую лапу на плечо визиря и убрал ее лишь тогда, когда они прибыли в Мемфис.

* * *

С помощью Кема Пазаир составил длинное донесение о событиях в Ракотисе.

Вошел писец и подал ему скрепленный печатью свиток. Предназначался он визирю, а отправлен был из Ракотиса и содержал сообщение «срочное» и «секретное».

Пазаир сломал печать и начал читать послание. Содержание его оказалось настолько необычным, что он прочитал его вслух:

«Я, Монтумес, бывший верховный страж, несправедливо смещенный, объявляю, что визирь Пазаир — безответственный преступник. На глазах многочисленных свидетелей по его приказу в море были брошены все запасы сухой рыбы, что лишило население Дельты их главной каждодневной пищи и обрекло людей на длительный голод. Я подаю визирю Пазаиру жалобу на визиря Пазаира с тем, чтобы он, согласно закону, начал сам против себя судебное разбирательство».

— Теперь понятно, для чего Монтумес уничтожил все документы, касающиеся рыбных промыслов! Без документов трудно опровергнуть его клевету, — заметил Кем.

— Но в одном он прав, — вздохнул визирь. — Несмотря на то что клевета очевидна, я могу доказать свою невиновность только в ходе судебного разбирательства. Сколько времени уйдет на то, чтобы собрать свидетелей, вывести на чистую воду ложь, восстановить свое добroе имя! А Бел-Тран пока будет безнаказанно плести интриги.

Кем потрогал свой деревянный нос:

— Невеликое дело — отправить жалобу. Вот если бы Монтумес передал ее через Бел-Трана или другого высокопоставленного сановника, тогда бы вам пришлось всерьез бороться с его обвинениями.

— Да, конечно, так оно и есть.

— А сейчас есть только жалкий папирус.

- Но его достаточно для судебного разбирательства.
- А если папируса не будет, то и разбираться не в чем.
- Я не имею права от него избавиться.
- А я имею.

С этими словами Кем выхватил папирус из рук Пазаира, разорвал на мелкие кусочки и пустил их по ветру.

Сути и Пантера смотрели на сиявшие в лучах майского солнца белые дома Коптоса. Великолепная столица пятого нома Верхнего Египта раскинулась на берегу Нила в сорока километрах на северо-запад от Карнака. Отсюда отправлялись торговые караваны к портам Красного моря, отсюда уходили на восток в пустыню старатели. Из Коптоса ушел и Сути, пустившись по следам преступного военачальника Адлера, изменника и убийцы, чтобы найти его и расправиться с ним.

Необычное войско Сути приближалось к караульному посту на дороге, ведущей к городским воротам. На любые передвижения в этих местах полагалось иметь особое разрешение, поэтому путешественников непременно сопровождал страж пустыни, который удостоверял благонадежность своих спутников и обеспечивал им безопасность.

Охранники на воротах не поверили собственным глазам — откуда взялось столь разношерстное войско? Кого в нем только нет — ливийцы, нубийцы и даже стражники пустыни — те, что пронизывают взглядом.

Они следили за порядком в пустыне и обязаны были связать иноземцев как пленников и вести их под конвоем, а не брататься с чужаками, шагая рядом!

Сути, держа в руках меч, в одиночестве приблизился к начальнику караульного поста. Загорелый, с длинными волосами, с обнаженным мускулистым торсом и великолепным золотым ожерельем на шее, с золотыми браслетами, подчеркивающими стройность крепких рук, красавец Сути двигался с горделивостью истинного полководца, вернувшегося с победой из трудного похода со своим могучим войском.

— Меня зовут Сути, я — египтянин, как и ты. К чему нам убивать друг друга?

— Откуда вы пришли?

— Ты сам свидетель, мы пришли из пустыни, которую завоевали.

— Но это... незаконно!

— Закон в пустыне — это я и мои воины. Если ты восстанешь против моего закона, то погибнешь жалкой смертью. Мы пойдем на приступ и завладеем твоим городом. Присоединяйся к нам, и ты будешь благоденствовать.

Начальник караульного поста задумался.

— Те, что пронизывают взглядом, покорились тебе?

— Они — разумные люди, и получили от меня больше, чем ожидали. — И Сути бросил к ногам начальника золотой слиток, пояснив: — Всего лишь скромный подарок, чтобы избежать резни.

У начальника от изумления глаза полезли на лоб, и он бросился подбирать сокровище.

— Мои запасы золота неисчерпаемы. Иди, приведи мне главу городской стражи. Я буду ждать его здесь.

Начальник караульного поста отправился исполнять поручение, а воины Сути тем временем окружили крепость. Как в большинстве египетских городов, горожане Коптоса жили и в стенах крепости, и за ее пределами. Воины расположились так, чтобы наблюдать за основными дорогами, ведущими в город.

Пантера ласково взяла Сути за левую руку, как и подобает верной супруге. Светловолосая ливийка в золотых браслетах и украшениях на самом деле походила на богиню, рожденную от союза неба и пустыни.

— Ты не будешь сражаться, любовь моя? — спросила она.

— Бескровная победа всегда предпочтительнее, не так ли?

— Я не египтянка и предпочла бы увидеть, как мои соотечественники победили твоих.

Мы, ливийцы, не боимся сражений.

— Стоит ли сейчас сердить меня?

— Сердить тебя всегда стоит.

С горделивой радостью завоевательницы Пантера поцеловала Сути. Как же ее волновала мысль, что она вот-вот станет правительницей Коптоса!

Глава городской стражи не заставил себя долго ждать. Наметанным глазом он оглядел мятежника. Сам он, старый воин, немало повоевал за свою жизнь, а теперь готовился к спокойному житью в отставке в небольшом селении близ Карнака. Его донимала боль в суставах, ему хватало каждодневной работы, на поля сражений он не спешил. Коптос был мирным городом: за его пределами о спокойствии заботились стражи пустыни, внутри — городская охрана справилась бы с любым вором и мошенником. Да, его люди одолели бы любую банду грабителей, но противостоять опытным воинам они не могли.

За спиной Сути блестели хорошо вооруженные колесницы, справа от него стояли нубийцы-лучники, слева — ливийцы, метатели дротиков, вдоль обочины и на холме разместились стражи пустыни. А как хороша была светловолосая красавица с загорелой кожей и в золотом убore! Старый воин давно не верил в детские сказки, но сейчас не мог не подумать, а что если вправду к ним в Коптос явилась богиня с тех самых волшебных островов, что лежат за краем света?

— Чего вы хотите?

— Отдайте мне Коптос, и он станет моим владением.

— Это невозможно.

— Я — египтянин, — напомнил Сути. — Я был воином Египта, теперь у меня свое войско и богатства мои неисчерпаемы. Я решил облагодетельствовать город старателей и искателей золота.

— Ты тот, кто обвинил Ашера в измене и убийстве?

— Да, это сделал я.

— И был прав, Ашер был человеком без чести и совести. Да помогут нам боги, чтобы он больше не появился среди нас.

— Не бойтесь, его поглотила пустыня.

— Справедливый суд свершился.

— Я хотел бы избежать братоубийственного кровопролития.

— Мой долг оберегать порядок в городе.

— Кто намерен его нарушать?

— Твои воины не кажутся миролюбивыми.

— Если никто не оскорбит их, они никого не тронут.

— Твои условия?

— Правитель Коптоса — усталый старец, лишенный честолюбия. Пусть он уступит мне свое место.

— Подобное замещение становится законным лишь с согласия правителя нома, а номарх должен получить соизволение визиря.

— Начнем с того, что уберем слабоумного старичка, — высказалась свое мнение Пантера. — А потом — как судьба решит!

— Проводите меня к градоправителю, — распорядился Сути.

* * *

Градоправитель Коптоса наслаждался сочными финиками и слушал юную арфистку, действительно одаренную, надо признать, музыкальным талантом. Тонкий ценитель музыки, он все чаще позволял себе предаваться отдыху, ибо управление Коптосом не требовало больших усилий: от внешней опасности город оберегали стражи пустыни, горожане были сыты, ремесленники трудились над украшениями из золота и драгоценных камней, храм благоденствовал.

Приход главы городской стражи не обрадовал градоначальника, помешав наслаждаться отдыхом, но все-таки он его принял.

— Его имя Сути, — представил египтянина старый воин.

— Сути... Не обвинитель ли полководца Ашера?

— Тот самый.

— Рад тебя приветствовать в Коптосе. Не хочешь ли выпить свежего пива?

— С удовольствием выпью, — улыбнулся Сути.

Арфистка удалилась, слуга принес кубки и восхитительный золотистый напиток.

— Мы на грани катастрофы, — мрачно объявил начальник городской стражи.

Старик вздрогнул:

— Что ты такое говоришь?

— Войско Сути окружило город. Если оно пойдет на приступ, будет много убитых и раненых.

— Войско? С настоящими воинами?

— С великолепными лучниками-нубийцами, с ливийцами, мастерами метать дротики, и даже... со стражами пустыни.

— Ушам своим не верю! Немедленно арестуйте изменников!

— Сделать это будет довольно трудно, — заметил Сути.

— Трудно? А ты понимаешь, где ты находишься?

— В принадлежащем мне городе.

— По-моему, ты сумасшедший.

— Его армия способна взять Коптос, — вмешался начальник стражи.

— Немедленно вызови подкрепление!

— Я атакую город раньше.

— Арестуй этого человека! Ты — глава городской стражи!

— Не стоит совершать подобной ошибки, — мягко посоветовал Сути. — Золотая богиня предаст город огню и мечу.

— Золотая богиня?

— Золотая богиня вернулась с дальнего юга и принесла ключ от несметных сокровищ. Примете ее — узнаете счастье и благородство. Отвергнете — и на город обрушатся беды и несчастья.

— Ты так уверен в своей победе?

— В отличие от вас мне нечего терять.

— А жизнь? Неужели ты не боишься смерти?

— С давних пор она сделалась моей спутницей. Ни сирийские медведи, ни изменник Ашер, ни нубийские разбойники не смогли убить меня. Если вы хотите попробовать, пробуйте!

Хороший градоначальник обязан обладать дипломатическими способностями, иначе как он сможет улаживать ссоры и примирять враждующих?

— Значит, я должен отнестись к тебе со всей серьезностью, не так ли, Сути?

— Это было бы разумнее.

— Что же ты предлагаешь?

— Уступите мне ваше место, и я стану градоначальником Коптоса.

— Твоя власть будет иллюзорной.

— Я знаю душу Коптоса, он примет меня как властителя, меня и золотую богиню.

— Повторяю, тебе будет только казаться, что ты властитель этого города. Как только новость распространится, придет армия и смесят тебя.

— Зато сражение будет упоительным.

— Распусти свое войско.

— Я возвращаюсь к золотой богине, — объявил Сути, — и даю вам час на размышление.

Или вы принимаете мое предложение, или мы идем на приступ.

* * *

Обнявшись, Сути и Пантера смотрели на Коптос. Они думали о стараталях, что неверными тропами блуждают по пустыне в поисках сокровищ, которые сняться им по ночам. Скольких из них газель Исиды привела к богатым россыпям? Сколько из них вернулись обратно живыми и любовались прекрасной нильской излучиной, над которой горделиво возвышался прекрасный город золотоискателей?

Нубийцы пели песни, ливийцы подкреплялись, стражи пустыни проверяли боеспособность колесниц, но никто не болтал попусту в ожидании мига, который напоит кровью поля и дороги. Одни устали от странствий, другие уповали на несметные богатства, третьи жаждали битвы, чтобы показать свою мощь. Но чем бы ни жил каждый воин — все они были заворожены красотой Пантеры и несгибаемой решительностью Сути.

— Они покорятся? — спросила Пантера.

— Что мне до того?

— Но ты же не станешь убивать своих соплеменников?

— Ты получишь свой город. В Египте чтят женщин, которые умеют перевоплощаться в богинь.

— Даже если ты погибнешь в битве, мы с тобой не расстанемся.

— Ты — ливийка, но полюбила мою землю, она сумела приворожить тебя.

— Если твоя земля тебя поглотит, моя ворожба окажется сильнее.

Глава городской стражи появился раньше, чем истек отведенный на размышления час.

— Градоначальник согласен.

Пантера гордо улынулась, лицо Сути осталось бесстрастным.

— Он согласен при одном условии — вы войдете в город, поклявшись, что не будет совершено ни единого грабежа.

— Мы пришли дарить, а не грабить.

Во главе своей армии Сути и Пантера вошли в Коптос.

Новость мгновенно облетела горожан. Они толпились на главной улице и на всех перекрестках. Сути приказал нубийцам снять с повозок покрывала. Ослепительно засияло золото.

Никогда еще жители Коптоса не видели драгоценный металл в таком изобилии. Девочки бросали нубийцам цветы, мальчики пристраивались рядом и маршировали вместе с воинами. Не прошло и часа, как весь город пел и танцевал, празднуя возвращение золотой богини, воспевая легендарного героя Сути, победителяочных демонов, обладателя золотых россыпей.

— Мне кажется, тебя что-то беспокоит, — заметила Пантера.

— Боюсь, как бы мы не оказались в ловушке.

Шествие направлялось к дому градоначальника — изящной усадьбе в самом центре города, окруженной большим тенистым садом. Сути внимательно вглядывался в крыши. В руках он держал лук и готов был в любую минуту выпустить стрелу в затаившегося где-нибудь стрелка.

Но пока все обходилось. Из предместий в город хлынули восторженные толпы, люди верили, что свершилось чудо: золотая богиня вернулась! Коптос будет самым богатым и самым счастливым городом!

Служанки усыпали вход в аллею цветами календулы, и завоеватели ступили на оранжевый ковер. С лотосами в руках девушки приветствовали поклонами золотую богиню и полководца Сути. Пантеру порадовала торжественная встреча, она одарила служанок улыбкой, а потом царственно двинулась между вечнозеленых тамарисков к усадьбе.

— Как красив этот дом! Посмотри на изящные белые колонны, на вход, украшенный резьбой в виде пальмовых листьев! Мне будет хорошо здесь. Смотри, здесь есть и конюшня. Мы будем с тобой кататься верхом, а потом купаться в бассейне и пить сладкое вино.

Внутри дома белокурой ливийке понравилось еще больше. У градоначальника был отменный вкус, и художник с большим изяществом расписал стены: дикие утки стремились к небу, рыбы резвились в голубой воде пруда, окруженного цветущим папирусом. По гибкому стеблю ползла кошка, подбираясь к гнезду, наполненному пестрыми яйцами.

Пантера вошла в спальню. Она сняла золотой убор и опустилась на резную кровать черного дерева.

— Ты победил, Сути! Люби меня!

Новый градоначальник Коптоса не мог не отзваться на страстный призыв возлюбленной.

* * *

Вечером того же дня для горожан было устроено пиршество. Даже бедняки отведали вдоволь жареного мяса и выпили сколько хотели ароматного вина. Сотни масляных ламп освещали улицы, и народ пел и плясал до рассвета. Знатные горожане принесли Сути и золотой богине присягу верности. Они восхваляли небесную красоту ливийки, и Пантера не осталась равнодушной к их восхищению.

— Почему я не вижу на празднике бывшего градоначальника? — спросил Сути у главы городской стражи.

— Он покинул Коптос.
— Без моего разрешения?
— Наслаждайся своим правлением, оно будет недолгим. Градоначальник отправился за войском, визирь восстановит в городе порядок.
— Пазаир?
— Слава его растет, он справедлив, но суров.
— Нас ждет великолепная битва.
— Разумнее было бы покориться.

— Я — безумец, и решения мои непредсказуемы. Мой закон — это закон пустыни, он не ведает ограничений.

— Пощади хотя бы мирных горожан.

— Смерть не знает пощады. Готовьтесь, завтра мы упьемся слезами и кровью. — Сути провел рукой по глазам. — Позовите ко мне золотую богиню, я хотел бы с ней поговорить.

Пантера слушала пение арфиста, а он своей песней призывал пирующих наслаждаться быстротекущим мгновением, таящим в себе вкус вечности. Толпа обожателей пожирала красавицу восхищенными взорами. Глава городских стражников передал ей просьбу Сути, и Пантера подошла к возлюбленному. Тот сидел неподвижно, глядя прямо перед собой.

— Я снова ослеп, — прошептал он. — Проводи меня в комнату, я обопрусь на твою руку. Никто недолжен знать о моем несчастье.

Собравшиеся гости низко кланялись хозяевам, их уход означал конец празднества.

Сути лежал на спине, заложив руки за голову.

— Нефret тебя вылечит, — обещала ему Пантера. — Я сама поеду и привезу ее сюда.

— У тебя не будет на это времени.

— Почему?

— Потому что завтра визирь Пазаир отправит в Коптос войско, чтобы нас уничтожить.

— Я к вашим услугам, моя повелительница. — Нефret склонилась в почтительном поклоне перед Туей, матерью Рамсеса Великого.

— Это я должна с почтением кланяться главной придворной целительнице. Миновало всего несколько месяцев, но всем уже видно, насколько успешны ваши труды.

Прямой тонкий нос, выступающие скулы, тяжелый, квадратный подбородок и строгий взгляд — такова надменная царица Туя, и авторитет ее в государственных делах был неоспорим. В каждом большом городе ей принадлежал особый дворец, многочисленные слуги беспрекословно повиновались ей, а сама она бдительно следила за тем, чтобы свято чтились основы, благодаря которым египетское царство превратилось в несокрушимую твердыню. Царица-мать принадлежала к роду, который славился женщинами, обладавшими государственным умом, влияние ее при дворе оставалось главенствующим. Она никогда не забывала, что ее прарабабки изгнали из Египта завоевателей-азиатов, основав фиванское царство, которое и унаследовала династия Рамсеса.

Сейчас для Туи настали не лучшие времена, месяц проходил за месяцем, а она так и не могла дождаться доверительной беседы с сыном. Рамсес отдалился от нее, тем не менее сохраняя сыновнюю почтительность, и она не могла избавиться от ощущения, что его гложет тайная мучительная забота, которую он не может доверить даже матери.

— Как вы себя чувствуете, моя повелительница?

— Благодаря вашему лечению, прекрасно. Вот только в глазах небольшая резь.

— Почему же не позвали меня? Что мешало?

— Повседневные заботы. Вы и сами, я думаю, не слишком следите за своим здоровьем.

— Нет времени за ним следить.

— И все же, Нефret, вы не вправе пренебрегать собой. Если вы заболеете, что будет с вашими многочисленными подопечными? Вы повергнете их в отчаяние.

— Позвольте мне осмотреть вас.

Понять причину недомогания не составило труда: престарелая царица страдала от воспаления роговицы. Нефret прописала ей мазь на основе помета летучей мыши^[20], она прекрасно снимала жжение и не обладала побочными действиями.

— Не пройдет и недели, как вы исцелитесь. Не забывайте капать и те капли, что я вам прописала раньше. Состояние ваших глаз значительно улучшилось, но заботиться о них нужно постоянно.

— Постоянно заботиться о самой себе мне так тягостно! Любоого другого целителя я бы не стала и слушать! Только Египет достоин наших забот и попечений. Как ваш супруг справляется с грузом своих обязанностей?

— Груз визиря тяжек, как гранит, и горек, как желчь, но он несет его добросовестно и безропотно.

— Я поняла характер вашего мужа сразу, как только на него посмотрела. При дворе им восхищаются, его боятся, ему завидуют. Для меня это лучшее подтверждение, что он соответствует своей должности. Назначение его удивило многих, и я выслушала немало возражений. Но его деяния заставили недовольных замолчать и даже позабыть о достоинствах Баги. А это серьезный признак успеха.

— Пазаир не заботится о мнении окружающих.

— Тем лучше. До тех пор пока он будет независим от похвал и порицаний, он будет хорошим визиром. Фараон ценит его прямоту и доверяет ему. Мне кажется, Пазаир знает все тайные заботы Рамсеса, даже те, о которых не знаю я. Знаете их и вы, Нефret, потому что вы с мужем одно целое. Ведь это так, не правда ли?

— Правда.

— Царству грозит опасность?

— Грозит.

— Я поняла это, как только Рамсес перестал со мной советоваться. Он опасается, как бы я не приняла слишком решительных мер. Может, он и прав. Сейчас сражение за Египет ведет Пазаир.

— Его противники очень опасны.

— Именно поэтому настало время вмешаться мне. Визирь не отважится попросить у меня помощи, я сама должна ему помочь. Кто главная помеха?

— Бел-Тран.

— Презираю высокочек. К счастью, они сами себя губят ненасытной жадностью. Полагаю, немалую помощь ему оказывает Силкет, его супруга.

— Конечно, она его союзница.

— Я займусь этой маленькой гусыней. Ее вульгарная манера кивать головой, приветствуя меня, кажется мне отвратительной.

— Ее манера незаметно вредить — не лучше.

— Благодаря вам, Нефret, у меня замечательно острое зрение. Так что решено, я займусь маленькой гадюкой.

— Не скрою, что Пазаира очень тяготит необходимость возглавлять церемонию подношения даров от иноземных племен. Он уповаet на возвращение фараона из Пер-Рамсеса и надеется, что Его Величество сам возглавит церемонию.

— Пусть не надеется. Фараон мрачнее день ото дня, не переступает порога дворца, не дает аудиенций, и все текущие дела поручил визирю.

— Фараон болен?

— Думаю, у него болят, как обычно, зубы.

— Не желаете ли вы, чтобы я его осмотрела?

— Он совсем недавно прогнал знаменитого зубного лекаря, счтя, что тот не в силах ему помочь. После церемонии подношения даров я отправлюсь в Пер-Рамсес, и вы будете сопровождать меня.

* * *

С севера приплыло множество судов, на которых прибыли в Египет иноземные посланники. Речная стража запретила спускать на воду лодки и барки до тех пор, пока чужеземные суда не пристанут к берегу. На пристани почетных гостей встречал советник, ведающий посольской службой. Очередного посла усаживали в резные носилки, и в сопровождении собственной свиты он направлялся к дворцу. Шествие нарядного кортежа радовало глаз.

Каждый год фараон принимал дары от тех, кто платил дань Египту, и от тех, с кем Египет торговал. В эти два торжественных дня все жители Мемфиса освобождались от работ

и славили мудрость и твердость фараона Рамсеса, установившего прочный мир.

Пазаир в парадном одеянии, с изображением Маат на груди, держа в левой руке жезл, сидел выпрямившись на троне с низенькой спинкой. Церемонии были для него особенно тягостны, и чувствовал он себя скованно. Справа, немного позади главного трона, сидела вдовствующая царица, а еще чуть поодаль стояли девять друзей фараона, главные его сановники, и среди них сияющий радостью Бел-Тран. Ослепительный наряд Силкет заставил побледнеть от зависти других сановных супруг, мужья которых не обладали таким баснословным богатством. Баги, бывший визирь, согласился помочь своему преемнику, подсказывая в случае необходимости, как следует себя вести согласно этикету. Увидев его рядом, Пазаир несколько успокоился. На груди Баги все так же блестело медное сердце — знак того, что Рамсес доверяет ему по-прежнему. Иноземные послы правильно поняли этот знак, он означал, что Египет будет благосклонен к ним, как раньше.

Пазаир уже приобрел некоторый навык в проведении придворных церемоний. Но на этот раз визирь предпочел бы остаться в стороне, однако не мог. Кому как не ему понимать всю важность предстоящего события? Послов следовало принять со всеми почестями, тем самым обеспечив и в дальнейшем добрые отношения с иноземными странами. Визирю предстояла сложная миссия, он должен был уберечься и от чрезмерной несговорчивости, и от преступной уступчивости. Малейший его промах нарушил бы хрупкое равновесие сложившихся отношений.

Но кто знает, возможно, церемония приношения даров будет вскоре отменена.

Бел-Тран охотно избавился бы от древнего ритуала, не сулящего видимой выгоды. Но стоит ли забывать, что мудрые предки, жившие во времена строительства пирамид, создали процветающее царство, положив в основу взаимное уважение, взаимную выгоду и любезность?

Наглое поведение Бел-Трана тревожило Пазаира. Визирь нанес ему серьезный удар, закрыв лавки греческих ростовщиков, но, похоже, самодовольного главу Двойного Белого дома это мало заботило. Неужели он опоздал со своими мерами и ему никак не остановить честолюбивого высокочку? И может ли он рассчитывать, что хотя бы в два ближайших месяца Бел-Тран не начнет новых интриг, а просто будет спокойно ждать отречения фараона от власти?

Ждать... Тяжелое испытание для честолюбца, вся жизнь которого состоит в неустанной деятельности. Последнее время все чаще Пазаир слышал о недовольстве Бел-Траном. Он совсем замучил своих подчиненных, не давая им ни минуты отдыха, придумывал срочные работы, загружал ненужными отчетами. Многие из чиновников протестовали. Грубое, неуважительное отношение Бел-Трана казалось им оскорбительным, ведь они люди, а не бессловесные животные. Но Бел-Тран только смеялся. Деятельность и только деятельность будет во главе угла, когда он добьется власти. А кто не согласен ему подчиняться, пусть убирается вон.

Даже сторонники Бел-Трана устали от болтливости главы Двойного Белого дома, от его нескончаемых речей, в которых он только и знает, что сулить золотые горы, от его пустопорожней суэты, лживости, двуличия. Бел-Тран хотел быть главным всегда и при любых обстоятельствах, что свидетельствовало о его ненасытной жадности. Правители номов, поначалу попавшие под обаяние его красноречия, постепенно разочаровались.

Тем не менее Бел-Тран сохранял довольный вид. Неужели есть еще какая-то угроза, о которой Пазаир не знает...

Глашатай объявил о приходе иноземных послов, и в зале для аудиенций воцарилась тишина.

Кто только ни прислал своих послов в Египет! Дамаск, Библос, Пальмира, Алеппо Угарит, Кадеш, страна хеттов, Сирия, Ливан, Крит, Кипр, Аравия, Азия, Африка, порты торговые города, столицы. И ни один из их представителей не явился с пустыми руками.

Посланец загадочного Пунта, рая черной Африки, маленький человечек с иссиня-черной кожей и пышной шевелюрой, привез шкуры диких зверей, эбеновое дерево, перья и яйца страуса. Посол-нубиец поразил египтян изысканным нарядом: юбка в складках, поверх которой надета набедренная повязка из леопардовой шкуры, в волосах раскрашенные перья, серебряные серьги в ушах, на руках серебряные браслеты. Его слуги сложили у подножия трона глиняные кувшины с маслом, щиты, драгоценные украшения, благовонные смолы, привели на поводке трех гепардов и маленького жирафенка.

Послы Крита выглядели так: темные волосы подстрижены неровными прядями, безбородые лица, тонкие носы, набедренные повязки с полукруглым вырезом, обшитые тесьмой и украшенные ромбами и квадратами, сандалии с высоко загнутыми носами. Критяне привезли клинки, кинжалы, вазы со звериными головами, кувшины и кубки. Посланцы Библоса, верного союзника Египта, принесли в дар воловьи шкуры, канаты и свитки папируса.

Послы один за другим кланялись визирю, произнося освященную веками формулу: «Прими дары моей страны, принесенные из почтения к Его Величеству, фараону Верхнего и Нижнего Египта, да будет между нами мир».

Посол из Азии, где египтяне вели кровопролитные сражения в прошлом, которое Рамсес считал безвозвратно ушедшим, прибыл вместе с супругой. На нем была набедренная повязка, украшенная кисточками, а поверх нее — красное с синим одеяние, стянутое шнурками. Супруга его была облачена в широкую юбку и пестрый плащ. К удивлению двора, их дары оказались весьма незначительными. Азия обычно завершала шествие послов, одаряя Египет щедрыми подарками: к ногам фараона или визиря складывались слитки меди, лазурит, бирюза, драгоценные породы деревьев, сосуды с благовонными умашениями, конская сбруя, луки, колчаны, полные стрел, кинжалы; в придачу приводили еще медведей, львов и быков. На этот раз азиаты ограничились лишь несколькими кубками, кувшинами с маслом и не слишком дорогими украшениями. Посланник поклонился визирю, и тот ни единственным жестом не выразил своего удивления и беспокойства. Между тем смысл даров был предельно ясен: Азия горько упрекала Египет. Если не выяснить причину обиды и как можно скорее не загладить ее, демоны войны могут вновь появиться на горизонте.

* * *

Пока весь Мемфис, от порта до бедных кварталов ремесленников, пел, танцевал и веселился, Пазаир беседовал с послом из Азии. Ни один писец не присутствовал при их беседе. Прежде чем занести на папирус взаимные обещания, которые станут обязательствами, следовало уладить конфликт.

У посла, человека лет сорока, были живые глаза и дерзкая речь.

— Почему не сам фараон Рамсес возглавлял церемонию?

— Так же, как в прошлом году, фараон пребывает в Пер-Рамсесе, наблюдая за

возведением нового храма.

— Фараон смешил визиря Баги?

— Вы сами могли убедиться, что речь не идет о смешении.

— Да, он присутствовал на церемонии и по-прежнему носит медное сердце. Я отметил эти несомненные знаки расположения фараона. Однако передо мной молодой визирь Пазаир. Почему Рамсес доверил эту должность именно вам, прекрасно зная, насколько она тяжела?

— Баги утомили тяжкие обязанности, и он пожелал сложить с себя полномочия. Фараон удовлетворил его просьбу.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Кто может проникнуть в замыслы фараона?

— Думаю, его визирь.

— Я в этом не уверен.

— Тогда вы — всего лишь игрушка.

— Вам виднее.

— Нет, мое мнение о вас иное, и оно небезосновательно: вы являлись всего-навсего провинциальным судьей, а Рамсес сделал вас своей правой рукой и вторым лицом в государстве. Десять лет я знаю фараона, он всегда оценивал своих приближенных по достоинству и ни разу не ошибся. Думаю, вы — человек незаурядный, визирь Пазаир.

— Если позволите, то и я задам вам несколько вопросов.

— Такова ваша обязанность, визирь.

— Что означали ваши приношения?

— Племена Азии вам чем-то не угодили?

— Вы прекрасно знаете, что хотели сказать Египту. Это был упрек на грани оскорбления.

— Мы удержались на достойной грани, о чем свидетельствуют мое хладнокровие и желание во что бы то ни стало сохранять добрые отношения с вашей страной после нанесенной нам обиды.

— Я ничего не понимаю. О какой обиде идет речь? — удивился Пазаир.

— Вам расточают похвалы за правдивость. Зачем же вы прикидываетесь, что пребываете в неведении?

— Клянусь именем фараона, я понятия не имею, о чем идет речь!

Посол из Азии взглянул на визиря с любопытством, и тон его несколько смягчился.

— Странно, странно... Или, может, больше не в вашей власти контролировать деятельность друзей фараона, например, Двойной Белый дом?

— Мне были не по нраву кое-какие порядки, и, вступив в должность, я в самом деле кое-что изменил. Неужели вы стали жертвой чьей-то ошибки, о чем мне не доложили?

— Ошибки?! Слишком мягко сказано. Речь идет о намеренном оскорблении, из-за которого могли бы оборваться наши добрые отношения, если бы мы взялись за оружие!

Пазаир постарался скрыть охватившее его беспокойство, но голос у него невольно дрогнул.

— Возьмите на себя труд и расскажите мне обо всем, — попросил он.

— Мне с трудом верится, что не вы в ответе за нанесенную нам обиду.

— Как визирь, я в ответе за все. Не боясь показаться смешным в ваших глазах, я сознаюсь в своем полном неведении. И согласитесь, что поправить зло, не зная, в чем оно

состоит, очень трудно.

— Египтяне часто посмеиваются над нами, считая, что мы любим хитрить и обводить других вокруг пальца, но хочу вас предупредить — хитрецы обычно попадаются в собственные сети. Хотя ваша молодость вызывает у меня сочувствие.

— Объяснитесь, прошу вас.

— Или вы самый ловкий на свете комедиант, или вам в самом деле недолго оставаться на посту визиря. Вы знаете, какой у нас заключен торговый договор с Египтом?

Пазаир не стал обращать внимания на иронический тон посланника. Что ему за дело, если тот считает его не только глупцом, но и слабаком, он должен выяснить правду, и это главное.

— За присланные вам товары Двойной Белый дом расплачивается с нами золотыми слитками. Таков обычай с тех пор, как между нами установился мир.

— Вы не получили от нас золота? — удивился Пазаир.

— Слитки были доставлены, но золото оказалось самого низкого качества, плохо очищенное и ломкое! Разве что дикие кочевники могли счесть его настоящим золотом! Отправив нам ненужные отходы, Египет посмеялся над нами. Ответственность лежит на Рамсесе Великом. Мы считаем, что он нарушил свое слово.

Так вот почему так радовался Бел-Тран: он поставил под удар авторитет фараона и готовился выступить спасителем Египта, исправляя ошибки недостойного владыки!

— Вышло досадное недоразумение, уверяю вас! — твердо заявил Пазаир. — У Египта не было намерения вас оскорбить.

— По моим сведениям, Двойной Белый дом не является независимым учреждением, а исполняет распоряжения, поступившие свыше.

— Считайте, что вы стали жертвой канцелярской ошибки и дурной работы чиновников, но ни в коем случае не злонамеренного желания нанести вам урон. Я сам сообщу фараону о своем просчете.

— Вы пали жертвой интриги, не так ли?

— Для меня было важно узнать, что произошло, и принять необходимые меры. Если я не справлюсь, в следующий раз вы будете иметь дело с другим визирём.

— Буду об этом сожалеть.

— Вы верите, что мои извинения чистосердечны?

— Вы умеете вызвать к себе доверие, Пазаир, однако Азия ждет возмещения убытков согласно заключенному договору. Отшлите как можно скорее причитающееся ей золото. В противном случае война неизбежна.

* * *

Пазаир и Нефret готовились к отъезду в Пер-Рамсес, когда к визирю явился гонец.

— Дурные новости! — объявил он. — Градоначальник Коптоса выдворен из города вооруженной бандой, в которую входят ливийцы и нубийцы.

— Сколько раненых?

— Ни одного. Они заняли город без боя. Стражи пустыни тоже встали на сторону мятежников, и начальник городской стражи не осмелился им противостоять.

— Кто стоит во главе мятежников? — хмуро спросил Пазаир.

— Некий воин по имени Сути, служитель золотой богини, которая подчинила себе жителей города.

Пазаир ощутил жгучую радость: Сути жив, и еще как жив! Чудесная новость, пусть даже его возвращение, которого он так ждал, произошло при таких необычных обстоятельствах.

— Воинские отряды, размещенные в Фивах, готовы к выступлению. Военачальник ждет ваших распоряжений. Как только вы подпишете приказ, я немедленно отвезу его, и порядок будет восстановлен. Даже если мятежники хорошо вооружены, они не настолько многочисленны, чтобы устоять против огромного обученного войска.

— По возвращении из Пер-Рамсеса я сам займусь мятежниками. Пусть пока солдаты окружат город и займут оборонительную позицию. Я разрешаю подвозить к городу провизию и пропускать в него торговцев, никто не должен голодать. Дайте знать Сути, что я лично прибуду в Коптос и сам буду вести с ним переговоры.

Пазаир и Нефрет, стоя на террасе великолепного дома, пожалованного им, любовались городом Пер-Рамсес^[21], любимым детищем фараона Рамсеса II. При свирепых гиксосах-захватчиках столицей страны был Аварис, но в начале Нового царства врагов изгнали, а неподалеку от прежней столицы расцвел по воле царя величайший в дельте Нила город. Он насчитывал сотни тысяч жителей, внутри его стен было множество храмов, посвященных Амону, Ра, Птаху, коварному Сету, насылающему нечастье, покровительнице врачевателей грозной Сехмет, азиатской богине Астарте. У четырех ворот размещались отряды стражников. На юге находилась гавань с лавками ремесленников и хранилищами разнообразных товаров. В центре, вокруг огромного искусственного озера, высился царский дворец и стояли дома приближенных и знати.

Даже в засушливое время года жители Пер-Рамсеса наслаждались прохладой, поскольку сеть каналов соединяла здесь два рукава Нила. Один из них назывался воды Ра, другой — воды Авариса. В каналах водилось много рыбы — раздолье рыбакам.

Царь не случайно пестовал город на границе дельты Нила и Азии: отсюда удобно посыпать гонцов во все земли и отправлять войско в случае беспорядков. Отпрыски вельмож наперебой вызывались доставлять царские указы на колесницах или верхом на быстрых норовистых скакунах. Нередко царь лично присматривал за работами столяров, кораблестроителей, рудокопов, во все вникая, следя, чтобы все было оснащено наилучшим образом.

«Какое счастье поселиться в Пер-Рамсесе, — пелось в народной песне. — Нет города прекрасней и богаче. И малый и великий здесь обласкан. Акация и явор дарят тень им. Дворцы сияют бирюзой и златом. А над водой резвятся птички стаи. И даже дуновенье ветра нежно».

Возле простых домишек с глинобитными стенами, разбросанными среди дворцов и усадеб, ребятишки ели яблоки и гранаты, играли деревянными куклами, потешались над проходившими мимо напыщенными писцами и восторженно глазели на воинов, правящих колесницами. Усадьбу визиря окружали фруктовые сады, оливковые рощи и виноградники: во время праздников и застолий гостям подавали прекрасное собственное вино и угостили щедро, ведь многочисленные житницы никогда не пустовали. Фасад роскошного дома был украшен голубыми изразцами, — так повелось в Пер-Рамсесе, и потому его называли «бирюзовым городом».

По визирю и его супруге лишь ранним утром был отпущен краткий миг умиротворения. Хотя сад и дивный, будто в царстве праведников, а плоды сладки, как мед, на смену радости и покоя пришла тревога: визирь готовился предстать перед фараоном. Царица-мать предупредила, что ее сын понемногу теряет надежду и приходит к убеждению, что все усилия верного визиря тщетны. Рамсес в отчаянии и одинок как никогда, многим кажется, что он обречен.

Нефрет заостренной палочкой подводила глаза сурьмой. Ларчик с красками для лица недаром носил символическое название «обостряющий зрение». Пазаир застегнул на ней драгоценный пояс из аметистовых бусин с пряжкой чеканного золота, — этот пояс нравился Нефрет больше других.

— Будешь ли ты сопровождать меня? — спросил он.

— Надеюсь, мне удастся помочь фараону.

— Я боюсь, Нефret. Боюсь разочаровать и огорчить его.

Она прислонилась к плечу Пазаира.

— Никто не разнимет наших рук, — прошептала Нефret. — Гулять с тобой в полном уединении, в саду, где слышится только шум ветра, — вот все, что мне нужно. Никто не разнимет наших рук, ведь я пьяна от счастья просто потому, что ты рядом. Мы вместе, так чего же еще нам желать, визирь фараона?

Дворцовая стража сменилась трижды: в первый, одиннадцатый и двадцать первый день луны; заступая на службу, стражники получали обычную плату зерном, а сверх того вино и мясо. Выстраиваясь для парадной встречи визиря с супругой, они радовались: торжество сулило им награду.

Управитель царского дома встретил с почестями Пазаира и Нефret в летней резиденции владыки. Они миновали дворик, окруженный белыми стенами, мощенный разноцветными плитами, прошли анфиладу комнат для аудиенций, украшенных коричневыми и желтыми изразцами с голубым, черным и красным узором, затем — тронный зал с нагромождением свитков со священным именем фараона. Миновали покои, отведенные иноземным властителям. Здесь радовали глаз украшения из бирюзы и пестрые росписи с изображением нагих купальщиц и летящих птиц.

— Царь ожидает вас в саду.

Рамсес любил сажать деревья, следуя завету древних правителей, мечтавших превратить Египет в цветущий сад, где все жили бы в довольстве и согласии. Стоя на коленях, Рамсес прививал яблоню. На его руках сияли золотые браслеты с лазуритом, по верхнему краю которых вились изображения диких уток.

Неподалеку лежал лучший страж фараона — прирученный им лев, что сопровождал юного царя еще в битвах с азиатами в самом начале его царствования. Лев слушался лишь своего хозяина и любого, кто осмелился бы угрожать царю, мгновенно разорвал бы на части.

Нефret осталась ждать мужа возле водоема, где плавали яркие рыбки. Визирь приблизился к Рамсесу, но царь не обернулся, по-прежнему занятый яблоней.

— Всели благополучно в царстве, Пазаир? — спросил он.

— Мой повелитель, я принес недобрые вести.

— Не удалось договориться с послами?

— Посол из Азии прибыл в гневе.

— Азия — извечный наш враг, ее народы не ценят мирной жизни. Перемирие для них означает одно: подготовку к следующей войне. Я укрепил границы Египта на востоке и на западе. Сеть новых крепостей не позволит ливийцам и азиатам захватить наши земли. Гарнизоны выставляют часовых днем и ночью. Каждый день в Пер-Рамсес привозят вести о передвижении войск азиатских владык. Получаю я донесения и о действиях моего визиря. — Царь обернулся и посмотрел Пазаиру в глаза. — Многие достойные люди жалуются на тебя. Начальники провинций недовольны. Придворные ропщут. Закон гласит: «Если визирь совершает промах, не следует ему таиться и запираться; пусть покается перед всеми и загладит свою вину».

— В чем моя вина, мой повелитель?

— Разве не ты приказал наказать палками сановников? Причем палачи с подручными восклицали: «Такого угождения не получал еще ни один из вас!»

— Я не слышал, что восклицали палачи. Но богатые и нищие равны перед Законом. И

чем могущественней преступник, тем строже наказание.

— Так ты ни в чем не раскаиваешься?

— Ни в чем.

Рамсес сердечно обнял Пазаира.

— Рад это слышать. Искус властью ты выдержал с честью и не изменил себе.

— Я лишь боялся огорчить вас.

— Торговцы-греки прислали мне длиннейший свиток с жалобой на тебя. Зачем ты их притесняешь?

— Пытаюсь пресечь незаконный ввоз монет, чтобы деньги не поработили Египет.

— И чтобы Бел-Тран не восторжествовал.

— Его преступные сторонники изгнаны. Источник доходов иссяк. Многие от него отвернулись.

— Стоит ему прийти к власти, деньги потекут в Египет рекой.

— У нас в запасе есть еще время, мой повелитель.

— Я буду вынужден отречься от престола, лишь вмешательство богов способно мне помочь.

— Сейчас у Бел-Трана не хватит сил захватить власть.

— Он не отступится, и ради власти готов уничтожить весь Египет. Таких, как Бел-Тран, немало. Счастье, что до сих пор им не удавалось завладеть царством.

— Будем надеяться, не удастся и теперь.

— Чем разгневаны азиатские владыки? — спросил фараон.

— Бел-Тран послал им золото самой низкой пробы.

— Нет оскорблений хуже. Посол грозил войной?

— Единственная возможность сохранить мир — это послать им золота вдвое больше прежнего и высшей пробы.

— Хватит ли нам золота?

— Нет, владыка. По милости Бел-Трана сокровищницы пусты.

— В Азии решат, что я нарушил слово. Нет, отречения не избежать. И все поверят, что Бел-Тран спас Египет.

— Есть средство ему помешать. Сути находится в Коптосе, с ним вместе золотая богиня. Быть может, они укажут нам путь к богатым золотым приискам.

— Отправляйся в Коптос и все разузнай.

— Не так-то это просто.

— Почему?

— Сути возглавил собственное войско. Он прогнал градоначальника Коптоса и занял его место.

— Он нарушил Закон.

— Наши войска окружили Коптос, но я запретил им идти на приступ. Вторжение в город прошло мирно, ни один житель не пострадал.

— Чего ты осмеливаешься просить у меня, Пазаир?

— Если мне удастся уговорить Сути помочь нам, я прошу, чтобы его помиловали.

— Сути сбежал из крепости в Нубии и сейчас, заняв Коптос, совершил величайшее беззаконие. Он виновен.

— Сути — жертва несправедливости, он всегда служил Египту с любовью и верностью. Разве он не заслуживает снисхождения?

— Забудь о своей дружбе, визирь, и служи Закону. Порядок должен быть восстановлен.

Пазаир склонился в низком поклоне. Рамсес в сопровождении льва направился к беседке, где в задумчивости сидела Нефret.

— Готовы ли вы начать меня мучить? — спросил он.

Более часа осматривала фараона главная целительница. Она поняла, что Рамсеса Великого донимают ревматические боли, и прописала ему отвар ивовой коры^[22], который нужно было пить каждый день. Зубы тоже доставляли немало страданий фараону, многие из них следовало залечить.

Нефret приготовила пасту из смолы фисташкового дерева, нубийской глины, меда, толченого гранита и медной пыли. Она посоветовала фараону отказаться от молодых сладких побегов папируса, которые он любил жевать, так как они причиняют вред зубной эмали и изнашивают зубы до времени.

— Вы надеетесь на лучшее, Нефret?

— Если быть до конца откровенной, скажу, что опасаюсь воспаления коренного зуба слева. Я посоветовала бы вам находиться под постоянным наблюдением, иначе придется его вырывать. В особо тщательном уходе нуждаются десны, мы будем укреплять их примочками из календулы.

Нефret вымыла руки и подала Рамсесу содовое полоскание.

— Не мое будущее заботит меня, Нефret, а будущее Египта. Я знаю ваш дар ясновидения. Как мой отец, вы чувствуете направление глубинных сил, которые невозможно различить за поверхностным кипением каждодневных событий. Поэтому я вновь повторяю свой вопрос: надеетесь ли вы на лучшее?

— Вы приказываете мне ответить?

— Неужели нам не на что надеяться?

— Душа Беранира бережет Египет, его муки не пройдут бесследно. В глубинах тьмы рождается свет.

* * *

Нубийцы несли сторожевую службу на крыше Коптоса, зорко наблюдая за тем, что делается за его стенами. Каждые три часа опытный старый воин приходил к Сути с донесением.

— Сотни воинов... Они приплыли по Нилу.

— Мы окружены?

— Они расположились лагерем в отдалении и укрепляют свои позиции. Если они пойдут на приступ, нам не выстоять.

— Отправь отдыхать своих людей.

— Ливийцы внушают мне опасение: у них одно на уме — грабежи и игра в кости.

— Стражи пустыни наблюдают за ними.

— А если и эти предадут тебя, что тогда делать?

— Не предадут, пока у меня есть золото. А запасы его неисчерпаемы.

С сомнением покачав головой, старый воин вернулся на террасу дома, откуда он созерцал воды Нила. Он давным-давно устал от пустыни.

Весь Коптос замер, затаил дыхание. Каждый из жителей чувствовал, что воины вот-вот

пойдут на приступ. Если чужаки под предводительством Сути сдадутся, город избежит кровавой резни.

Однако Пантера ничего не желала слушать, она настаивала на сражении, убеждая своих «подданных», что они должны выстоять во что бы то ни стало. Сдавшихся египтяне подвергнут страшным карам и казнят мучительной смертью. Золотая богиня вернулась с дальнего юга не за тем, чтобы покориться первому войску, которое встало у нее на пути. Завтра ее царство раскинется до самого моря, и тот, кто останется с ней, будет наслаждаться счастьем и богатством.

Да и как не довериться могуществу Сути? Свет иного мира осеняет его, он сам сделался полубогом. Не ведая страха, он вселяет мужество в тех, кто никогда не имел его. Те, что пронизывают взглядом, давно мечтали о таком военачальнике; он повелевает, не повышая голоса; он натягивает самый тугой из луков; он может разбить голову труса, как пустой орех. Тот, кто осмелится пойти против него, будет уничтожен пламенем, вышедшим из чрева земли.

— Ты заворожила Коптос и его жителей, — сказал Сути Пантере.

Она, только что искупавшись, лежала, наслаждаясь прохладой, возле бассейна:

— Это только начало, любовь моя. Скоро нам будет тесно в Коптосе.

— Твоя мечта обернется гибелью. Нам не выстоять против настоящего войска.

Пантера обняла Сути за шею и привлекла к себе:

— Неужели ты разуверился в своей золотой богине?

— Я потерял разум, послушавшись тебя.

— Что такое разум, когда я вернула тебе жизнь? Не думай о гибели, отдайся нашей мечте. Разве ты не видишь, что она золотая?

Как ни хотелось Сути избавиться от чар Пантеры, но он был перед ней бессилен. Одно прикосновение к ее золотистой коже, умащенной экзотическими благовониями, пробуждало в нем желание, неудержимое, как горный поток. Она опьяняла его ласками и лишала воли. Пантера знала свое могущество, она являлась воплощением самой нежности, когда, приникнув к Сути и обняв его, она увлекла его за собой в бассейн.

Они еще не разомкнули объятий, когда в двери постучал старый нубиец, прервав страстную беседу их тел.

— Вас вызывает на переговоры военачальник-египтянин. Он ждет вас у городских ворот со стороны Нила.

— Один?

— Один и без оружия.

Город погрузился в напряженную звенящую тишину, когда Сути шел на встречу с полководцем в клетчатой цветной юбке, из отряда Амона.

— Ты Сути?

— Градоначальник уступил мне свое место.

— Ты предводительствуешь мятежниками?

— Я удостоен чести возглавлять свободных людей.

— Твои дозорные успели тебе сообщить, что войско наше огромно? Как бы доблестно вы ни сражались, вам не устоять.

— Когда я был колесничим, мой учитель советовал мне не обращать внимания на похвалы. Еще меньше значения я придаю угрозам.

— Значит, ты отказываешься сдаться?

— А ты в этом сомневался?

— Любая попытка сбежать обречена на провал.

— Атакуйте, мы готовы к встрече.

— Не мне принимать решение о приступе. Команду подаст нам визирь. Пока он не прибудет в Коптос, вам будут по-прежнему подвозить продовольствие.

— Когда прибудет визирь?

— Воспользуйтесь передышкой. Как только визирь Пазаир ступит на эту землю, он поведет нас в бой и восстановит законный порядок.

Силкет едва не подпрыгивала на месте от возбуждения, гоняла служанок, выбегала в сад, дожинаясь возвращения супруга, и никак не могла успокоиться. Она даже отвесила пощечину дочери за то, что та утащила тайком пирожное, не обратила ни малейшего внимания на сына, который гонялся за кошкой, и бедняжке пришлось спасаться, забравшись на верхушку пальмы. Наконец она занялась обедом, поменяла все блюда, отчитала детей и бросилась к дверям навстречу мужу.

— Дорогой! Послушай! Какая радость! — восклицала она.

Бел-Тран еще только спускался с носилок, а Силкет в нетерпении уже тянула его за край льяного покрывала, которое он накидывал на плечи, спасаясь от палящего солнца. Торопя мужа, Силкет потянула сильнее и разорвала драгоценный лен.

— Нельзя ли поосторожнее! Оно стоило целое состояние!

— Потрясающая новость! Идем скорее, я налью тебе старого вина в твой любимый кубок!

Женщина-дитя звонко хохотала, ластилась к мужу и вела себя еще ребячливее, чем обычно.

— Сегодня утром я получила послание из дворца! — Из ларца для свитков Силкет достала папирус с царской печатью. — Приглашение от царицы-матери... Она зовет меня! Это победа!

— Приглашение?

— Да, в ее собственный дворец! И об этом будет знать весь Мемфис!

Изумленный Бел-Тран взял папирус. Неужели? Рука царицы-матери! Туя не воспользовалась услугами писца, тем самым подтверждая свое настоятельное желание видеть у себя Силкет.

— Сколько придворных дам годами дожидается подобной чести! А я ее удостоилась.

— В самом деле, достойное удивления чудо.

— А я не удивлена. Это дань уважения к тебе, мой дорогой. Туя — умная женщина, и очень близка с сыном. Видно, он дал ей понять, что его царствование близится к концу. Царица-мать хочет позаботиться о своем будущем. Она хочет со мной подружиться, чтобы ты не лишил ее привилегий и полномочий.

— Значит, ты думаешь, что Рамсес открыл ей правду?

— Он мог просто-напросто намекнуть, что готов к отречению. Усталость, болезни, непонимание того, что нужно для обновления Египта... Рамсес мог назвать любые причины, но Туя поняла главное — перемены неизбежны, и сразу сообразила, какую роль ты будешь играть в будущем. А как тебя склонить на свою сторону? Только сделав меня своим доверенным лицом и введя в свой ближайший круг. Старая царица не без хитрости. Но она поняла, что проиграла. Поняла, что если будет враждовать с нами, то лишится дворцов, слуг и богатства. В ее возрасте это невозвратимая потеря.

— Воспользоваться ее влиянием было бы очень полезно. При поддержке царицы-матери новое правление укрепится без труда и не вызовет сопротивления. Настоящий подарок судьбы! Я не мог даже помышлять о подобном!

— Как мне себя с ней вести? — спросила Силкет, не в силах усидеть на месте от возбуждения.

— Почтительно и доброжелательно. Принимай ее посулы, дай ей понять, что мы принимаем ее помощь и довольны ее покорностью.

— А если она заговорит о судьбе сына?

— Рамсес удалится в храм на территории Нубии, где и будет стариться в обществе жрецов-отшельников. Как только мое правление упрочится и возврат к прошлому будет невозможен, мы избавимся и от матери, и от сына. Прошлое не должно связывать нам руки.

— Ах, какой ты умный, мой дорогой!

* * *

Кему было не по себе. Если Пазаир недолюбливал придворную жизнь и подчинение правилам этикета, то Кем все это просто ненавидел. Облачаясь в роскошные одежды, подобающие верховному стражу, он чувствовал себя шутом. Цирюльник надел на него парик, побрил, умастил благовониями, художник очертил его деревянный нос. И вот уже добрый час Кем сидел без дела в приемной, чувствуя, что даром теряет время. Но разве можно отказаться от приглашения царицы-матери?

Наконец управляющий провел его в покой Туи — строго убранную комнату с небольшими каменными табличками, запечатлевшими подвиги предков. Гораздо меньше ростом, чем высокий нубиец, она внушала почтительный трепет огромной внутренней силой и напомнила Кему тигрицу, приготовившуюся к прыжку.

— Я хотела узнать, насколько вы терпеливы, — сообщила она. — Верховному стражу ни при каких обстоятельствах нельзя терять хладнокровия.

Кем не знал, должен ли он оставаться стоять, или ему надо сесть, следует ли что-то ответить, или требуется промолчать.

— Каково ваше мнение о визире Пазаире? — спросила Туя.

— Он — человек справедливый, он единственный справедливый человек, которого я знаю! Если вы хотели услышать о нем что-нибудь дурное, то обращайтесь не ко мне.

Кем ответил и тут же понял, что его слова прозвучали слишкомзывающе и грубо, и грубость его непростительна.

— Характер у вас еще хуже, чем у вашего недостойного предшественника, а знания этикета нет совсем, — хмуро заявила царица-мать.

— Я сказал вам правду, моя повелительница.

— Немалый подвиг для верховного стража.

— Для меня мало значат мой титул и моя должность. Если я согласился принять их, то только для того, чтобы помочь Пазаиру.

— Визирю повезло, а я ценю людей, которым сопутствует везение. Вот вы сейчас и поможете Пазаиру.

— Что я должен сделать?

— Я хочу знать все, что известно о супруге Бел-Трана.

* * *

Как только стало известно, что прибывает судно визиря, портовая стража стала

освобождать место у главной пристани Мемфиса. Тяжелые грузовые суда маневрировали с грацией стрекоз и находили для себя место, не толкая других.

Поглотитель теней провел ночь на крыше башни, рядом со зданием таможни и хранилищем папируса. Как только он убьет свою жертву, он сбежит через этот проход. В порту достаточно было только навострить уши, и тебе становились известны все подробности о путешествии Пазаира из Пер-Рамсеса в Мемфис.

Свой план нападения пособник тьмы построил на вполне вероятном ходе событий. Пазаир, желая избежать толпы, жаждущей приветствовать визиря, наверняка поедет не по главной улице города, что ведет из порта во дворец, а вместе со своими охранниками свернет в боковой проулок. Здесь его будет ждать колесница. Визирь задержится, чтобы подняться на колесницу, и это как раз произойдет под тем местом, где затаился поглотитель теней. На этот раз бumerанг достигнет цели.

Оружие ему досталось дешево, на рыночной распродаже. Мог ли торговец распознать убийцу среди шумной толпы покупателей? Как и другие, тот расплатился за свое приобретение свежим луком. Расправившись с визирем, он постараётся повидаться с Бел-Траном. Положение главы Двойного Белого дома пошатнулось, многие толковали о его скором падении. Устранив Пазаира, пособник тьмы вернет Бел-Трану уверенность в победе. Но он не сомневался, что Бел-Тран не вознаградит его за помощь, а постараётся уничтожить как свидетеля, и собирался принять меры предосторожности. Он назначит ему встречу в пустынном месте, и Бел-Тран должен будет прийти один. Если они договорятся о взаимном молчании, то Бел-Тран вернется домой счастливым победителем, если нет, то ему придется заставить замолчать Бел-Трана навсегда. Требования его не так уж и велики: золото, безопасность, официальная должность под другим именем и дом в Дельте, Мало кто прибегал к услугам пособника тьмы. Но кто знает, может, в один прекрасный день Бел-Трану вновь понадобятся его умения. Царству, основанному на крови, убийца опять поможет своим искусством...

На пристани появился Кем вместе с павианом. Последние опасения поглотителя теней рассеялись: ветер дул ему в лицо. Павиану ни за что не учゅять, где он спрятался, не смогут они понять, и откуда брошен бumerанг, потому что на этот раз он не будет описывать дуги, а молнией обрушится сверху.

Судно визиря причалило к пристани. С него сошли Пазаир и Нефret, и тут же их окружили стражи Кема. Павиан возглавил кортеж, который не пошел по главной улице, а свернул, как и предполагал поглотитель теней, на боковую.

Еще несколько мгновений, и кортеж замедлит ход, и визирь остановится, чтобы подняться на колесницу. Времени вполне достаточно, чтобы бumerанг поразил его в висок.

Согнув руку, поглотитель теней подготовился к броску. Кем и павиан встали по бокам колесницы. Нубиец подал руку Нефret, помогая ей подняться. Очередь за Пазаиром. Поглотитель теней привстал, он уже видел ненавистный профиль Пазаира и его висок и в последний миг с трудом успел удержать бumerанг, который едва не вырвался у него из рук: на пути бumerанга встал человек, заслонив собой визиря.

Так Бел-Тран, сам того не ведая, спас врага, которому желал гибели.

— Мне необходимо переговорить с вами без промедления, — объявил глава Двойного Белого дома. Его торопливая речь и суетливые жесты весьма раздражали павиана — он недовольно заворчал.

— Это так срочно? — выразил недоумение визирь.

— В вашей приемной меня известили, что вы отменили аудиенции на много дней вперед.

— Неужели я обязан давать вам отчет о том, как я намерен распоряжаться своим временем?

— Положение очень серьезно: я обращаюсь к богине Маат!

Бел-Тран не стал бы произносить подобные слова просто так в присутствии множества свидетелей, среди которых был и верховный страж. Заявление звучало настолько серьезно, что визирь был вынужден согласиться принять его просьбу.

— Маат ответит вам согласно ритуалу. Будьте у меня в два часа.

Ветер внезапно стих. Павиан задрал голову вверх. Поглотитель теней распластался на крыше и ползком отодвинулся от края. Так он и пролежал — ничком, не поднимая головы, — некоторое время. Потом услышал шум отъезжающей колесницы и закусил губу до крови.

* * *

Визирь поздравил Бака, своего личного секретаря. Трудолюбивый и старательный юноша сумел удивительно точно изложить суть дела, не допустив ни малейшей неточности. Бак выразил надежду, что Пазаир и в дальнейшем будет доверять ему составление указов, дабы быть безупречным и в глазах подчиненных, и в глазах народа.

— Я очень доволен твоей работой, Бак, но полагаю, что тебе лучше перейти в другое ведомство.

Юноша побледнел.

— Какую ошибку я допустил?

— Ни единой.

— Скажите мне откровенно, молю вас.

— Ни единой, повторяю тебе.

— Тогда почему вы хотите отказаться от моих услуг?

— Ради твоего же блага.

— Моего блага? Но я счастлив находиться подле вас. Может быть, я кого-нибудь обидел?

— Твоя скромность и вежливость расположила к тебе всех писцов.

— Не скрывайте от меня правды.

— Хорошо. Было бы гораздо разумнее держаться тебе подальше от меня.

— Но я не хочу!

— В ближайшем будущем меня ждет множество опасностей, Бак. Меня и всех, кто ко мне приближен.

— И причина этого Бел-Тран, не так ли? Он хочет погубить вас.

— Не имеет смысла разделять мою участь; в любом другом ведомстве ты будешь в безопасности.

— Подобное малодушие мне не по сердцу. Что бы ни произошло, я остаюсь с вами, — твердо заявил Бак.

— Ты слишком молод. К чему губить собственную карьеру?

— Мне нет дела до карьеры. Вы доверились мне, я доверяюсь вам.

— Ты понимаешь, что поступаешь неосторожно?

— А вы на моем месте поступили бы по-другому?

Пазаир помолчал немного, глядя на юношу, затем сказал:

— Исправь указ о посадке деревьев в северном квартале Мемфиса. Никто не должен занимать под постройки места, предназначенные для деревьев.

Обрадованный Бак с благодарностью посмотрел на визиря и принялся за работу. На лицо его набежала тень, когда он увидел входящего в комнату Бел-Трана.

Пазаир сидел скрестив ноги и писал распоряжение правителям номов: из-за скорого разлива Нила им следовало проверить состояние плотин, каналов и прудов, задерживающих воду.

Бел-Тран, облаченный в новые одежды с широкими складками, стоял молча и ждал, когда Пазаир освободится.

— Я слушаю вас, — сказал визирь, не поднимая головы. — И прошу вас не терять времени на бесплодную болтовню, переходите прямо к сути дела.

— Знаете ли вы, как велика ваша власть?

— В первую очередь я знаю свои обязанности.

— Вы занимаете верховный пост, Пазаир. Когда самыми высокими особами совершаются преступления против государства, именно вам надлежит восстанавливать справедливость.

— Я не люблю пустых намеков.

— Я буду говорить прямо: вам одному дано право судить членов царского дома и самого фараона в случае, если они предают интересы своей страны.

— Вы осмеливаетесь говорить о предательстве?

— Рамсес виновен.

— Кто его обвиняет?

— Я, желая, чтобы честь нашей страны оставалась незапятнанной. Отослав нашим друзьям в Азию золото низкого качества, Рамсес поставил под угрозу договор о мире. Пусть он предстанет перед судом.

— Но это золото отослали вы! — возмутился Пазаир.

— Фараон никому не позволяет вмешиваться в свои отношения с Азией. Неужели можно предположить, что какой-нибудь из сановников действовал по своей воле?

— Как вы и сказали, у меня есть право восстановить справедливость, и я ее восстанавливаю: Рамсес не виновен, я его оправдываю!

— Я представлю доказательства его вины. В качестве визиря вы обязаны будете принять их к сведению и начать судебное разбирательство.

— Изучение дела будет весьма долгим.

Бел-Тран покраснел от злости и воскликнул:

— Неужели вы не понимаете, что я даю вам последний шанс?! Выступив обвинителем фараона, вы спасетесь сами. Самые влиятельные люди на моей стороне. Рамсес остался в одиночестве, его остали все.

— С ним остался его визирь.

— Ваш преемник накажет вас за предательство.

— Положимся на Маат, отдадимся в ее руки.

— Вы заслужили свою горькую судьбу, Пазаир.

— Свитки наших деяний, моих и ваших, лягут на весы в другом мире.

Бел-Тран вышел, а Бак передал визирю послание весьма необычного содержания.

— Я подумал, что это письмо вам следует прочитать как можно быстрее.

Пазаир прочитал письмо и сказал:

— Ты прав. Хорошо, что я ознакомился с ним до своего отъезда.

* * *

Маленькое селение неподалеку от Фив, казалось, дремало в тени пальм, защищавших его от жарких лучей майского солнца. Но нет, отдыхали только волы и ослы, а все жители столпились на пыльной площади, где заседал местный суд.

Сельский староста решил наконец покончить с делом старого пастуха Пепи, дикаря, живущего на отшибе среди ибисов и крокодилов, который забивался в гущу папирусов, как только видел сборщика налогов. Вот уже много лет старик не платил налогов, и сельский староста потребовал забрать у него в качестве платы жалкий кусок земли в несколько локтей на берегу реки и сделать его собственностью деревни.

Опершись на суковатую палку, старик стоял на пороге своей хижины, дожидаясь, когда будет рассмотрено его дело. Деревенский судья, приятель старосты и давний враг Пепи, даже не собирался выслушать старика, хотя жители настаивали на этом.

— Судья постановил: решено...

— Мало оснований для решения.

— Кто осмелился меня прерывать?

Пазаир выступил вперед:

— Я! Визирь Египта.

Все узнали Пазаира, ведь он начал свое восхождение с поста судьи в селении, где родился. Изумленные и обрадованные, они низко поклонились ему.

— Согласно закону, я буду у вас главным судьей.

— На изучение дела потребуется немало времени, — проворчал староста.

— Я успел ознакомиться с ним, получив его со вчерашней почтой.

— Долги Пепи...

— Они заплачены, и, стало быть, для суда нет никаких оснований. За пастухом остается его земля, которую он унаследовал от отцов своих отцов.

Жителисыпали визиря похвалами, принесли ему цветы, поднесли пива.

Наконец Пазаир остался наедине со старым пастухом.

— Я знал, что ты вернешься, — сказал Пепи, — и ты вернулся как раз вовремя. Ты всегда был неплохим пареньком, хотя выбрал себе странное занятие.

— Теперь видишь, что и судья может быть справедливым.

— Если честно, я по-прежнему сомневаюсь в этом. Ты вернулся, чтобы поселиться в родном селении?

— К несчастью, нет. Мне нужно ехать в Коптос.

— Тяжелое дело быть визирем. От тебя все ждут заботы о счастье людей.

— Кто не согнется от тяжести такого долга?

— Бери пример с пальмы. Чем больше ее пригибают к земле, тем быстрее она расправляется и тянется вверх.

Пантера съела кусочек арбуза, искупалась, обсушилась на солнце, выпила свежего пива и легла рядом с Сути, чей взгляд был прикован к западному берегу Нила.

- Что тебя беспокоит?
- Почему они не нападают?
- Вспомни о приказе визиря.
- Что мы будем делать, если сюда придет Пазаир?
- Он не придет. Для визиря Египта ты — мятежник вне закона, он оставил тебя. Когда мы дойдем до крайнего нервного напряжения, все наши разногласия прорвутся наружу; очень скоро ливийцы столкнутся с нубийцами, а те, что пронизывают взглядом, присоединятся к египтянам. Армии даже не придется вступать в сражение.

Сути погладил Пантеру по голове и спросил:

- Что ты предлагаешь?
- Нужно разжать тиски. Воспользуемся стремлением к победе наших воинов, пока они нам повинуются.
- Нас уничтожат.
- Что ты об этом знаешь? Мы с тобой уже привыкли к чудесам. Если мы победители, мы возьмем и Фивы! Коптос мне кажется слишком маленьким, да и мрачность тебе не идет.
- Обхватив Пантеру за бедра, Сути приподнял ее, и ее грудь оказалась на уровне его глаз. Светлые волосы ливийки слились с солнечным светом. Запрокинув голову и раскинув руки, она только попросила:
- Заставь меня умереть от любви.

* * *

Нил менял обличье: опытный взгляд мог заметить, что синяя вода понемногу тускнела, ее уже затемнял первый ил, принесенный течением с далекого юга. В июне закончится жатва, в деревнях уже шла молотьба.

Прошедшую ночь Пазаир провел под открытым небом в своей родной деревне, под охраной Кема и Убийцы. Он наслаждался запахами ночи, а затем — красками зари. В то время когда Пазаир был начинающим судьей, он часто позволял себе это удовольствие.

— Мы отправляемся в Коптос, — объявил он Кему. — Я отговорю Сути от его безумных планов.

- Вы рассчитываете договориться?
- Он меня послушает.
- Вы прекрасно знаете, что нет.
- Мы смешали нашу кровь, он мой духовный брат. Мы поймем друг друга без слов.
- Я не оставлю вас с ним наедине.
- Не вижу другого выхода.

Из пальмовой рощи появилась воздушная и светящаяся Нефret с диадемой из цветов лотоса и ожерельем из бирюзы. Она была так прекрасна, что Пазаиру показалось, что он грезит. Обняв ее, он заметил, что Нефret еле сдерживает слезы.

— Я видела ужасный сон, — объяснила она. — Ты умирал на берегу Нила и звал меня. Я пришла предотвратить судьбу.

* * *

Поглотитель теней понимал, что риск велик. Но где визирь подвергался наибольшей опасности, если не в Коптосе? В Мемфисе он уже становился недосягаемым. Если вспомнить о досадной последней помехе, то опять везение сопутствовало Пазаиру. Можно подумать, что боги на самом деле охраняли его, и, хотя эта мысль не раз приходила ему в голову, поглотитель теней отказывался в нее верить. Успех переменчив, в конце концов изменит и Пазаиру.

Мемфис был полон слухов. На рынке говорили об отряде мятежников, вышедших из пустыни, якобы захвативших Коптос и угрожавших Фивам. Быстрое вмешательство армии рассеивало беспокойство, но все задавались вопросом, какому наказанию визирь подвергнет бунтовщиков. То, что он сам займется наведением порядка, ни у кого не вызывало сомнения. Ведь Пазаир был человеком действия и сразу откликался на происходящее.

Поглотитель теней почувствовал, как по пальцам пробежала дрожь. Это напомнило ему о первом убийстве, совершенном на службе у заговорщиков во главе с Бел-Траном. Поднимаясь на судно, которое следовало в Коптос, он ощутил уверенность в том, что на этот раз все удастся.

* * *

— Визирь! — закричал нубийский часовой.

Жители Коптоса выбежали на улицы. Говорили о нападении, об отряде лучников, о множестве штурмовых башен, о сотнях колесниц.

С террасы дома градоначальника Сути восстанавливал порядок.

— Это безусловно визирь Пазаир, — возвестил он зычным голосом. — Он в своем официальном наряде, но он — один.

— А войско?

— С ним нет ни одного бойца.

— Что ты думаешь делать? — спросила Пантера.

— Выйти из Коптоса и встретить его.

Пантера попробовала удержать возлюбленного:

— Это ловушка, в тебя будут стрелять из лука.

— Ты плохо знаешь Пазаира.

— Не слушай его, не уступай ни в чем!

— Успокой свой народ, золотая богиня.

* * *

Стоя в лодке, Нефret, Кем и павиан смотрели вслед Пазаиру. Молодая женщина была

ни жива ни мертва от страха, нубиец не переставал себя упрекать:

— Пазаир заупрямился, потому что дал слово... Мне следовало бы его запереть!

— Сути не причинит ему вреда.

— Мы не знаем. Возможно, он изменился, вкус власти вскружил ему голову. Кого встретит теперь визирь?

— Он сумеет его убедить.

— Я не могу оставаться здесь и бездействовать. Я присоединюсь к нему.

— Нет, Кем, будем уважать его волю.

— Если с ним случится несчастье, я вырежу всех жителей этого города.

Визирь остановился в десятке метров от главных ворот Коптоса со стороны Нила. Он воспользовался выложенными плитами аллеей, идущей от пристани, по бокам которой были установлены небольшие жертвенники, куда во время процессий жрецы возлагали приношения богам.

В тяжелом строгом облачении, достойном его сана, спокойно опустив руки, Пазаир поджидал шедшего ему навстречу Сути.

С длинными волосами, загоревшимися, возмужавшимися, Сути был в ожерелье из золота, на поясе набедренной повязки висел кинжал с золотой рукояткой.

— Кто будет подходить первым?

— Ты еще соблюдаешь наши порядки?

Сути приблизился. Мужчины стояли друг против друга.

— Ты оставил меня, Пазаир.

— Ни на мгновение.

— Могу ли я тебе верить?

— Разве я тебе когда-нибудь лгал? Мой пост визиря запрещал мне нарушить закон и изменить решение суда в твою пользу. Гарнизон Чару не преследовал тебя после побега именно потому, что я удержал его внутри крепости. Потом я потерял твой след, но знал, что ты вернешься. Я должен был объявиться, и вот я здесь. Мне бы хотелось появиться здесь без огласки, но возможно и так.

— Я мятежник в твоих глазах.

— На тебя никто не жаловался.

— Я занял Коптос.

— Ни одного погибшего или раненого, ни одного столкновения такого рода.

— А градоначальник?

— Он обратился к войску, которое стоит лагерем неподалеку. С моей точки зрения, никакого непоправимого урона нанесено не было.

— Ты забыл, что по закону я должен стать рабом госпожи Тапени.

— Госпожа Тапени лишена прежних прав. Так она поплатилась за свою жалкую попытку союза с Бел-Траном. Твоя жена и не представляла, что он настолько презирает женщин.

— Это означает...

— Это означает, что можно огласить развод, если ты этого хочешь. Ты сможешь также потребовать часть имущества, но этого я тебе не советую, так как вся процедура займет слишком много времени.

— Мне плевать на имущество!

— Твоя золотая богиня одарит тебя?

— Пантера спасла мне жизнь в Нубии, но египетское правосудие обрекло ее на изгнание.

— Не совсем так, потому что ее вина связана с твоей судьбой. Кроме того, ее героический поступок по отношению к египтянину позволяет мне пересмотреть решение суда. Пантера может свободно находиться на нашей земле.

— Ты говоришь правду?

— Будучи визиром, я обязан это делать. Решения, принятые по справедливости, будут подтверждены судом.

— Я не верю.

— Ты не прав. Я говорю не просто как твой кровный брат, а как египетский визирь.

— Не скомпрометируешь ли ты себя?

— Это не столь важно. С началом паводка я буду смещен со своего поста и заключен под стражу. Победа Бел-Трана и его союзников кажется неотвратимой.

— Азиаты?

— Бел-Тран специально послал им золото плохого качества, фараону придется расплачиваться за это. Чтобы исправить положение, надо отправить еще столько же золота, только настоящего, высшей пробы. У меня нет времени для того, чтобы восстановить наши запасы, разграбленные Бел-Траном. Короче, ловушка захлопнулась. По крайней мере, я спасу тебя и Пантеру. Насладись Египтом в эти последние недели, которые отделяют нас от отречения Рамсеса от престола, а потом покинь его. Эта страна будет ввергнута в преисподнюю, оказавшись во власти греческого золота и самой прозаической, низменной выгоды.

— У меня есть золото.

— То, которое украл полководец Ашер, а ты вернул?

— Его почти хватит, чтобы оплатить египетские долги.

— Благодаря тебе мы избежим войны.

— Ты бы должен был еще полюбопытствовать.

— Это отказ?

— Ты не понимаешь: я открыл город золота, затерянный в пустыне. Огромные запасы драгоценного металла! Я передам Коптосу колесницу, заполненную слитками, а Египту — золото, необходимое для азиатов.

— А Пантера на это согласится?

— Тебе потребуется много убедительности, вот и повод проявить твой талант, — улыбнулся Сути, и друзья заключили друг друга в объятия.

* * *

Во время праздников, посвященных богу Мину, весь Коптос предавался самому разнудданному веселью, когда-либо виданному в Египте. Мин олицетворял собой небесное и земное плодородие и побуждал юношей и девушек соединяться во взаимном порыве желания. Как только было объявлено о перемирии, радость нахлынула с удвоенной силой.

По решению визиря, Коптос получал золото Сути, не облагаемое налогами. Ливийцы были отправлены пехотинцами в корпус армии, расквартированный в Фивах, а нубийцы — в элитные отряды лучников, в то время как стражи пустыни снова занялись своим делом —

охраной караванов и горнорабочих, не понеся наказания.

И жители, и армия пировали и веселились. Всюду слышался смех. Сути и Пантера принимали визиря и Нефret в доме градоначальника, снова переданном правителю Коптоса. Белокурая ливийка, сверкающая золотыми украшениями, недовольно хмурилась.

— Я отказываюсь покинуть город. Мы взяли его, он принадлежит нам.

— Очнись, — заметил Сути, — наши войска исчезли.

— У нас достаточно золота, чтобы купить весь Египет!

— Начните с его спасения, — посоветовал Пазаир.

— Мне — спасать моего традиционного врага?!

— Вам ведь тоже необходимо избежать вторжения азиатов. Если это случится, я дорого не дам за ваше богатство.

Пантера взглянула на Нефret, ища поддержки.

— Я согласна с супругом: к чему ваши сокровища, если вы не сможете ими воспользоваться?

Пантера задумалась, затем поднялась и стала быстро ходить по комнате, пытаясь преодолеть свои сомнения.

— Чего вы хотите? — спросил ее Пазаир.

— Как спасители Египта, — заявила Пантера с превосходством, — мы можем позволить себе торговаться. Сейчас можно прямо задать визирю вопрос: что может он нам предложить?

— Ничего.

Она аж подпрыгнула:

— Как ничего?

— Вы оба будете очищены от пятен перед лицом закона, освободитесь от обвинений, потому что не совершили никакого преступления. Правитель Коптоса согласится на ваши извинения и примет ваше золото, которое обогатит его город. Он не будет держать на вас зла, ведь вы принесли счастье Коптосу.

Сути расхохотался:

— Мой кровный брат бесподобен! Правосудие глаголет его устами, но он не забывает и дипломатию. Может, ты стал настоящим визирем?

— Я стремлюсь к этому.

— Рамсес велик, недаром он тебя выбрал, а мне повезло с таким другом.

Пантера в негодовании воскликнула:

— Что за царство ты мне подаришь, Сути?!

— Моей жизни тебе не хватает, золотая богиня?

Ливийка набросилась на египтянина и начала бить его кулаками.

— Надо было мне тебя убить!

— Не все потеряно. — Он поборол ее и сжал в объятиях.

— Ты мечтал быть провинциальным распорядителем? — засмеялась Пантера, вырвалась из объятий и взяла кувшин с вином. Тут же она заметила, что Сути поднес руку к глазам. — Он ослеп из-за укуса скорпиона! — вскричала Пантера, выпустив из рук сосуд.

Нефret ее успокоила:

— Не волнуйтесь, случаи ночной слепоты — это редкая болезнь, но я с ней знакома и вылечу.

Лечебница Коптоса располагала всем необходимым. Нефret дала Сути средство,

составленное из извлеченной из глаз свиньи влаги, свинца, желтой охры и забродившего меда, все вместе было растолчено и превращено в однородную массу; потом Сути напоили отваром из бычьей печени, который он должен был принимать каждый день в течение трех месяцев, чтобы полностью выздороветь.

* * *

Пантера и Нефret спали. Сути смотрел на звезды, наслаждаясь ночной прохладой. Вместе с Пазаиром, они прогуливались по улицам притихшего города.

— Какое чудо! Нефret меня воскресила.
— Удача не покинула тебя.
— Что будет с царством?
— Даже с твоей помощью я не уверен, что смогу его спасти.
— Арестуй Бел-Трана и брось его в тюрьму.
— Он слишком изворотлив, и так не выкорчевать корни зла.
— Если все потеряно, не приноси себя в жертву.
— До тех пор пока останется хоть тень надежды, я буду исполнять свой долг.
— Упорство — один из твоих многочисленных недостатков; почему тебе необходимо разбить голову об стену? Послушай меня хоть один раз. Я могу тебе предложить лучшее.

Друзья прошли мимо ливийцев, громко хранивших от выпитого пива.

Сути снова посмотрел вверх, на небо, он снова видел луну и звезды; в тот момент, когда павиан Убийца, следовавший за ним на некотором расстоянии, испустил крик тревоги, молодой человек заметил на крыше лучника, готового выпустить стрелу.

Реакция Сути была молниеносной. Он прыгнул вбок, заслонив собой Пазаира.

Когда Сути упал, пронзенный стрелой, поглотитель теней прыгнул в повозку и умчался прочь.

Операция началась на заре и продолжалась три часа. Хотя Нефрет не выспалась, она основательно собралась с силами, чтобы не допустить ошибки. Два хирурга из Коптоса, привыкшие выхаживать стражей пустыни, помогали ей.

Перед тем как вынуть стрелу, которая пронзила грудь Сути прямо над сердцем, Нефрет сделала общее обезболивание. Она дала раненому через короткие промежутки времени десять доз порошка, составленного из опия, корня мандрагоры и кремнезема. Во время операции ее помощник разводил такой же порошок в уксусе и, чтобы Сути не просыпался, давал ему вдыхать пары. Для большей верности тело Сути обмазали обезболивающим бальзамом, в состав которого входил корень мандрагоры, мощное наркотическое средство.

Главная целительница царства осмотрела рану, затем с помощью скальпелей из нефрита расширила ее для того, чтобы вытащить наконечник стрелы. Ее беспокоила глубина раны. К счастью, сердечные каналы оказались не задеты, хотя Сути потерял много крови. Пропитанные медом компрессы остановили кровотечение. Осторожными точными движениями молодая женщина соединила разорванные ткани, потом с помощью тонких ремешков, сделанных из бычьих жил, — края главной раны. Какое-то мгновение Нефрет колебалась: нужна ли пересадка тканей? Подумав, она доверилась своему чутью и крепкой натуре Сути и отказалась от этой идеи. На швы она приклеила ткань, пропитанную жиром и медом, затем забинтовала все тело.

Кем осматривал крышу, откуда стрелял поглотитель теней. Он нашел нубийский лук, которым воспользовался убийца перед тем, как прыгнуть в повозку, украденную у ливийцев. Один из стражников помчался за ним вдогонку, но не настиг, так как время было упущено. Малочисленные свидетели не могли сказать ничего путного. Они лишь заметили выезжавшую из города под покровом ночи колесницу, но никто не мог описать возницу.

Кем был в отчаянии. В этот момент к нему подошел Убийца, взял его за руку и потянул за собой.

— Что ты хочешь? — удивился Кем.

Павиан продолжал тянуть его.

— Хорошо, я иду.

Убийца привел Кема к перекрестку и показал камень, поцарапанный колесницей.

— Он проехал здесь, ты прав, но...

Павиан увлек дальше своего хозяина и остановился возле канавы. Заинтересованный, нубиец подошел ближе. В канаве лежал нож из обсидиана.

— Он и не заметил, как обронил его... — Кем поднял нож и обратился к павиану: — Дорогой мой Убийца! Думаю, что ты только что предоставил нам решающую улику.

* * *

Когда поднялось солнце, Сути открыл глаза и увидел улыбающуюся Нефрет.

— Ты меня очень напугал, — призналась она.

— Разве можно сравнить стрелу с медвежьими когтями? Ты снова меня спасла.

— Стрела прошла совсем рядом с сердцем.

— Какие меня ждут последствия?
— Думаю, останется шрам.
— Когда я снова буду на ногах?
— Ты хорошо сложен, так что очень скоро. Мне кажется, ты еще более окреп за это время.

— Смерть играет со мной.

Голос Нефret выдавал переполнявшие ее чувства.

— Ты пожертвовал собой ради Пазаира. Не знаю, как я смогу тебя отблагодарить.

Сути нежно взял ее за руку.

— Пантера отняла у меня всю любовь, а иначе я бы сошел от тебя с ума. Никто не разлучит вас с Пазаиром, ваш союз крепче ударов судьбы. Сегодня они выбрали меня в качестве прикрытия, и я горжусь этим.

— Пазаир хочет поговорить с тобой.

Визирь тоже вошел взволнованный:

— Ты не должен был рисковать своей жизнью, Сути.

— Мне казалось, что визири не говорят чепухи.

— Тебе больно?

— Нефret в совершенстве владеет искусством успокаивать боль, я почти ничего не чувствую.

— Нашу беседу прервали.

— Я помню об этом.

— Итак, что ты хотел мне предложить? Думаю, жить на широкую ногу, любить, праздновать, упиваться каждым новым днем, не так ли?

— А что хочешь ты? — спросил Сути.

— Я бы желал уединиться в деревне вместе с Нефret, вдали от интриг и суеты, в которых мне приходится пребывать.

— Пустыня изменила меня, Пазаир; это она — мое будущее и мое царство. Я научился делить с ней секреты, питаться ее тайнами. Вдали от нее я чувствую себя отяженевшим и старым, но как только мои ступни соприкасаются с песком, я вновь чувствую себя молодым и бессмертным. Настоящий закон только в пустыне, будь со мною, ты тоже сделан из этого теста. Уйдем вместе, покинем этот мир лжи и порока.

— Сути, если визирь существует, то именно для того, чтобы одолеть эту ложь, дабы воцарилась справедливость.

— Тебе удалось этого достичь?

— Каждый день предоставляет мне свой набор побед и поражений, но Истина пока еще правит Египтом; как только всем будет заправлять Бел-Тран, справедливость покинет этот мир.

— Не дожидайся этого момента.

— Помоги мне в моей борьбе.

Сути отвернулся, словно отказываясь от предложения друга, а когда Пазаир выходил из комнаты, буркнул:

— Дай мне поспать! Как ты хочешь, чтобы я боролся, если мне хочется спать?

Лодка царицы-матери везла Силкет из Мемфиса в Пер-Рамсес. Укрывшись от раскаленного июньского солнца в прохладной каюте, супруга Бел-Трана использовала путешествие, чтобы предстать перед Туей в полном блеске. Ее умащивали благовониями, делали массаж и подавали фруктовые соки. На пристани ее ожидали носилки с балдахином от солнца. Дорога не отняла много времени, поскольку Силкет препроводили на берег озера, где находилась царская резиденция. Затем двое слуг спустились вместе с ней в расписанную голубым лодку, которая причалила к острову, где в беседке Туя читала поэмы Старого Царства, восхваляющие божественную красоту египетских пейзажей и уважение, которое люди должны испытывать по отношению к богам.

Силкет была в панике. Многочисленные украшения и роскошный льняной наряд ее никак не ободряли: способна ли она встретиться лицом к лицу с самой богатой и влиятельной женщиной Египта?

— Присядьте рядом со мной, Силкет, — пригласила царица-мать.

К большому удивлению Силкет, она совсем не походила на неприступную мать Рамсеса Великого, какой она привыкла видеть Тую на приемах. С распущенными волосами, босыми ногами, в простом белом одеянии, без каких-либо украшений и краски на лице, Туя была похожа на обычновенную женщину. Но ее голос проникал в самую душу.

— Вы, должно быть, страдаете от жары, дитя мое.

Не способная вымолвить ни слова, Силкет села на траву, забыв про неизбежные зеленые пятна, которые испортят дорогой лен.

— Располагайтесь в свое удовольствие, купайтесь, если хотите.

— Мне... мне не хочется, моя повелительница.

— А свежего пива?

Силкет не могла отказаться и взяла длинный сосуд с металлической трубочкой, позволявшей понемногу отпивать чудесный напиток. Она сделала несколько глотков, потупив взор, не находя в себе силы вынести взгляд Туи.

— Я люблю июнь, — сказала царица-мать. — В это время ослепительно светит солнце. А вы боитесь сильной жары?

— Она... она сушит мою кожу.

— У вас есть все необходимые умащения и бальзамы?

— Да, конечно.

— Вы много времени проводите за туалетом?

— Много часов в день... Мой муж очень требователен.

— Мне говорили о его замечательной карьере.

Силкет слегка приподняла голову: царица-мать сама ступила на территорию, где она ее подстерегала. Страх уменьшился. Эта женщина, производящая такое сильное впечатление, с тонким и прямым носом, с выступающими скулами и квадратным подбородком, — не будет ли она ее покорной рабой? Ненависть, подобная той, которая заставила ее обнажиться перед главным стражем сфинкса, дабы лишить его твердости и позволить мужу победить его, нахлынула на Силкет. Она любила подчиняться лишь Бел-Трану, остальные же должны находиться у ее ног. Предвидение унижения царицы-матери вызвало у нее состояние, близкое к экстазу.

— Замечательная, моя госпожа, это точное слово.

— Скромный чиновник стал большим человеком в государстве... Только в Египте возможны подобные возвышения. Но важно расстаться со своими представлениями

маленького человека, когда достигаешь величия, не правда ли?

Силкет нахмурила брови:

— Бел-Тран честный и работающий. Он думает лишь об общем благе.

— Поиск власти вызывает столкновение интересов, о которых я имею довольно отдаленное представление.

Силкет ликовала: рыбка клюнула! Для большей смелости она отпила еще холодного пива, такого изысканного, что по телу пробежала сладкая истома.

— В Мемфисе шепчутся, что фараон болен, — заметила она.

— Он очень устал, госпожа Силкет, на нем непосильное бремя.

— Не должен ли он скоро объявить праздник обновления?

— Такова священная традиция.

— А если нарушится магический ритуал?

— Тогда боги возвестят, что призывают к правлению нового фараона.

На лице Силкет появилась жестокая улыбка.

— Только боги могут быть этому причиной?

— Вы слишком туманно выражаетесь.

— Не обладает ли Бел-Тран природой царей?

Туя задумчиво взглянула на уток, скользивших по зеркальной глади озера.

— Разве мы можем пытаться приподнять занавес будущего?

— Бел-Тран может это, моя госпожа!

— Великолепно.

— Мы с мужем рассчитываем на вашу поддержку. Всякий знает, что вы очень верно судите.

— Такова роль царицы-матери: смотреть и советовать.

Силкет выиграла; она почувствовала себя легкой, как птичка, стремительной, как шакал, заостренной, как клинок кинжала. Египет почти уже принадлежал ей.

— Как вашему мужу удалось собрать такое состояние?

— С помощью производства папируса. Конечно, пришлось словить со счетами. Никто не может обойти его в этом.

— Пришлось ли ему совершить что-то незаконное?

Силкет уже не могла остановиться:

— Моя повелительница! Дела, не правда ли, всегда дела? Если кому-то хочется выйти в первые ряды, иногда надо забыть о чести. Обычные люди скованы этими путами, а Бел-Тран освободился от них. Он изменил обычай в ведомствах. Никто не заметил растрат. Государство обрело свои счета, а он свои! Теперь уже поздно его обвинять в чем-либо.

— Он вас обеспечил личным состоянием?

— Конечно!

— Каким образом?

— Самым дерзким!

— Расскажите мне.

— Вы не поверите своим ушам, — ликовала Силкет. — Речь идет о проделках с папирусом для «Книги мертвых». Будучи поставщиком большей части знати, он нашел переписчиков, способных нарисовать сцены и описать воскресение умершего в другом мире.

— В чем же состоит обман?

— Сначала он передал обещанный им папирус, но худшего качества. Затем уменьшил

количество текстов, не понижая цен и не слишком высоко оплачивая работу переписчиков. Семьи умерших, раздавленные горем, и не подумали о проверке. У меня также имеется огромное количество греческих монет. Они пока лежат в моих сундуках, ожидая свободного хождения денег... Какие перемены, вы только представьте! Вы не узнаете старого Египта, скованного ненужными традициями и ветхими обычаями.

— Это речи вашего супруга, если я не ошибаюсь, — заметила царица-мать.

— Единственные, которые должны слушать в Египте!

— А у вас есть собственные мысли, Силкет?

Вопрос привел красотку в замешательство.

— Что вы хотите сказать?

— Убийство, кража, ложь вам кажутся хорошими устоями для царствования?

Возбудившись, Силкет продолжала:

— Если это необходимо, то почему бы и нет?! Мы слишком далеко зашли, чтобы отступать. Я сама сообщница и виновна! И жалею, что не я уничтожила мудреца Беранира. А визирь Пазаир — основное препятствие к... — Головокружение заставило ее пошатнуться, она поднесла руку ко лбу. — Что со мной?.. Почему я вам все это говорю?..

— Потому что вы выпили пива, в которое добавили мандрагору; ее вкус незаметен, но он развязывает языки. Благодаря ему слабые натуры освобождаются от секретов. Мандрагора слишком быстро действовала, потому что вы привычны к дурману.

— У меня болит живот!

Силкет поднялась. И небо, и земля двигались. Она упала на колени, закрыв глаза руками.

— Махинации с «Книгой мертвых» — гнусное преступление, — вынесла вердикт Туя. — Вы наживались на несчастьях других людей. Я сама подам жалобу в суд визиря.

— Она ни к чему не приведет! Вы вскоре станете моей служанкой, — вызывающе ответила Силкет.

— У вас ничего не выйдет, Силкет, потому что поражение в вас самих. Вы никогда не станете госпожой. Ваша низость будет всем известна. Никто вас не примет, даже если у вас будет какая-то власть. Вы увидите, что подобное невозможно. Придется отказаться от ваших головокружительных амбиций.

— Бел-Тран вас раздавит!

— Я уже старая женщина и не боюсь бандитов такого рода. Мои предки боролись с завоевателями более опасными, чем он, и победили. Если он надеялся на вашу поддержку, то будет разочарован: вы ему не помощница.

— Я помогу мужу, мы вместе придем к победе.

— Вы не способны. У вас ограниченный ум, хрупкие нервы, полное отсутствие собственной личности, разрушительный внутренний огонь, подпитываемый ненавистью и лицемерием. Вы не только ему навредите, но рано или поздно его предадите.

Силкет задрожала.

По знаку Туи к берегу причалила голубая лодка.

— Отвезите эту женщину в порт, — приказала царица-мать гребцам. — Пусть она сразу же покинет Пер-Рамсес.

Едва Силкет ступила в лодку, как ее тут же сразил сон. В голове стоял невыносимый гул, словно пчелы пожирали ее мозг.

Опираясь на плечо Пазаира, Сути шагнул на судно, которое возвращало их в Мемфис. Нефret с удовлетворением следила за поправкой их друга. Пантера восхищалась своим героем и мечтала о великой реке, которая будет ей принадлежать. С севера на юг и с юга на север они будут передвигаться на огромном судне, наполненном золотом, и будут раздавать его городам и селениям, расположенным вдоль берегов. Поскольку невозможно завоевать царство силой, почему бы не использовать дары? В тот день, когда будут исчерпаны месторождения исчезнувшего города, весь народ восславит имена Пантеры и Сути. Вытянувшись на палубе, Пантера доверила свое медное тело обжигающим ласкам летнего солнца.

Нефret снова перевязала Сути и спросила:

— Рана затягивается, как ты себя чувствуешь?

— К бою еще не готов, но уже держусь на ногах.

— Могу ли я попросить тебя отдохнуть? Иначе рана не скоро заживет.

Сути растянулся на циновке под навесом. Его силы восстанавливались благодаря сну.

Нефret глядела на величественный Нил. Пазаир подошел сзади и обнял ее.

— Ты считаешь, что паводок наступит раньше?

— Вода поднимается, но ее цвет меняется довольно медленно. Возможно, мы выиграем несколько дней передышки.

— Как только в небе засияет звезда Сотис, Исида прольет свои слезы, и тогда воскрешающая сила оживит реку, пришедшую из иного мира; как и всегда, смерть будет побеждена, но Египет наших отцов исчезнет.

— Каждую ночь язываю к душе нашего ушедшего учителя; я уверена, что она недалеко от нас.

— Нас ждет скорый крах, Нефret: мне не удалось найти ни убийцу, ни Завещание богов. К ним подошел Кем.

— Извините, что беспокою, но мне хотелось бы просить вас, визирь, об одном повышении.

Пазаир удивился:

— Как, вы, Кем, занимаетесь продвижениями по службе?

— Сторожевой павиан Убийца этого заслуживает.

— Мне следовало самому подумать об этом раньше. Без его участия я бы давно уже был на Западном берегу.

— Он не только спас вам жизнь, но еще и предоставил нам возможность уличить поглотителя теней. Разве этот подвиг не стоит звания офицера с повышением содержания?

— Что это за возможность, Кем?

— Дайте Убийце довести дело до конца, а я буду ему в этом помогать.

— Кого вы подозреваете?

— Мне осталось осуществить несколько проверок, чтобы узнать имя виновного, но уверяю вас, что он от нас не уйдет.

— Сколько времени займут ваши поиски?

— В лучшем случае — сутки, в худшем — неделю. Как только Убийца почует его, он его возьмет.

- Вы арестуете его, чтобы потом предать его суду.
- Поглотитель теней совершил много убийств.
- Если вы не убедите павиана поберечь его, я буду вынужден освободить его от этого расследования.
- Поглотитель теней пытался его уничтожить, выставив против него другую обезьяну: как он может об этом забыть? Будет несправедливо помешать Убийце сделать свое дело.
- Нам необходимо выяснить, несет ли поглотитель теней ответственность за смерть Беранира и кому он служит.
- Вы это узнаете, но больше я ничего не могу обещать. Если Убийца взял след, его ничто не остановит.
- Будьте очень осторожны, и вы, Кем, и ваш павиан.

* * *

Бел-Тран переступил порог своего владения, но никто не вышел ему навстречу. Раздосадованный, он позвал управляющего, но откликнулся почему-то только садовник.

- А где управляющий?
 - Он уехал с двумя служанками и вашими детьми.
 - Ты пьян?
 - Нисколько. Именно так и есть, я вас уверяю.
- Бел-Тран в гневе вошел в дом и столкнулся со служанкой Силкет.
- Где мои дети?
 - Уехали в ваш дом в Дельте.
 - По чьему указу?
 - Вашей жены.
 - Где она?
 - В своей комнате, но...
 - Говорите!
 - Она совсем подавлена: после возвращения из Пер-Рамсеса она плачет, не переставая.

Широкими шагами Бел-Тран пересек обширные помещения дома и ворвался на половину своей супруги. Та рыдала, свернувшись калачиком.

— Ты все еще больна? — Он встряхнул ее, но Силкет никак не отреагировала. — Почему ты отослала детей в деревню? Ответь! — Бел-Тран дернул ее за руки, вынуждая сесть. — Отвечай! Я приказываю!

- Им грозит опасность.
- Ты бредишь.
- И мне, мне тоже грозит опасность.
- Что произошло?

Рыдая, Силкет рассказала про свою встречу с царицей-матерью.

— Эта женщина — чудовище, она меня уничтожила.

Бел-Тран отнесся к рассказу жены очень серьезно и даже заставил ее повторить все обвинения, которые предъявила Тяя.

- Приди в себя, дорогая.
- Она заманила меня в ловушку!

— Успокойся, совсем скоро у нее не будет никакой власти.

— Ты не понял? Меня больше не примут во дворце, каждый мой жест будет осмеян, мое поведение подвергнется критике, любое побуждение будет смешено с грязью... Кто сможет противостоять такой травле?

— Успокойся.

— Как я могу успокоиться, если Туя уничтожила мою репутацию!

Силкет одолел неистовый гнев. Она стала выкрикивать бессвязные фразы, в которых упоминались толкователь снов, поглотитель теней, ее дети, недоступный ей трон и непереносимые боли в желудке.

Бел-Тран в задумчивости вышел от нее. Царица-мать обладала здравым умом: Силкет из-за помрачения рассудка никогда не сможет принадлежать египетскому двору.

* * *

Пантера предавалась мечтам. Путешествие по Нилу, в полной безопасности, рядом с визирём и Нефрет, погрузило ее в непривычную безмятежность. Не признаваясь в этом Сути, она почему-то мечтала о просторном доме, окруженному садом. Жажда завоевания куда-то испарилась. Присутствие Нефрет успокоило огонь, пожиравший ее с того момента, как ей пришлось бороться за свое существование. Пантера открывала для себя нежность, которую раньше презирала как болезнь слабаков. Египет, эта ненавистная земля, становилась ее тихой гаванью.

— Мне нужно с вами поговорить, — обратилась она к визирю.

Пазаир составлял охранительный указ, в котором для каждой провинции перечислялись животные, которых нельзя было убивать и употреблять в пищу.

— Я вас слушаю.

— Пойдемте на корму, мне нравится созерцать Нил.

Облокотившись на перила, похожие на зачарованных путешественников, визирь и ливийка тихо переговаривались. По берегу шли ослики, нагруженные зерном, на которых покрикивали дети. В деревнях, в тени пальм, женщины занимались приготовлением пива, в полях крестьяне заканчивали молотьбу. Все ждали паводка.

— Я отдаю вам мое золото, визирь Египта.

— Вы и Сути вместе нашли заброшенный город, золото принадлежит вам.

— Приберегите эти богатства для богов, они смогут найти им лучшее применение, чем смертные. Только позвольте мне жить здесь и забыть прошлое.

— Я должен сказать вам правду: через месяц эта страна сменит свою душу. Она переживает такие потрясения, что вы ее не узнаете.

— Месяц душевного спокойствия — это очень много.

— Моих друзей будут преследовать, их заключат под стражу, может, даже казнят. Если вы мне поможете, вас ждет та же участь.

— Я не меняю решений, — гордо заявила красавица. — Возьмите золото, чтобы избежать войны с Азией. — И она снова с наслаждением вытянулась под обжигающим солнцем.

Сути встал рядом с Пазаиром.

— Я уже хожу и шевелю левой рукой, — сказал он. — Немного больно, но терпеть

можно. Твоя жена волшебница.

- Пантера — еще одна волшебница.
- Настоящая ведьма! Доказательство тому — я так и не смог освободиться от ее чар.
- Она отдает ваше золото Египту, чтобы избежать конфликта с азиатами.
- Я вынужден подчиниться.
- Она хочет быть счастливой вместе с тобой; мне кажется, Египет покорил ее.
- Какое ужасное будущее! Наверное, мне потребуется истребить отряд ливийцев, чтобы вернуть ей бодрость духа! Но давай сейчас поговорим о тебе.
- Ты знаешь правду.
- Только ее часть; но я вынужден прийти к заключению, что ты тонешь в своем главном недостатке:уважении к другим.
- Это закон Истины.
- Вздор! Ты на войне, Пазаир, ты берешь на себя слишком много ударов, не отвечая. Еще неделя, и благодаря Нефret я снова перейду в наступление.
- Не сойдешь ли ты с пути Закона?
- Когда военные действия уже объявлены, нужно проложить свой собственный путь, иначе попадешь в засаду. Бел-Тран не отличается от других врагов.
- Нет, Сути, у него есть оружие, против которого не можем ничего сделать ни ты, ни я.
- Какое?
- Я обязан хранить молчание. Я дал слово фараону.
- Тебе остается слишком мало времени для действия.
- С началом паводка Рамсес отречется. Его восстановление будет уже невозможно.
- Твое поведение становится пагубным! До настоящего момента ты, безусловно, был прав, не признавая ни тех, ни других. Сейчас собери всех, кому ты доверяешь, открай им силу этого оружия и истинные причины недееспособности Рамсеса. Вместе мы отразим удар.
- Я должен посоветоваться с фараоном; только он может позволить мне ответить на твое предложение. Вы высадитесь в Мемфисе, а я продолжу путь до Пер-Рамсеса.

* * *

Нефret положила лотосы, васильки и лилии на жертвенник небольшого храма, открытого для живущих в этом мире, здесь она могла общаться с душой Беранира, чье тело покоилось в саркофаге, в недрах матери-земли. Через прорезь в стене гробницы она созерцала статую убитого учителя.

Темнота ей показалась не такой глубокой как обычно. Нефret почувствовала, что проницательный взгляд Беранира остановился на ней. Это были уже глаза не умершего, но живущего, вернувшегося из иного мира, чтобы передать ей послание, находящегося по ту сторону человеческих слов и мыслей.

Она была потрясена и постаралась избавиться от всего ненужного с тем, чтобы принять в свое сердце неизреченную истину. И Беранир заговорил с ней, как и когда-то, своим суровым, хорошо поставленным голосом. Он напомнил о свете, которым питаются праведники, описал красоту их царства, где мысль парила среди звезд.

Когда голос Беранира затих, молодая женщина поняла, что он указал дорогу, по которой

должен двигаться визирь. Победа зла не была неизбежна.

Выходя из необъятного края погребений в Саккаре, Нефret столкнулась с бальзамировщиком Джуи. Бледный, с длинными тонкими руками и ногами, он шел в свою мастерскую.

— Я занимался погребением Беранира, как вы и хотели.

— Спасибо, Джуи.

— Вы кажетесь очень взволнованной.

— Это ничего.

— Не хотите ли воды?

— Нет, мне нужно быть в лечебнице. До скорой встречи.

Усталым шагом бальзамировщик побрел под неумолимым солнцем в направлении дома со множеством маленьких окошек. Около стен выстроилось множество саркофагов самого разного качества. Мастерская располагалась в уединении, вдали виднелись пирамиды и гробницы. Каменистый холм заслонял зелень на окраине пустыни.

Джуи толкнул дверь, открывшуюся со скрипом, надел фартук из козьей кожи, покрытый коричневатыми пятнами, осмотрел потухшим взором только что доставленный ему труп. За бальзамировку этого тела ему заплатили по второй категории, что требовало использования умашений и мазей. Уставший бальзамировщик вооружился железным крюком, с помощью которого извлекал через ноздри мозг умершего.

Обсидиановый нож упал к его ногам.

— Ты потерял это в Коптосе.

Очень медленно Джуи обернулся. На пороге мастерской стоял начальник стражи Кем.

— Вы ошибаетесь.

— Этим ножом ты надрезаешь тела трупов.

— Я не единственный бальзамировщик в Египте.

— Зато единственный, кто много путешествовал в последние месяцы.

— Это не запрещено.

— Каждый раз, когда ты покидаешь свой пост, ты должен докладывать об этом. Твои передвижения совпадали с перемещениями визиря, которого ты неоднократно пытался устраниить.

— У меня настолько трудное ремесло, что мне просто необходим воздух.

— С твоим ремеслом живут на отшибе и совсем не покидают место работы. К тому же никто из твоих родственников не живет в Фивах.

— Там очень красивые места, у меня есть такое же право передвигаться, как и у любого другого.

— Ты хорошо разбираешься в ядах.

— Откуда вы знаете?

— Я ознакомился с твоим послужным списком. До того как стать бальзамировщиком, ты работал помощником в лечебнице.

— Разве закон запрещает менять занятие?

— Ты также великолепно владеешь бumerангом, ведь твоим первым ремеслом была ловля птиц.

— Это можно рассматривать как преступление?

— Все указывает на то, что именно ты поглотитель теней, пытавшийся убить визиря Пазаира.

— Клевета.

— Формальное доказательство: этот дорогой нож из обсидиана. Он имеет отметку бальзамировщиков и номер, совпадающий с твоей мастерской в Саккаре. Ты не должен был его терять, Джуи. Тебя подвела любовь к своему ремеслу, любовь к смерти.

— Суд не посчитает эту улику достаточной.

— Ты хорошо знаешь, что нет, и последнее подтверждение спрятано здесь, я уверен.

— Вы хотите произвести обыск?

— Да.

— Я протестую, я невиновен.

— Чего же ты боишься?

— Это мое владение, никто не смеет входить сюда без моего разрешения.

— Я начальник стражи, я могу. Только перед тем, как показать мне подвал, положи свой железный крюк. Мне не нравится твое оружие.

Бальзамировщик послушался.

— Иди вперед.

Джуи ступил на истертые и скользкие ступеньки лестницы. Два постоянно горящими факела освещали огромный погреб, где стояли один на другом саркофаги. В глубине находилось штук двадцать сосудов, в которые складывались внутренние органы умерших.

— Открой их, — потребовал Кем.

— Это будет святотатством.

— Я беру его на себя.

Нубиец снял крышки в виде головы павиана, головы собаки, головы сокола: в сосудах находились только внутренности.

В четвертом, с крышкой в виде головы человека, оказался огромный слиток золота. Кем продолжил поиски и нашел еще три таких же.

— Цена за твои убийства?

Со скрещенными на груди руками, Джуи казался почти безразличным.

— Сколько ты хочешь, Кем?

— Сколько ты мне предлагаешь?

— Если ты пришел без павиана и без визиря, то это затем, чтобы продать свое молчание. Тебе хватит половины моей прибыли?

— Надо еще удовлетворить мое любопытство: кто тебе заплатил?

— Бел-Тран и его сообщники. Вы с визиром переманили на свою сторону почти всех. Только он и его жена Силкет продолжают бороться с вами. Красивая дрянь, можешь мне верить. Это она передавала мне все приказания, когда я должен был устранить ненужного свидетеля.

— Ты убил мудреца Беранира?

— Я веду список моих достижений, чтобы вспоминать о них в старости. Беранир не входит в число моих жертв. Я бы не отступил, можешь быть уверен, но меня об этом не просили.

— Кто виновен в его смерти?

— Не имею представления, мне наплевать на это. Твой поступок хорош, Кем, я другого от тебя и не ждал. Я знал, что если ты меня вычислишь, ты не предупредишь визиря, а придешь требовать свою долю.

— Оставил ли ты в покое Пазаира?

— Он будет моим единственным провалом... если ты мне подашь руку помощи...

Нубиец прикинул на руке вес слитков:

— Они восхитительны.

— Жизнь коротка, надо уметь ею воспользоваться.

— Ты совершил две ошибки, Джуи.

— Поговорим лучше о будущем.

— Первая — ты посчитал мне неправильную цену.

— Ты хочешь все?

— Мне не хватит и горы золота.

— Ты смеешься?

— Вторая — ты поверил, что Убийца забудет, что ты выставил против него соперника, готового разорвать его на кусочки. Другие, возможно, испытали бык тебе сочувствие, но я лишь неотесанный раб, а он — обидчивая и злопамятная обезьяна. Убийца — мой друг, он мог умереть из-за тебя. Но когда он требует мести, я должен его послушаться. Благодаря ему, тебе не придется больше поглощать тени.

У подножия лестницы появился павиан. Никогда Кем не видел его настолько разъяренным: налившиеся кровью глаза, ощетинившаяся шерсть, обнажившиеся клыки. Он издал рык, леденящий кровь. Не оставалось никакого сомнения в виновности Джуи.

Поглотитель теней отступил. Убийца ринулся на него.

— Ложись, — попросила Нефret Сути.

— Боль уже прошла.

— Я должна проверить сердечные каналы и циркуляцию крови.

Нефret проверила в нескольких местах пульс Сути, постоянно сверяясь с маленькими водяными часами, которые носила на запястье. Они были градуированы точками, располагающимися одна над другой по двенадцати вертикальным линиям. Она высчитала внутренние ритмы, сравнила их между собой и констатировала, что они звучат четко и регулярно.

— Если бы я не оперировала тебя сама, я бы с трудом поверила, что ты был недавно ранен; рубец заживает вдвое быстрее, чем обычно.

— Завтра я буду стрелять из лука, если мне позволит главный лекарь царства.

— Не нагружай слишком свои мускулы, имей терпение.

— Невозможно. У меня возникает ощущение напрасной растраты жизни. Не должна ли она напоминать полет хищной птицы, непредсказуемый и неудержимый?

— Посещение больных заставило меня принять разные формы существования, но мне необходимо поменять твои повязки, которые иначе помешают твоему полету, — улыбнулась Нефret.

— Когда возвращается Пазаир?

— Самое позднее, завтра.

— Надеюсь, что он убедит фараона. Надо начать действовать!

— Ты недооцениваешь его усилий! Начиная с твоего злосчастного отъезда в Нубию он не прекращал бороться против Бел-Трана и его союзников.

— Результаты недостаточны.

— Он их заметно ослабил.

— Но не уничтожил!

— Визирь — первый слуга Закона, и он требует его соблюдения от всех.

— Бел-Трак знает только собственный закон, вот почему Пазаир ведет неравный бой. Он всегда сначала оценивал ситуацию, а я шел на прорыв. Если цель обозначена, я не промахнусь.

— Твоя помощь для него драгоценна.

— При условии, что я буду знать все, как и ты.

— Перевязка окончена.

* * *

В Пер-Рамсесе было не так весело, как обычно. Торговцев сменили воины, по улицам разъезжали колесницы, в порту стояли военные корабли. Находясь в состоянии боевой готовности, пехотинцы повторяли свои боевые упражнения, лучники без устали тренировались, высшие офицерские чины проверяли состояние конных отрядов. Запах войны, казалось, заполнил воздух. Стража дворца была удвоена, а визит Пазаира не вызвал никакого энтузиазма, как если бы печать визиря скрепляла устрашающее решение.

Фараон больше не занимался садом, вместе с военачальниками он изучал большую карту Азии, разложенную на полу зала советов. Воины почтительно склонились перед визиром.

— Могу ли я говорить с вами, мой повелитель?

Рамсес отпустил военачальников и сказал:

— Мы готовы биться, Пазаир, армия Сета уже развернулась вдоль границы. Наши разведчики подтверждают, что азиатские княжества объединяются, чтобы мобилизовать как можно больше воинов. Противостояние будет страшным. Хотя мои полководцы советуют мне атаковать первым, я предпочитаю не торопиться. Я мог бы поклясться, что будущее принадлежит мне!

— Мы избежим битвы, мой повелитель.

— С помощью какого чуда?

— Золота одного заброшенного месторождения.

— Этим сведениям можно доверять?

— Экспедиция уже в пути. У них карта, которую нарисовал Сути.

— Качество золота подходящее?

— Азия будет удовлетворена.

— Что хочет Сути?

— Пустыню.

— Ты серьезно?

— Он вполне серьезен.

— Пост начальника стражей пустыни ему подойдет?

— Возможно, он мечтает лишь об одиночестве.

— В его котомке еще одно чудо?

— Сути хочет знать всю правду. Он предложил объединить несколько близких мне людей, которые доказали свою верность, и не скрывать истинных причин вашего отречения.

— Тайный совет...

— Решающий военный совет.

— Что ты об этом думаешь?

— Я не справился с возложенной на меня задачей: не нашел Завещания богов. Если вы облечете меня полномочиями, я соберу все наши силы для решающего сокрушительного удара.

* * *

С Силкет снова случился истерический припадок. Уже третий с прихода зари. Трое лекарей сменяли друг друга у ее изголовья, впрочем, без особого успеха. Последний прописал ей наркотическое вещество, надеясь, что глубокий сон вернет ей разум. Проснувшись в середине дня, она начала бредить, пугая домочадцев своими криками и конвульсиями. Новая доза успокаивающего средства подействовала, хотя ее последствия были ужасны: ухудшение работы мозга и разрушение кишечной флоры.

Бел-Тран принял решение, которое само напрашивалось. Он пригласил писца и продиктовал ему список имущества, которое он завещал своим детям, сведя то, что предназначалось жене, до минимума, полагаемого по закону. Вопреки обычаям, он еще

раньше составил очень детальный договор, который уполномочивал его распоряжаться имуществом супруги в том случае, если она окажется неспособной к этому. Бел-Тран заставил трех хорошо оплаченных лекарей подтвердить ее сумасшествие. Снабженный этими документами, Бел-Тран остался единственным, кто имел родительскую власть над детьми, за образование которых Силкет не несла больше ответственности.

Царица-мать оказала ему услугу, показав настоящую природу его жены: неуравновешенное существо, иногда ребяческое, иногда жестокое, неспособное занимать место у власти. Послужив ему украшением на приемах и пирах, она стала обузой.

Где за Силкет будет лучший уход, как ни в специальной лечебнице, отведенной для умалишенных? Как только она будет в состоянии совершить путешествие, он отправит ее в Ливан.

Оставалось лишь составить акт о разводе, незаменимый документ, потому что Силкет еще жила в доме принадлежавшем семье. Бел-Тран не может ждать ее отъезда. Освобожденный от нее, он будет готов штурмовать последнюю ступень, отделяющую его от исполнения заветной мечты. Таким образом многие приходят к власти, освобождаясь от бесполезных попутчиков.

* * *

Египет ждал паводка. Земля потрескалась; сожженная, иссущенная обжигающим ветром, она умирала от жажды, ожидая питающую ее воду, которая скоро возьмет приступом берега и отодвинет границы пустыни. Глухая усталость угнетала людей и животных, пыль вновь покрыла деревья, последние частички истощенной зелени пожухли. Тем не менее усилия не ослабевали: рабочие отряды сменяли друг друга, занимаясь очисткой каналов, починкой колодцев, укреплением плотин, поднимая осевшую землю и закупоривая расселины. Детям было поручено наполнить кувшины сухими фруктами, основной пищей на то время, пока вода затопит поля.

Возвращаясь из Пер-Рамсеса, Пазаир чувствовал страдание и надежду земли. Не столкнется ли завтра сам Бел-Тран с той силой, которую он так опрометчиво выпустил? Тот порядок, о котором он мечтал, разобьет союз страны с богами и природой. Нарушив хрупкое равновесие, которое соблюдали до сих пор девятнадцать династий фараонов, глава Двойного Белого дома оставил бы поле действий свободным для сил зла.

На набережной главной пристани Мемфиса Кем и сторожевой павиан ожидали визиря.

— Поглотителем теней был Джуи, — сообщил нубиец.
— Виновен ли он в смерти Беранира?
— Нет, но он был смертоносным орудием Бел-Трана. Это он пытался вас убить.
— Ты его задержал?
— Убийца не простил его. Я продиктовал все свидетельства писцу, в них содержатся заявления против Бел-Трана, имена и даты. Теперь вы в безопасности.

Сопровождаемый Северным Ветром, который нес бурдюк с холодной водой, Сути приблизился к Пазаиру.

— Рамсес согласился? — нетерпеливо спросил он.
— Да.
— Собери свой совет, я готов к битве.

- Но прежде я бы хотел завершить последнее дело.
- Время не ждет.
- Гонцы, что несут мои послания о созыве совета, уже отправились в путь. Совет начнет собираться с завтрашнего дня.
- Это твой последний шанс.
- Последний шанс Египта.
- Что это за последнее дело?
- Я ничем не рисую, Сути.
- Позволь мне тебя сопровождать.
- Согласитесь хотя бы на присутствие Убийцы, — предложил Кем.
- Невозможно, — ответил визирь, — я должен быть один.

* * *

В тридцати километрах к югу от некрополя в Саккаре находилась местность Лишт, которая существовала еще во времена Среднего царства, в эпоху мира и процветания. Здесь высились храмы и пирамиды фараонов Аменемхета I и Сенусерта I, могущественных царей двенадцатой династии, которая сделала Египет счастливым после периода смут. Вот уже семь столетий сохранялась память о знаменитых правителях. Заупокойные жрецы каждодневно славили их, чтобы душа умерших фараонов присутствовала на этой земле и вдохновляла действия их наследников.

На расположенной неподалеку от оазиса пирамиде Сенусерта I велись восстановительные работы: устраивали разрушение части ее облицовки белым известняком, добытым в карьерах Туры.

Колесница Бел-Трана, управляемая старым офицером, остановилась у дороги, ведущей к пирамиде. Глава Двойного Белого дома нервно выпрыгнул из повозки и позвал жреца. Его возбужденный голос был неуместен здесь, в сердцевине тишины, окружающей эту местность.

Жрец с бритым черепом вышел навстречу.

— Я — Бел-Тран, визирь вызвал меня сюда.

— Следуйте за мной.

Бел-Тран чувствовал себя неуютно. Он не любил эти пережитки прошлого — пирамиды, храмы, жертвенные и прочие отжившие святыни.

Жрец шел впереди, указывая дорогу. Настенные рельефы изображали фараона, совершающего приношения богам. Жрец продвигался медленно, и Бел-Тран злился, что время проходит впустую.

Служитель храма повернулся налево, пересек небольшой зал с колоннами и остановился перед лестницей.

- Поднимайтесь, визирь ждет вас на вершине пирамиды.
 - Почему наверху?
 - Он следит за работами.
 - Восхождение на пирамиду не опасно?
 - Со ступеней снята облицовка, если вы пойдете осторожно, вы ничем не рискуете.
- Бел-Тран не признался жрецу, что страдает головокружениями, если бы он отступил,

это сделало бы его смешным. Он неохотно пустился в путь, поднимаясь на высоту шестидесяти метров.

Бел-Тран карабкался по гребню, провожаемый взглядами гранильщиков, занятых реставрацией облицовки. Со взором, прикованным к камням, непослушными ногами, он поднялся на платформу, лишенную пирамидальной верхушки. Снятая со своего места, она была поручена золотых дел мастерам с тем, чтобы они покрыли ее слоем листового золота.

Пазаир протянул руку Бел-Трану и помог встать.

— Какой восхитительный вид, не правда ли?

Бел-Тран покачнулся, зажмурил на секунду глаза, но сохранил равновесие.

— С вершины этой пирамиды, — продолжал визирь, — открывается весь Египет. Заметили ли вы резкую границу между пустыней и возделываемой землей, между полями черного и красного цветов, между страной Хора и страной Сета? Однако они неразделимы и дополняют друг друга. Возделываемая земля хранит в себе вечный танец смены времен года, а пустыня — закон неизменности.

— Зачем вы пригласили меня сюда?

— Знаете ли вы имя этой пирамиды?

— Мне наплевать.

— Она называется «Созерцательница Двух Земель»; обводя их своим взором, она создает их единство. Древние посвятили столько сил созданию этого памятника, и мы строим храмы и сооружения вечности потому, что без них нет гармонии существования.

— Куча ненужных камней, — буркнул Бел-Тран.

— Фундамент нашего общества. Потусторонний мир вдохновляет наше управление, вечность наших деяний, потому что каждодневного не хватает, чтобы насытить людей.

— Ветхие устои.

— Ваши намерения разрушат Египет, Бел-Тран, и осквернят вас.

— Я оплачу себе лучшее очищение.

— Душа так просто не отмывается.

— Вы жрец или верховный сановник?

— Визирь служит Истине. Богиня справедливости вас никогда не соблазняла?

— По зрелом размышлении я презираю женщин. Если вам больше нечего сказать, я спускаюсь.

— Я думал, что вы являлись моим другом, когда мы помогали друг другу. Вы были тогда поставщиком папируса, а я — скромным судьей, растерявшимся в большом городе. Я даже не задавался вопросом о вашей искренности, вы мне казались движимым настоящей верой в служение Египту. Когда я думаю о том времени, я никак не могу представить себе, что вы все время лгали.

Налетел внезапный порыв ветра, и Бел-Тран ухватился за Пазаира.

— Вы кривили душой с нашей первой встречи, не так ли? — продолжал визирь.

— Я надеялся убедить вас и использовать, признаюсь. Но я испытал полное разочарование! Ваше упрямство и узость взглядов меня обескуражили. Хотя манипулировать вами было несложно.

— Что говорить о прошлом, поменяйте свою жизнь, Бел-Тран. Пусть ваш опыт и знания послужат интересам фараона и народа Египта, откажитесь от ваших непомерных амбиций — и вы познаете счастье тех, кто живет по справедливости.

— Какие смешные речи... Надеюсь, вы сами не верите в то, что говорите?

— Зачем вести народ к несчастью?

— Хотя вы и визирь, вам незнаком вкус власти. Но мне он знаком, эта страна будет моей, так как я могу здесь установить собственные порядки.

Из-за ветра мужчины говорили громко, отчетливо проговаривая слова. Вдали пальмы клонились от ветра, их огромные листья переплелись и скрипели, ломаясь. Песчаные вихри поднимались на штурм пирамиды.

— Забудьте ваши личные интересы, Бел-Тран, они приведут вас к пустоте.

— Ваш учитель Беранир был бы недоволен вами и вашим недостатком ума. Помогая мне, вы доказали вашу недальновидность; прося меня о подобном, вы доказываете вашу глупость.

— Вы убили его?

— Я не пачкаю рук, Пазаир.

— Никогда больше не произносите имя Беранира.

В глазах Пазаира Бел-Тран увидел свою смерть. Обезумев, он отступил на шаг и потерял равновесие. В последний миг Пазаир ухватил его за запястье.

С бешено бьющимся сердцем, цепляясь за каждый каменный выступ, глава Двойного Белого дома спускался с пирамиды. Сзади на него давил тяжелый взгляд египетского визиря.

Если к началу июня вода Нила окрасилась в зеленый цвет, то в конце июня она стала коричневой, тяжелой от грязи и ила. Работы в полях прекратились, с окончанием молотьбы начинался долгий период затишья. Чтобы подкопить средств, многие, как только река разливалась и можно было переправлять на лодках огромные каменные глыбы, шли работать на большие строительные площадки.

Умы египтян терзали беспокойство: будет ли уровень воды достаточным, чтобы напоить влагой иссущенную землю и сделать ее плодородной? Надеясь вызвать благосклонность богов, жители деревень и городов приносили в дар реке маленькие фигурки из обожженной глины или фаянса, изображавшие толстяка со свисающими сосцами и венком из растений на голове. Он олицетворял собой Хапи, разлив Нила, огромную силу, благодаря которой зазеленеют поля.

Через три недели Хапи вздуется так, что наводнит Две Земли и превратит Египет в огромное озеро, по которому люди будут перемещаться на лодках от селения к селению. И наступит момент, когда Рамсес обязан будет отречься от престола в пользу Бел-Трана.

* * *

Визирь гладил Смельчака, державшего в зубах кость, которую он сначала обгладал, затем зарыл, а потом снова вытащил из своего тайника. Пазаир был озабочен будущим своих верных спутников — кто станет заботиться о его собаке и осле, когда его возьмут под арест и сошлют куда-нибудь подальше? Северного Ветра, привыкшего жить в тихом уединении, отправят на пыльные дороги возить тяжелые грузы. Оба его спутника, его преданных друга, не вынесут разлуки и умрут от тоски.

— Ты должна уехать, Нефret, покинуть Египет, пока еще не поздно. — Пазаир крепко прижал супругу к груди.

— Ты предлагаешь мне бросить тебя?

— Сердце Бел-Трана черство, алчность и властолюбие вытеснили из его души все чувства. Он тебя не пощадит. Ничто большее не способно взволновать его.

— А ты сомневался в этом?

— Я надеялся, что голос пирамид пробудит в нем преданную забвению совесть... Но лишь растрявил в нем жажду власти. Спасай свою жизнь, спаси жизни Смельчака и Северного Ветра.

— Как визирь ты мог бы допустить, чтобы главная целительница царства оставила свой пост в момент, когда тяжелая болезнь обрушивается на страну? Каким бы ни был конец, мы встретим его вместе.

Взявшись за руки, Пазаир и Нефret смотрели на сад, где резвилась Проказница, маленькая веселая обезьянка, вечно ищащая, чем бы поживиться. Как ни близка была катастрофа, в этот момент они наслаждались покоем наполненного ароматами уголка, скрытого от суеты и тревог. Они искупались в бассейне, а затем совершили прогулку под сенью деревьев, прежде чем приступили к своим обязанностям.

Кем и Убийца прошли по аллее, усаженной кустами тамариска, поклонились

жертвеннику предков, омыли руки и ноги на пороге жилища, прошли через террасу и заняли места в зале с четырьмя колоннами, где восседали визирь и его супруга. Следом за верховным стражем и его верным спутником в зал вошли царица-мать, бывший визирь Баги, верховный жрец Карнака Кани и Сути.

— С величайшего дозволения царя, — объявил Пазаир, — теперь я могу открыть вам, что в пирамиду Хеопса, куда дозволено входить лишь фараону, незаконно проникли Бел-Тран, его супруга и три их сообщника, которые теперь уже мертвы. Заговорщики осквернили саркофаг, похитили золотую маску, ожерелье, священного скарабея, амулеты из лазурита, тесло из небесного железа и золотой мерный локоть. Некоторые из этих сокровищ найдены, но у нас нет главного — Завещания богов, заключенного в кожаный футляр, который царь должен держать в правой руке во время праздника обновления, прежде чем показать его народу и жрецам. Этот документ, передаваемый от фараона к фараону, узаконивает царствование. Никто не мог предположить, что возможно подобное надругательство — кража таких святынь! Мой учитель Беранир был убит, так как он мешал мятежникам. Кем и Убийца положили конец преступным действиям бальзамировщика Джии, ставшего поглотителем теней, наемником Бел-Трана. Результаты незначительные, поскольку мы так и не нашли убийцу Беранира и оказались неспособны вернуть царю Завещание богов. В день наступления нового года Рамсесу придется отказаться от трона и отдать его Бел-Трану. А тот закроет храмы, пустит в обращение деньги и подчинит Египет новому единому закону — закону прибыли.

За словами визиря последовало долгое и тягостное молчание. Члены его тайного совета были буквально раздавлены новостью. Как говорили древние предсказания, «небо пало им на головы». Сути ответил первым:

— Этого документа, какую бы важность он ни представлял, недостаточно, чтобы Бел-Тран стал уважаемым и достойным царствования фараоном.

— Потому он принял необходимые меры, подкупил тех, кто руководит страной и управляет ее делами, и создал полезные связи.

— Ты не пытался их разрушить?

— Стоит отрубить головы змея, как они снова отрастают.

— Вы слишком мрачно смотрите на вещи, — заметил Баги. — Многие управляющие не станут слушать указаний какого-то там Бел-Трана.

— У египетских управляющих хорошо развито представление об иерархии, — не согласился Пазаир. — Они подчинятся власти фараона.

— Значит, всем нам надо организовать сопротивление, — предложил Сути, — ведь каждый из нас контролирует определенные области. Пусть визирь направляет действия сил, находящихся в его распоряжении.

Кани, верховный жрец Карнака, попросил слова. Бывший садовник, с лицом, испещренным морщинами, высказал свое мнение со всей откровенностью:

— Наши храмы не примут нововведений, которые хочет навязать Бел-Тран, поскольку они приведут страну к нищете и междуусобным войнам. Фараон — верховный жрец храмов. Если он изменит этому своему наипервейшему долгу, то станет всего лишь мирским вождем, которому мы более не будем обязаны подчиняться.

— В таком случае, — подтвердил Баги, — верховная иерархия будет освобождена от своих обязательств: мы приносим клятву верности посреднику между землей и небесами, а не правителью-деспоту.

— Служба целителей тоже перестанет действовать, — вставила Нефret. — Она связана с храмами и также откажется подчиняться новой власти.

— Когда есть такие люди, как вы, — взволнованно произнесла царица-мать, — есть надежда, что еще не все потеряно. Знайте, что весь двор враждебно относится к Бел-Трану и никогда не примет его супругу Силкет, непорядочность которой всем известна.

— Великолепно! — воскликнул Сути. — Неужели вам удалось посеять раздор в отношениях этой преступной пары?

— Не знаю. Но эта жестокая и испорченная женщина-ребенок просто слабоумна. Если я не ошибаюсь в людях, то либо Бел-Тран оставит ее, либо она его предаст. Прибыв в Пер-Рамсес удостовериться в том, что в будущем я стану ее союзницей, она ничуть не сомневалась в своем успехе. Когда она уходила, то поняла, что все ее ухищрения были напрасны. Хочу спросить вас, визирь Пазаир: почему здесь нет девяти друзей царя?

— Потому что пока ни Рамсес, ни я сам не смогли выявить тех сообщников Бел-Трана, которые еще не проявили себя. Царь решил держать все в тайне лишь с той целью, чтобы у нас была возможность продолжать борьбу как можно дольше, не посвящая противника в наши планы.

— А ведь вы нанесли им несколько ударов, от которых трудно оправиться.

— Увы, ни один из них не стал решающим. И оказать сопротивление Бел-Трану будет не так просто, поскольку он внедрился и в армию, и в службы, ведающие перевозками.

— Стража предана вам, — заверил Кем, — и уважение к Сути очень велико.

— Не занимается ли Рамсес проверкой отрядов, расквартированных в Пер-Рамсесе? — поинтересовался Сути.

— Это является его основной причиной присутствия там.

— Элитный корпус, располагающийся в Фивах, будет слушаться моих приказов, — заверил Кани.

— Назначь меня верховным полководцем в Мемфисе, — потребовал Сути. — Я смогу договориться с простыми воинами.

Это предложение было принято членами тайного совета единогласно.

— Остаются речные суда, которые полностью подчиняются Двойному Белому дому, — сказал Пазаир. — Не говоря уже о ведомстве, следящем за оросительными каналами, и исполнителях, которые на них работают, — их Бел-Тран вот уже не первый месяц пытается подкупить. Что касается сельских управляющих, то многие из них уже отдалились от него, но некоторые все еще верят его обещаниям. Я опасаюсь внутренних конфликтов, которые повлекут за собой многочисленные жертвы.

— Существует ли другое решение? — спросила царица-мать. — У нас всего два пути: либо мы снимаем с себя полномочия в пользу Бел-Трана и Египет богини Маат умрет, либо мы даем отпор самозванцу и храним надежду, пусть даже ценой наших жизней.

С помощью Баги, который сумел побороть враждебность своей супруги, недовольной тем, что ее муж опять привлечен к службе, Пазаир составил указы, связанные с работами в хозяйствах после половодья и приведением в порядок заброшенных оросительных водоемов. Он подготовил большой план государственных действий на три года вперед. Эти документы свидетельствовали о том, что визирь не собирался покидать свой пост и что никакие потрясения не угрожали царствованию Рамсеса.

Праздник обновления обещал быть грандиозным. Градоначальники и сельские управляющие прибывали в Мемфис один за другим, везя с собой статуи местных богов. Их

расселяли с почестями, соответствующими их рангу, и все они беседовали с визирём, авторитет и учитвость которого оценили по достоинству. В Саккаре жрецы, посвященные в культовые таинства, готовили великий ритуальный двор, где Рамсес, владыка двойной короны, соединит в своем символическом существе Север и Юг. В этом магическом пространстве правитель сможет пообщаться со всеми богами, чтобы набраться сил и быть способным управлять царством.

Назначение Сути, слухи о котором распространились с огромной быстротой, вызвало большой подъем в казармах Мемфиса. Новый полководец немедля собрал свои отряды и объявил им, что войны с Азией удалось избежать, и что все они получат существенную надбавку к жалованью. Слава молодого вождя достигла своего апогея во время пиршества, организованного для всего его войска. Так кто же, как не Рамсес, мог гарантировать длительный мир, по которому так истосковались египетские воины?

Стражники проникались все большим уважением к Кему, о нерушимой верности которого визирю знал каждый. Нубиец не нуждался в красноречии, он своим примером мог сплотить своих подчиненных вокруг Пазаира.

Во всех храмах Египта, по совету верховного жреца Кани, действующего в согласии с царем и визирём, готовились к грядущему отпору новой власти. Тем не менее жрецы, посвященные в культовые таинства, не изменили своим ежедневным обязанностям. Ритуалы, которые они со временем первой династии вершили на заре, в полдень и на закате, соблюдались ими так же регулярно, как всегда.

Царица-мать дала не одну аудиенцию и побеседовала с наиболее влиятельными из своих придворных, с управляющими высокого ранга, преданными царскому дому, с писцами, в чью обязанность входило обучение элиты, и с благородными дамами, ответственными за соблюдение церемониала. То, что Бел-Тран, на которого смотрели как на возмутителя спокойствия, и Силкет, которую считали неуравновешенной, жаждали принадлежать к их кругу, выглядело, по мнению всех, чудачеством, над которым можно лишь посмеяться.

А вот самому Бел-Трану было не до смеха. Широкое наступление, которое вел Пазаир, приносило плоды. Даже от своих подчиненных главе Двойного Белого дома стало трудно добиться послушания, и он все чаще и чаще срывал на них раздражение. Ходили слухи, что сразу после праздника обновления визирь назначит нового распорядителя, а Бел-Тран, слишком властолюбивый, нетерпеливый и жадный, будет отослан назад в Дельту, где когда-то занимался выращиванием папируса. Некоторые распространяли слухи о том, что царица-мать якобы обратилась к визирю с жалобой на спекуляции, связанные с «Книгой мертвых». Взлет Бел-Трана оказался быстрым, так не будет ли еще более стремительным его падение? Ко всем его неприятностям добавлялось отсутствие супруги, удалившейся в свою усадьбу и жившей там в затворничестве. Поговаривали, что она страдает от какой-то неизлечимой болезни, не позволяющей ей посещать пиры, которые она совсем недавно так обожала.

Бел-Тран рвал и метал, но готовил отмщение. Он сметет с лица земли всякого, кто окажет ему сопротивление. Стать фараоном означало обладать священной властью, перед которой преклоняется народ. Бунт против царя — тягчайшее преступление, которое достойно суворого наказания. Колеблющиеся сплотятся вокруг нового правительства, сторонники Пазаира покинут его. Бел-Тран, давно уже не хранивший верность своим клятвам и заверениям, больше не верил в обещания. Когда говорит сила, то слабость и трусость подчиняются.

Пазаир обладал властью, но ушел в тень, поставив эту власть в зависимость от

устаревших законов. Это человек прошлого, цепляющийся за отжившие ценности, неспособный воспринять требований новых времен, он должен исчезнуть. Поскольку поглотителю теней не удалось его уничтожить, Бел-Тран устранит его сам. Он будет осужден за неповинование и измену трону. Разве визирь не противился переменам, необходимым для преобразования царства?

Оставалось подождать всего две недели; две недели до триумфа, до падения непреклонного и упрямого визиря... Бел-Тран, терзаемый растущей нервозностью, больше не возвращался в свое поместье. Необратимая болезнь Силкет приводила его в ужас. Оформив необходимые бумаги о разводе, он более не желал иметь ничего общего с этой сумасшедшей увядающей женщиной.

Глава Двойного Белого дома остался в своей комнате после ухода подчиненных, размыщая о планах и многочисленных решениях, которые следует принять за короткое время. Он нанесет врагам последний внезапный и сокрушительный удар.

Четыре масляные лампы, которые совсем не коптили, создавали достаточное освещение. Страдающий бессонницей Бел-Тран провел ночь, продумывая детали своих нововведений. Несмотря на то что сферы его влияния частично вышли из-под контроля, греческие ростовщики и торговцы поддержат его и смогут навязать народу его взгляды. К тому же это будет легко сделать, ведь его главное оружие, о происхождении которого Пазаир и не догадывается, сработает вовремя и очень действенно.

Услышав какой-то звук, Бел-Тран вздрогнул. В этот поздний час здание пустовало. Удивившись, он поднялся и спросил:

— Кто там?

Тишина была ему ответом. Успокоившись, он вспомнил, что ночью округу охраняет патруль, поэтому можно не опасаться за свою безопасность. Он снова сел в позу писца, скрестив ноги, и развернул папирус с расчетами — прообраз новой системы податей.

Вдруг чья-то мощная рука сдавила ему горло. Задыхаясь, Бел-Тран стал отбиваться, пытаясь высвободиться.

— Не сопротивляйся, иначе я воткну тебе в бок кинжал.

Голос нападавшего показался ему знакомым.

— Чего вы хотите? — прохрипел он.

— Задать тебе один вопрос. Если ты на него ответишь, будешь жить.

— Кто вы?

— Знание не принесет тебе пользы.

— Я не уступлю угрозам.

— Ты недостаточно храбр, чтобы оказать сопротивление.

— Я знаю, кто вы... Сути!

— Военачальник Сути.

— Вы не сможете причинить мне никакого вреда.

— Не обманывай себя.

— Визирь накажет вас!

— Пазаир ничего не знает о том, что я предпринял, а для меня помучить такого, как ты, — одно удовольствие. Если достижение истины оплачивается подобной ценой, то я готов ее заплатить.

Бел-Тран почувствовал, что его собеседник не шутит.

— Что за вопрос?

- Где находится Завещание богов?
- Я не знаю...
- Хватит, Бел-Тран. Сейчас не время для лжи.
- Отпустите меня, я все скажу.

Хватка ослабла. Бел-Тран помассировал шею и бросил быстрый взгляд на кинжал, которым угрожал ему Сути.

- Даже если вы вонзите этот кинжал мне в живот, все равно не узнаете ничего больше.
- И все же попробуем.

Острие кинжала поцарапало кожу Бел-Трана, выступила кровь. Улыбка на его губах удивила Сути.

- Вам доставит удовольствие умереть?
- Убивать меня глупо: я не знаю места, где спрятано Завещание богов.
- Ты лжешь.
- Воспользуйтесь своим оружием, но вы совершили бесполезное убийство.

Сути заколебался, настолько его смутила уверенность в голосе Бел-Трана. Глава Двойного Белого дома должен был задрожать от страха и потерять сознание при мысли о том, что из-за грубого вмешательства Сути все может рухнуть, когда намеченная цель уже так близка.

- Уходите отсюда, Сути. Ваше предприятие было бессмысленно.

Сути осушил кубок прохладного пива. Но оно не утолило его жажду.

— Невероятно, — сказал он Пазаири, который слушал его рассказ с большим вниманием. — Невероятно, но Бел-Тран не лгал, я в этом уверен. Он не знает, где спрятано Завещание богов!

Нефret снова наполнила кубок Сути. Маленькая мартышка прыгнула на спину молодого военачальника, макнула палец в пиво, перепрыгнула на ствол ближайшей смоковницы и скрылась в листве.

— Боюсь, что он ввел тебя в заблуждение. Бел-Тран опасный болтун, он всегда был большим мастером в том, что касается разных хитростей и уловок.

— На этот раз он говорил правду, хотя это и кажется неправдоподобным. Поверь, я был готов продырявить его насекомый, но его признание отняло у меня всякую охоту это делать. Ты должен направить нас, визирь.

Слуга сообщил Нефret, что какая-то женщина пришла поговорить с ней. Получив разрешение войти, служанка Силкет пала ниц перед главной целительницей царства и умоляюще произнесла:

— Моя хозяйка при смерти. Она велела позвать вас...

Итак, Силкет больше никогда не увидит своих детей. После прочтения документа о расторжении брака, переданного ей писцом без ведома Бел-Трана, она впала в истерику, которая совершенно истощила ее. Все вокруг было в пятнах крови. Несмотря на усилия врача, остановить желудочное кровотечение не удалось.

Глядя на себя в зеркало, Силкет пришла в ужас. Кто эта ведьма с распухшими глазами, безобразным лицом и гнилыми зубами? Она растоптала зеркало ногами, но это не помогло избавиться от страха. Силкет чувствовала, что ее тело разлагается.

Когда у супруги Бел-Трана подкосились ноги, она не смогла подняться вновь. В большом опустевшем поместье остались только садовник и ее служанка. Они подняли свою госпожу и положили на кровать. Она неистовствовала, выла, впадала в забытье, затем снова начинала буйствовать.

В один из моментов просветления она велела служанке привести к ней Нефret, и та пришла. Красивая, сияющая, спокойная, она молча смотрела на супругу Бел-Трана. Потом спросила:

— Хотите, чтобы вас перевезли в лечебницу?

— Бесполезно, я все равно умру.

— Я должна вас осмотреть.

— Ваш опыт позволяет вам выносить решения... Я ужасна, не правда ли? — Силкет в бешенстве стала раздирать лицо ногтями. — Я ненавижу вас, Нефret. Ненавижу потому, что вы обладаете тем, о чем я всегда мечтала и чего не буду иметь никогда.

— Разве Бел-Тран не сделал все возможное, чтобы удовлетворить ваши потребности?

— Он бросил меня, потому что я заболела и стала некрасивой. Это окончательный развод. Я ненавижу вас и Пазаира!

— Разве мы виновны в вашем несчастье?

Силкет наклонила голову. Пот струился по ее лицу.

— Я почти победила, Нефret, я почти раздавила вас и вашего визиря. Мне удалось стать

самой лицемерной из женщин, втереться к вам в доверие, завоевать вашу дружбу с единственной целью — навредить вами победить вас. И тогда бы вы стали моей рабыней, вынужденной подчиняться мне, когда бы я этого ни захотела.

— Где ваш муж спрятал Завещание богов?

— Я ничего не знаю об этом.

— Бел-Тран развратил вас.

— Это неправда! Мы действуем в согласии с самого начала заговора. Я ни разу не воспротивилась его решениям. Убийства стражников, преступления поглотителя теней, уничтожение Пазаира... Я хотела и одобряла все это, и я радовалась успехом! Это я передавала все его приказы, я составила послание, из-за которого Пазаир пришел к Бераниру. Пазаир, осужденный на каторгу, обвиненный в убийстве своего учителя, — какая победа!

— Откуда такая ненависть?

— Потому что Бел-Тран должен был стать первым и поднять меня на свою высоту. Я решила лгать, изворачиваться и обманывать кого угодно, лишь бы добиться этого. А теперь он меня покидает... Он покидает меня, потому что мое тело изменяет мне.

— Та игла, которой был убит Беранир, принадлежит вам?

— Не я убила Беранира... Бел-Тран не прав, что бросает меня, а виновны во всем только вы! Если бы вы согласились меня лечить, я бы не потеряла мужа и не осталась гнить здесь в одиночестве, покинутая всеми!

— Так кто убил Беранира?

Злая улыбка оживила обезображенное лицо Силкет.

— Вы и Пазаир на ложном пути. Когда вы это поймете, будет поздно, слишком поздно! Из глубин преисподней, где демоны будут сжигать мою душу, я наслажусь вашим падением, прекрасная Нефret!

Силкет стояла. Нефret позвала служанку:

— Омойте ее и очистите эту комнату окуриванием. Я пришлю вам лекаря из лечебницы. Силкет выпрямилась, глаза ее горели безумным огнем.

— Вернись, Бел-Тран, вернись ко мне! Мы смешаем их с грязью, мы их уничтожим, мы... — Дыхание ее прервалось, голова откинулась назад, и она без сил рухнула на пол.

* * *

С наступлением июля вступало в свои права царствование Исиды, правительницы звезд, великой чарами, щедре и неистощимое чрево которой несло в себе все формы жизни. Женщины и девочки, помня о ее благодеяниях, готовили к празднику плодородия свои самые лучше наряды. На острове Филэ, священном месте, принадлежавшем богине, на самом юге Египта, жрицы репетировали песни, которые они исполняют во время половодья.

В Саккаре тоже вовсю готовились к празднику обновления. Повсюду были установлены статуи богов. Фараон поднимется по лестнице и поцелует каменное изваяние, наделенное сверхъестественной силой. Эта сила проникнет в него и омолодит его тело. Под воздействием священных чар фараон, посредник между невидимым и видимым, насытится силой, необходимой для поддержания союза Двух Земель. Так он сможет объединить свой народ и повести его к благородству.

Когда Рамсес Великий прибыл в Мемфис за три дня до праздника, его встречал весь двор в полном составе. Царица-мать пожелала ему достойно пройти ритуал, а сановники уверили в своей преданности. Царь сообщил, что мир с Азией будет долгим и после торжеств он будет управлять страной, следя вечному закону Маат.

Как только закончилась короткая праздничная церемония встречи, Рамсес уединился со своим визиром.

— Есть что-то новое?

— Есть одно обстоятельство, которое вызывает недоумение, мой повелитель. Несмотря на довольно грубое вмешательство Сути, Бел-Тран утверждает, что не знает, где находится Завещание богов.

— Это бессовестная ложь.

— А если нет?

— Какие выводы мы можем сделать?

— Выводы такие, что ни вы, и никто другой не сможет представить ни жрецам, ни двору, ни народу это Завещание.

— Не могли ли наши врачи уничтожить его? — в волнении спросил Рамсес.

— У них возникли большие разногласия. Бел-Тран устранил часть своих сообщников и организовал бракоразводный процесс со своей супругой Силкет.

— Если он не владеет документом, то на что он рассчитывает?

— Я попытался в последний раз возвратить к его сердцу. Моя попытка не возымела никакого действия.

— Значит, он не сдается.

— Силкет в порыве горячки утверждала что мы ошибаемся.

— И что означали ее слова?

— Мне это неизвестно, мой повелитель.

— Я отрекусь до начала праздника обновления и сложу скипетр и корону перед священными вратами Саккары. Вместо моего возрождения народ будет праздновать коронацию моего врага.

— Службы, отвечающие за водоснабжение, сообщают, что половодье начнется послезавтра.

— Что ж, Пазаир, в этом году Нил наводнит землю, где правит божественный фараон. На будущий год он вернется и будет питать землю, которой правит самозванец.

— Готовится отпор его власти, мой повелитель. Господство Бел-Трана будет не из легких.

— Один лишь титул фараона заставит людей подчиняться ему. Он быстро восстановит преимущество.

— Без Завещания богов?

— Он посмеялся над Сути. Я ухожу из храма Птаха. Мы с тобой встретимся у священных врат Саккары. Ты был хорошим визирём, Пазаир. Страна не забудет тебя.

— Я не смог исполнить свой долг, мой повелитель.

— Мы не были готовы к такому злу и потому не смогли его победить.

Новость распространилась с Севера на Юг: половодье оказалось обильным. Ни одна провинция не останется без воды, ни одно селение. Фараон будет облагодетельствован богами и сможет прокормить свой народ. Возрождение Рамсеса сделает его величайшим из царей, пред которым падет ниц вся земля. Вокруг всего, что касалось Нила, царило большое оживление. Отметки, сделанные на камне, позволяли проследить закономерности разлива вод и силы Хапи. По режиму реки, по коричневатой окраске ее потока делали вывод, что ежегодное чудо произойдет со дня на день. Радость завладела сердцами египтян, праздник начинался раньше срока.

Члены тайного совета визиря не скрывали своей печали. Царица-мать жаловалась на бремя лет, а Баги, прежний визирь, все больше горбился. Сути страдал от своих прошлых многочисленных ран, Кем ходил с опущенной головой, словно чего-то стыдился. Морщины Кани, верховного жреца Карнака, стали еще глубже, а Пазаир, всегда державшийся с достоинством, предавался отчаянию. Каждый из них сделал все возможное, но все оказалось тщетным. Скоро новый фараон будет диктовать свои указы.

— Не оставайтесь в Мемфисе, — посоветовал Пазаир. — Я нанял судно, которое плывет на юг. После Элефантины оно направится в Нубию и может затеряться там.

— Я не собираюсь оставлять своего сына, — заявила царица-мать.

— Силket на пороге смерти, моя повелительница. Бел-Тран обвинит вас в ее смерти и будет безжалостен к вам.

— Я приняла решение, Пазаир. Я остаюсь.

— Так же, как и я, — сообщил Баги. — В моем возрасте уже нечего бояться.

— Мне жаль, но я должен вас разочаровать. Вы-то как раз и являетесь воплощением традиции, которую Бел-Тран желает искоренить.

— Он сломает зубы о мои старые кости. Может, мое присутствие возле Рамсеса и царицы-матери заставит его вести себя сдержаннее.

— От имени всех великих жрецов, — заявил Кани, — я увижу с Бел-Траном, как только он будет коронован, и провозглашу, что мы все служим законам, которые всегда являлись основой величия Египта. Он узнает, что храмы не станут поддерживать самозванца.

— Тогда ваша жизнь окажется в опасности.

— Мне это безразлично.

— И я останусь, чтобы защитить тебя, мой друг, — заявил Сути.

— И я, — добавил Кем. — Я подчиняюсь визирю, и никому больше.

Расчувствовавшись до слез, визирь Пазаир объявил об окончании своего последнего совета, вознеся хвалы богине Маат, чье царствие продлится до скончания веков.

* * *

Рассказав Пазаиру о своем последнем паломничестве к гробнице Беранира, Нефret отправилась в лечебницу, чтобы прооперировать больного с травмой черепа и дать указания своим подчиненным. Она заверила мужа, что общение с душой учителя не было иллюзией. Хотя она и не смогла растолковать послание из потустороннего мира, ее не покидала уверенность, что Беранир не оставит их.

Стоя в одиночестве перед жертвенником предков, Пазаир размышлял о прошлом. С тех пор как он начал исполнять обязанности визиря, у него не было времени подумать в тишине

и одиночестве. Сейчас его разум пребывал в умиротворении; мысли вышли на свободу, стали острыми и четкими, как клюв ибиса. Визирь припомнил все события одно за другим, начиная с того самого поворотного момента, когда он, отказавшись подписать непонятное отстранение от должности начальника стражи сфинкса в Гизе, сам того не подозревая, сорвал планы заговорщиков. Он упрямо шел к выяснению истины, на этом тернистом пути его поджидали трудности и скрытые ловушки, но он не потерял решимости. Сейчас же, несмотря на то, что известны имена многих заговорщиков, их главы Бел-Трана и его супруги Силкет, и то, что он держал в руках отдельные фрагменты головоломки и знал исход манипуляции, Пазаир чувствовал себя одураченным. Погрузившись в водоворот событий, он не смог вовремя остановиться и посмотреть на происходящее со стороны.

Смельчак поднял голову и тихо зарычал: пес почуял присутствие постороннего. В небо вспорхнули испуганные птицы. Кто-то неизвестный находился возле бассейна.

Пазаир придержал собаку за ошейник. Новый наемник Бел-Трана, посланный убить его? Второй поглотитель теней, которого не смог перехватить павиан? Визирь приготовился к смерти: он станет первой жертвой нового хозяина Египта, которому не терпится поскорее уничтожить своих врагов.

Северный Ветер почему-то молчал, и Пазаир подумал, не зарезал ли его тот, кто вторгся в его владения.

Она появилась в полосе лунного света. В руке — короткий меч, обнаженная грудь покрыта странными знаками, лоб украшен белыми и черными полосами.

- Пантера!
- Я должна убить Бел-Трана.
- Эта боевая раскраска...
- Таков обычай нашего племени. Он не сможет сопротивляться моей волшебной силе.
- Боюсь, что это не так, Пантера.
- Где он прячется?

— В своих покоях, в здании Государственной казны. Бел-Тран под надежной охраной. С тех пор как его посетил Сути, он больше не подвергает себя риску. Не ходи туда, Пантера, тебя задержат или убьют.

- Ливийка нахмурилась:
- Значит, все кончено...

— Уговори Сути покинуть Мемфис сегодня же ночью. Укройтесь в Нубии, разрабатывайте вашу золотоносную жилу, будьте счастливы. Не следуйте за мной в моем падении.

- Я обещала демонам ночи уничтожить это чудовище, и я сдержу свое слово!
- Зачем так рисковать?
- Бел-Тран желает зла Нефret. Я никому не позволю разрушить ее счастье.

Пантера бросилась в сад. Пазаир увидел, как она с кошачьей грацией легко перелезла через стену усадьбы.

Смельчак снова погрузился в сон, а Пазаир вернулся к своим думам. Странные подробности вспомнились ему. Чтобы ничего не упустить, Пазаир делал пометки на глиняных табличках. По мере того как продвигалась работа, стали выплывать на свет и другие детали его расследования, на которые он прежде не обращал внимания. Пазаир перетасовал улики, перекроил все свои предварительные умозаключения и обозначил новые версии, настолько странные, что собственный разум запрещал ему принимать их всерьез.

Когда на рассвете вернулась Нефret, Смельчак и Проказница радостно бросились к ней. Пазаир заключил супругу в объятия.

— Ты совсем без сил.

— Сначала была трудная операция, а потом я навела порядок в своих документах. Тому, кто придет мне на смену, нетрудно будет продолжить мою работу.

— А теперь отдохни.

— Я не хочу спать.

Нефret заметила десятки табличек, разложенных стопками.

— Ты работал всю ночь?

— И понял, что я глупец.

— Зачем так бранить себя?

— Я был глуп и слеп, потому что отказывался видеть истинную суть вещей. Это непростительная ошибка для визиря, ошибка, которая могла навлечь беду на Египет. Но ты была права. Произошло одно событие — душа Беранира заговорила.

— Ты хочешь сказать, что...

— Я знаю, где находится Завещание богов.

Когда на востоке засияла звезда Сотис, спутница восходящего солнца, по всему царству было объявлено о начале разлива Нила. После многих дней тревожного ожидания, начало нового года пришло вместе с живительными водами половодья. Празднества обещали быть особенно торжественными, поскольку должны были сопровождаться ритуалом обновления Рамсеса Великого.

Демоны, злые духи и скрытые опасности были побеждены. Благодаря заклинаниям главной целительницы царства, наводящая ужас богиня Сехмет не наслала на Египет полчища болезней. Каждый житель наполнил голубой фаянсовый сосуд новогодней водой, которая несла в себе свет начала. Если хранить его в доме, то в семье будет царить благополучие.

Во дворце также соблюдали обычай. Серебряный сосуд, содержащий драгоценную влагу, поместили у подножия трона, который с первыми лучами солнца занял Рамсес Великий.

На царе не было ни короны, ни ожерелья, ни браслетов, он довольствовался простой белой набедренной повязкой, как во времена Старого царства.

Пазаир склонился перед ним.

— Год будет счастливым, мой повелитель. Разлив полноводен.

— Египет ожидают несчастья.

— Надеюсь, что я исполнил свой долг.

— Я ни в чем тебя не упрекаю.

— Я прошу вас взять в руки символ власти.

— Напрасно ты просишь меня об этом, визирь. Царской власти больше нет.

— Она непоколебима, и таковой останется, мой повелитель.

— Как можешь ты шутить, когда Бел-Тран с минуты на минуту появится в этом тронном зале и завладеет Египтом.

— Он не придет.

— Не лишился ли ты рассудка?

— Бел-Тран не главарь заговорщиков. Он возглавил тех, кто осквернил Великую пирамиду, но подстрекатель заговора не участвовал в этом деле. Кем натолкнул меня на эту мысль, размышляя над тем, каково количество заговорщиков, но в тот момент я остался глух к его словам. По мере того как мы все больше узнавали об их планах, Бел-Тран заставил нас признать себя их главой, в то время как настоящий руководитель оставался в тени. Мне кажется, я знаю не только его имя, но и место, где спрятано Завещание богов.

— Успеем ли мы его вовремя найти?

— Я в этом убежден.

Рамсес поднялся, надел на грудь большое золотое ожерелье, а на запястья — серебряные браслеты, увенчал голову синей короной, взял в правую руку скипетр — символ верховной власти и воссел на трон.

Слуга доложил, что бывший визирь просит об аудиенции. Царь скрыл свое нетерпение.

— Помешает ли тебе его присутствие, Пазаир?

— Нет, мой повелитель.

Бывший визирь приблизился к нему на негнущихся ногах, лицо его было мрачно. На нем

было единственное украшение — символ его прежней власти, сердце из меди, висевшее на цепочке.

— Наше поражение еще не окончательно, — начал Рамсес. — Пазаир думает, что...

Но Пазаир прервал его речь словами:

— Вот тот человек, о котором я говорил вам, мой повелитель.

Фараон был потрясен.

— Баги?! Мой прежний визирь?!

— Передайте мне царственный скипетр, — сказал Баги. — Вы больше не способны царствовать.

— Какой демон овладел твоим разумом? Ты, и вдруг такое предательство...

Баги улыбнулся:

— Бел-Тран смог убедить меня в правоте своих взглядов. Такой мир, каким он желает его видеть и который мы будем создавать вместе, мне подходит. Моя коронация никого не удивит и наведет порядок в стране. Когда народ заметит преобразования, которые мы с Бел-Траном заставим его принять, будет уже слишком поздно. Те, кто не пойдет за нами, останутся на обочине дороги, где будут гнить их трупы.

— Ты больше не тот человек, которого я знал. Мой бывший визирь был честным и неподкупным судьей, поглощенным поиском истины...

— Времена меняются так же, как и люди.

Пазаир вступил в их разговор:

— До встречи с Бел-Траном вам было достаточно верой и правдой служить фараону и со строгостью, исключающей любые пристрастные решения, следить за исполнением Закона. Затем перед вами засверкали новые горизонты. Бел-Трану удалось купить вашу совесть, потому что она продавалась.

Баги и бровью не повел.

— Вам нужно было обеспечить будущее своих детей, — продолжал Пазаир. — Вы показывали безразличие к материальным благам, но стали сообщником человека, основой которого является корысть. Вы тоже корыстолюбивы: вам нужна верховная власть.

— Достаточно разговоров, — сухо отрезал Баги, протягивая руку. — Прошу вас отдать скипетр и корону.

— Мы оба должны предстать перед верховными жрецами и двором, — заметил Рамсес.

— Мне нравится эта мысль. Вы при всех откажетесь от трона в мою пользу.

Вдруг Пазаир резким движением схватил медное сердце, рванул его на себя, порвав цепь, на которой оно висело, и вручил сокровище царю.

— Вскройте это нездоровое сердце, мой повелитель.

Рамсес при помощи скипетра разбил медный сосуд. Внутри оказалось Завещание богов. От неожиданности Баги даже не пошевелился.

— Подлец из подлецов! — в негодовании воскликнул царь.

Баги отступил назад, с ненавистью глядя на Пазаира.

— Истина открылась мне лишь этой ночью, — признался визирь спокойно. — Поскольку я полностью доверял вам, то не мог себе даже представить, что вы способны заключить союз с таким человеком, как Бел-Тран, а еще меньше мог представить вас в роли тайного организатора заговора. Вы рассчитывали на мое легковерие и были очень близки к победе. Однако, мне следовало заподозрить вас уже давно. Кто мог приказать сместить начальника стражи сфинкса, свалив ответственность на полководца Ашера, о предательстве

которого он знал? Кто мог незаметно управлять теми, кто представляет власть в Египте, кто мог осуществить такой заговор, если не визирь? Кто имел возможность манипулировать Монтумесом, прежним верховным стражем, который так боялся потерять свой пост, что выполнял все приказы, не вдумываясь в них? Кто позволил Бел-Трану карабкаться вверх по иерархической лестнице, не оказывая сопротивления его незаконным действиям? Если бы я сам не стал визирем, то никогда бы не понял, какой властью обладает человек, занимающий эту должность, и насколько широко поле его деятельности.

— Ты поддался на угрозы или на шантаж со стороны Бел-Трана? — спросил фараон.

Баги не произнес ни слова. За него ответил Пазаир.

— Бел-Тран нарисовал ему радостное будущее, в котором он будет стоять в первом ряду, и Баги понял, как использовать эту примитивную, но стремящуюся к власти личность. Он оставался в тени, Бел-Тран — на виду. Всю свою жизнь Баги прятался за сухими словами указов, поскольку его сердце — это сердце труса. Я осознал это, когда в трудных обстоятельствах мы должны были вместе дать отпор врагам. Тогда он предпочел бежать, оставив меня без поддержки. Баги не знакомы ни привязанность, ни жизнелюбие, а его аккуратность — это всего лишь маска, за которой скрывается фанатичность.

— И ты посмел носить на груди сердце визиря и убеждать всех в том, что вершишь суд совести, представляя фараона?!

Гнев Рамсеса заставил Баги отступить, но он по-прежнему пристально смотрел на Пазаира.

— Баги и Бел-Тран, — продолжал визирь, — построили свои замыслы на лжи. Их сообщники не знали о роли, которую играет Баги, и даже относились к нему с подозрением. Это и ввело меня в заблуждение. Когда старый зубной лекарь стал мешать, Баги отдал приказ устранить его. Такая же судьба была уготована и остальным, если бы царевна Хаттуса не отомстила им сама. Когда меня неожиданно возвели в сан визиря, он надеялся, что сможет подкупить меня. Не сумев этого сделать, Бел-Тран попытался меня опорочить. Когда и этот план провалился, ему не оставалось ничего иного, кроме убийства.

На лице Баги не дрогнул ни один мускул. Он по-прежнему оставался спокоен.

— Благодаря Баги Бел-Тран без опаски шел к намеченной цели. И кто бы догадался искать Завещание богов в медном сердце, символе добросовестного выполнения визирем своих обязанностей, которое фараон разрешил ему оставить себе в знак благодарности за оказанные услуги. Таким образом Баги обладал самым лучшим и самым недоступным из тайников. Притаившись, он не будет опознан до тех пор, пока не возьмет власть в свои руки. Мы сосредоточили все внимание на Бел-Тране, в то время как Баги, будучи членом моего тайного совета, сообщал своему сообщнику обо всех принятых нами решениях.

Единственное, в чем я не ошибся, это связь между убийством Беранира и заговором. Но как я мог предположить, что вы можете быть хоть как-то замешаны в этом гнусном преступлении? Я был плохим визирем, который слепо судил обо всем и верил в вашу искренность. И в этом ваши расчеты оправдывались... Но Беранира требовалось устраниć. Как верховный жрец Карнака, он занимал очень важное положение и смог бы оказать мне помощь в расследовании такими средствами, которыми я не располагал. Но кто знал о том, что Беранир займет этот пост? Пять человек. Трое из них не могли быть заподозрены — это царь, предшественник Беранира в Карнаке и вы сами. Зато двое оставшихся являлись прекрасными претендентами на роль подозреваемых — старший лекарь, который хотел устраниć меня и жениться на Нефret, и верховный страж Монтумес, его сообщник,

который, не колеблясь, отправил меня на каторгу, зная, что я невиновен. Я долго верил в причастность одного из них, пока не понял, что они не покушались на жизнь моего учителя. Орудие преступления, игла из перламутра, указывала скорее на женщину. Я пошел по ложному пути. Чтобы воткнуть иглу в шею жертвы, которая не оказала ни малейшего сопротивления, надо было принадлежать к узкому кругу близких Бераниру людей и быть способным на убийство мудреца, даже зная, что это грозит проклятием. Однако расследование показало, что три подозреваемые женщины не виновны в злодеянии.

— Вы не забыли о поглотителе теней? — спросил Баги.

— Допрос, который провел Кем, развеял все мои сомнения. Он не был убийцей Беранира. Остаетесь только вы, Баги.

Бывший визирь не стал отпираться.

— Вы прекрасно знали его скромное жилище и его привычки. Под тем предлогом, что пришли поздравить, вы нанесли ему визит в час, когда никто не мог вас увидеть. Вы, человек теней, умеете пройти незамеченным. Беранир повернулся к вам спиной, и вы вонзили ему в затылок иглу из перламутра, которую похитили у Силкет во время одной из тайных встреч с Бел-Траном. Никогда еще не знала эта земля более подлого убийства! Затем последовали удачи: Беранир мертв, я на каторге, но вас в этом никто не может обвинить, верховный страж не способен узнать вас, Нефret оказалась в подчинении у старшего лекаря, а Сути находился в беспомощном состоянии. Бел-Тран стал бы визирем, а Рамсес отказался бы от трона в вашу пользу. Но вы недооценили силу души Беранира и забыли о существовании высших сил. Устранить меня с пути оказалось недостаточно, следовало помешать Нефret почувствовать истину. Бел-Тран и вы, оба презирающие женщины, совершили ошибку, не принимая ее в расчет. Без Нефret я бы действительно проиграл, а вы стали бы владыками Египта.

— Позвольте мне покинуть страну вместе с семьей, — попросил Баги хриплым голосом. — Моя жена и дети невиновны.

— Тебя будут судить, — ответил фараон.

— Я служил вам верой и правдой, но меня никогда не ценили по достоинству. А вот Бел-Тран оценил меня в полной мере. Кто такой Беранир или этот ничтожный Пазаир по сравнению со мной? Что их ученость рядом с моей?

— Ты был мнимым мудрецом, Баги, и худшим из преступников. Чудовище, которое ты взрастил в себе, тебя же и сожрало.

* * *

В тот праздничный день комнаты Двойного Белого дома были пустынны, но, опасаясь нового нападения Сути, Бел-Тран не отпустил стражников, потребовав, чтобы те удвоили бдительность. Всеобщее ликование забавляло его: народ еще не знал, что прославляет имя уже свергнутого царя. Кого удивит, что опороченный Рамсес уступит свое место уважаемому всеми Баги? Старому визирю, никогда не проявлявшему властолюбия, конечно же, будут доверять.

Бел-Тран подумал, что к этому часу Рамсес уже должен был отречься от власти, а на троне восседал Баги со скипетром власти в руке. Писец уже записывал первый указ о смещении Пазаира, заключении его под стражу за государственную измену и назначении

визирем Бел-Трана. Через несколько минут за ним придут, чтобы отвести во дворец для присутствия на церемонии восшествия на престол нового фараона.

Баги быстро потеряет голову от власти. Бел-Тран сумеет обманывать его как можно дольше, а сам будет действовать так, как считает нужным. Как только царство окажется полностью в его руках, визирь избавится от старика, если только болезнь раньше не выполнит эту неприятную обязанность за него.

Из окна второго этажа Бел-Тран увидел Кема, идущего во главе караульного отряда. Почему нубиец все еще на своем посту? Видимо, Баги забыл отстранить его. Бел-Тран не станет совершать подобных ошибок, он как можно скорее окружит себя подчиненными, преданными его делу.

Воинственный вид Кема удивил его. Нубиец не был похож на побежденного, вынужденного исполнять неприятный для него приказ. Но ведь бывший визирь убеждал Бел-Трана, что нет никакого риска и провал невозможен. Там, куда он припрятал Завещание богов, никто не сможет его найти.

Стражники Двойного Белого дома опустили оружие и пропустили Кема. Бел-Тран запаниковал. Случилось что-то непредвиденное. Он вышел из своей комнаты и бросился в глубь здания, где имелся запасной выход на случай пожара. Засов со скрежетом открылся, и Бел-Тран углубился в коридор, выходивший в сад. Забравшись в самую гущу кустов, он крадучись пошел вдоль ограды.

В тот момент, когда он собирался ударить стражника, стоявшего у главных ворот, на его плечи обрушилось что-то тяжелое и сбило его с ног. Сильная лапа Убийцы пригвоздила беглеца к земле.

* * *

Сопровождаемый верховными жрецами Гелиополя, Мемфиса и Карнака, фараон, после церемонии объединения Севера и Юга, прошел во двор, где должен был совершиться ритуал обновления. Оставшись наедине с богами, он приобщился к их тайнам, впитав в себя их мудрость и знания, после чего вернулся в мир своих подданных.

Рамсес, царь, коронованный дважды — богами и людьми, — сжал в правой руке кожаный футляр с Завещанием богов, передаваемым от фараона к фараону.

Из дворцовского окна в Мемфисе царь показал своему народу документ, который делал его законным правителем Египта.

Гонцы помчались разносить эту новость во все концы света. От Крита до Азии, от Ливана до Нубии друзья, союзники и враги — все узнают о том, что царствование Рамсеса Великого продолжается.

* * *

Шел пятнадцатый день разлива Нила. Всеобщее ликование достигло апогея. Стоя на террасе своего дворца вместе с визирем, Рамсес созерцал город, освещенный огромным количеством масляных светильников. В эти жаркие летние ночи Египет предавался лишь веселью и радостям жизни.

— Какое великолепное зрелище, Пазаир.

— Отчего же так вышло, что зло завладело душой Баги?

— Видимо, оно жило в ней с рождения. Я совершил большую ошибку, сделав его визирем, но боги помогли мне исправить ее, выбрав тебя. Ни один из живущих не может изменить того, что заложено в нем. Мы же, на ком лежит ответственность за судьбу народа, наследники высшей мудрости, должны уметь различить это. А теперь пора вершить законный суд. На нем, и только на нем, держатся величие и благополучие страны.

— Давайте же отделим истину от лжи, — объявил Пазаир, — и защитим слабых, дабы спаси сильных.

Заседание суда визиря было открыто.

Тroe обвиняемых, Баги, Бел-Тран и Силкет, должны были ответить за свои преступления перед Законом, который представлял Пазаир и суд, в составе Кани, верховного жреца Карнака, Кема, верховного стражи, простого подрядчика, ткачихи и жрицы богини Хатхор. Учитывая состояние здоровья госпожи Силкет, ей разрешили остаться в своем поместье.

Визирь зачитал обвинительные акты, в которых не было упущено ни одной подробности. Баги не проявил никаких эмоций и остался безучастным к обвинениям, которые были выдвинуты против него. Бел-Тран протестовал, махал руками, оскорблял судей и оправдывал себя тем, что действовал правильно.

После краткого совещания суд вынес вердикт, который Пазаир одобрил. Прозвучал приговор:

— Баги, Бел-Тран и Силкет, признанные виновными в заговоре против царской особы, в клятвопреступлении, в убийстве и соучастии в убийстве, в предательстве и восстании против Маат, приговариваются к смерти на этой земле и в загробном мире. Отныне Баги называется Подлым, Бел-Тран — Алчным, а Силкет — Лживой. Эти имена они будут носить вечно. Их облики и имена нанесут на листы папируса, которые прикрепят к восковым фигуркам. Фигурки эти проткнут копьями, растопчат, а затем предадут огню. Таким образом будут уничтожены все следы трех преступников как в этом, так и в загробном мире.

* * *

Когда Кем принес Силкет яд, чтобы та сама привела приговор в исполнение, служанка сообщила, что ее госпожа покинула этот мир после того, как узнала позорное имя, данное ей. Лживая скончалась от сильнейшего припадка истерии. Позже труп ее был предан огню.

Бел-Трана посадили под замок. Он ходил кругами по тесному помещению, не сводя глаз с флакона с ядом, поставленного верховным стражем посреди комнаты. Алчный не мог лишить себя жизни, он слишком боялся смерти. Когда дверь открылась, он хотел наброситься на вошедшего, повалить его на землю и бежать. Но, увидев, кто это, прирос к полу.

Перед ним стояла Пантера, тело которой украшала боевая раскраска. В одной руке она сжимала короткий меч, а в другой держала кожаный мешочек. Взгляд молодой женщины был страшен. Бел-Тран начал пятиться, пока не прижался спиной к стене.

— Сядь! — приказала Пантера.

Бел-Тран подчинился.

— Поскольку ты Алчный — ты должен съесть это!

— Яд?

— Нет, это твоя излюбленная еда, — усмехнулась красавица.

Прижав острие меча к шее Бел-Трана, она разлепила его губы и высыпала в рот

содержимое мешочка — груду греческих монет.

— Набивай себе брюхо, Алчный, ешь, пока не сдохнешь!

* * *

Летнее солнце освещало пирамиду Хеопса, облицованную белым известняком. Все сооружение походило на огромный застывший луч света, ярость которого слепила глаза.

Баги, сгорбившись больше прежнего, с трудом поспевал за Рамсесом, ноги его распухли. Визирь замыкал шествие. Переступив порог величественного сооружения, они углубились в галерею, ведущую вверх. Баги задыхался и шел все медленнее. Подъем стал для него настоящей пыткой. Когда же он наконец закончится?

Согнувшись в три погибели, рискуя сломать себе поясницу, он пролез в просторную камеру с голыми стенами. В глубине ее стоял пустой саркофаг.

— Вот то место, которое ты так хотел захватить, — сказал Рамсес. — Пятеро твоих сообщников, осквернивших святыню, уже наказаны. Ты, самый подлый из подлецов, посмотри же на центр царства, попробуй разгадать его тайну, которую ты хотел присвоить себе.

Баги стоял, опасаясь ловушки.

— Давай, — приказал царь, — исследуй самое недоступное в Египте место.

Баги осмелел. Он, словно вор, стал медленно продвигаться вдоль стены, напрасно выискивая какой-нибудь тайный знак или надпись. Дойдя до саркофага, Баги склонился над ним.

— Но... он пуст!

— Разве не твои сообщники ограбили его? Смотри лучше.

— Ничего. Здесь ничего нет.

— Раз ты слеп, иди прочь.

— Мне уйти?

— Покинь пирамиду.

— Вы отпускаете меня?

Фараон хранил молчание. Подлый устремился в низкий и тесный ход и побежал по ступеням большой галереи.

— Я не забыл о смертном приговоре, визирь Пазаир. Но для подлецов и трусов самый сильный яд — это свет, который нанесет ему удар у выхода из пирамиды и убьет его.

— Разве не вам одному, мой повелитель, дозволено входить в это святилище?

— Ты стал частью моего сердца, Пазаир. Подойди к саркофагу.

Оба мужчины положили руки на краеугольный камень Египта.

— Я, Рамсес, сын Солнца, обещаю, что более никакое видимое миру тело не будет покоиться в этом саркофаге. Из этой пустоты рождается созидательная сила, без которой любое царствование будет сводиться к простому управлению людьми. Смотри, визирь Египта, смотри — перед тобой загробная жизнь, поклонись ее незримому присутствию, не забывай о ней, когда будешь вершить правосудие.

Когда фараон и его визирь вышли из Великой пирамиды, их окутал мягкий свет заката. В недрах каменного гиганта время словно остановилось. Стражники уже давно унесли обожженное тело Подлого, пораженного молнией у порога древней святыни.

Сути нетерпеливо оглядывался по сторонам. Несмотря на важность церемонии, Пантера опаздывала. Хотя она и отказалась объяснить, почему ее тело покрыто боевой раскраской, он был уверен, что лишь ливийка способна задушить Алчного. Кем, довольствовавшись сообщением о кончине приговоренного к смерти, тело которого было сожжено, как и тела его сообщников, не стал ничего выяснять.

Весь царский двор переместился в Карнак. Никто не хотел пропустить грандиозную церемонию, на которой Рамсес отблагодарит своего визиря. В первом ряду, рядом с Кемом, стояли Северный Ветер, Смельчак и Убийца. Осел, собака и сторожевой павиан, повышенный в чине, держались с большим достоинством.

Как только закончатся чествования, Сути отправится на юг, в заброшенный город, чтобы восстановить его и снова наладить добычу золота и серебра. Там, в сердце пустыни, он сможет опять наслаждаться величественным зрелищем рассветов.

Наконец появилась Пантера, вся в ожерельях и браслетах из лазурита, притягивая внимание даже самых пресыщенных зрителей. Ее светлые волосы, великолепная фигура, дикая грация и красота вызывали зависть многих женщин. Маленькая обезьянка Нефret смирино сидела на ее плече. Пантера гневно взглянула на некоторых красоток, проявлявших, по ее мнению, излишнее внимание к военачальнику Сути.

Когда фараон, неся в руках золотой локоть, направился к Пазаиру и Нефret, стоявшим рядом посреди залитого солнечным светом двора, воцарилась тишина.

— Вы спасли Египет от хаоса, от бунта и несчастий. Так примите же этот священный символ веры. Пусть он станет сердцем вашей жизни и вашей судьбой. В нем — Маат, священная Истина, незыблемое основание, на котором поконится Закон. Пусть богиня Истины никогда не оставит вас.

Фараон сам освятил статую Беранира, которая была установлена в потайной части храма, вместе со статуями других великих мудрецов, удостоившихся подобной чести. Учитель Пазаира и Нефret был изображен в виде умудренного годами писца, читающего развернутый папирусный свиток, на котором были выгравированы священные слова: «*Вы, кто достоин увидеть меня, воздайте почести моему ка, скажите для меня слова, сопутствующие приношению даров, совершите жертвенное возлияние, и за это воздастся вам*». Глаза Беранира светились, излучая живой свет. Их веки были сделаны из кварца, белки — из горного хрусталя, зрачки — из обсидиана. Взгляд Беранира был устремлен в вечность.

Когда на Карнак спустилась ночь, Нефret и Пазаир подняли глаза к небу. Высоко-высоко загорелась новая звезда. Отныне душа Беранира, упокоившись, будет жить среди богов.

Над берегами Нила вознеслась песнь предков:

Да смягчатся ваши сердца, жители Двух Земель! Наступило время радости и счастья, справедливость восторжествовала! Истина прогоняет ложь, алчные изгнаны, попирающие Закон наказаны, боги удовлетворены. Мы живем в прекрасные времена, когда царят радость и свет!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Маат — богиня Истины, имя которой означает «Та, кто направляет». Изображается в виде сидящей женщины со страусовым пером на голове. (*Прим. автора*).

Отрывок из «Поучения гераклеопольского царя своему наследнику Мерикара». (*Прим. авт.*)

См. «Убитая пирамида». М.: Гелеос, 2007.

Буквальный перевод египетского выражения, обозначающего «убийца». (Прим. автора).

См. «Убитая пирамида». М.: Гелеос, 2007.

Один дебен был равен 91 г меди и служил единицей стоимости, по отношению к которой исчислялась цена других продуктов. (*Прим. автора*).

Около 5400 м². (*Прим. автора*).

См. «Закон пустыни». М.: Гелеос, 2007.

См. «Закон пустыни». М: Гелеос, 2007.

См. «Убитая пирамида». М.: Гелеос, 2007.

Фантастические животные, населяющие пустыню. Их изображения сохранились в погребениях знати в некрополе Бени-Хасан в Среднем Египте. (*Прим. автора*).

Номархи — главы провинций (номов), на которые был разделен весь Египет. (*Прим. ред.*)

Ритуальный посох, он же скипетр «уас», который, за исключением данного случая, мог принадлежать только богам, так как его навершие — это голова животного, олицетворявшего бога Сета. (*Прим. автора*).

Считалось, что смолы, гальбан и ладан, собранные с деревьев или кустарников и до сих пор используемые в парфюмерии, обладали целебными свойствами. (*Прим. автора*).

Из мака получали опий, использовавшийся как обезболивающее средство. (*Прим. автора*).

Некоторые из них сохранились; они посвящены гинекологии, офтальмологии, заболеваниям дыхательных путей, желудка, мочевой системы, операциям на черепе, ветеринарии. К сожалению, до нас дошла лишь незначительная часть сведений о египетском медицинском искусстве. (*Прим. автора*).

Денежная система еще не сложилась. Она появится в Египте лишь при Птолемеях греческих правителях. (*Прим. автора*). Согласно наиболее распространенной сегодня точке зрения, монеты были изобретены в 7 в. до н. э., т. е. спустя шесть веков после эпохи, описываемой в романе. (*Прим. ред.*)

Египетское поселение на месте будущей Александрии. (*Прим. ред.*)

Рыба-кошка — одна из разновидностей электрического ската, убивает своих жертв разрядом примерно в двести вольт. (*Прим. автора*).

Помет летучей мыши богат витамином А и вместе с тем прекрасный антибиотик. Современное лечение по сути совпадает с лечением древних египтян. (*Прим. автора*).

Пер-Рамсес означает «дом Рамсеса». (*Прим. автора*).

На такой же основе изготавливается современный аспирин. (*Прим. автора*).